

**ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ – ФИЛИАЛ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

На правах рукописи

КЛЕВЕТОВА Евгения Юрьевна

**ТЕХНИКА КОДИФИКАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Специальность: 5.1.1 Теоретико-исторические правовые науки

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:
Шатковская Татьяна Владимировна,
доктор юридических наук, профессор

Ростов-на-Дону – 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Научно-практическое осмысление итогов кодификации российского права во второй четверти XIX в.....	20
1.1 Свод Законов Российской империи как источник формирования научных представлений о кодификации и технике ее проведения.....	20
1.2 Научная критика Свода Законов и ее влияние на совершенствование юридической техники кодификации	47
Глава 2. Развитие техники кодификации во второй половине XIX в.: от Свода Законов к отраслевым кодификациям	74
2.1 Техника кодификации во Втором отделении Собственной Его Императорского Величества Канцелярии	74
2.2 Влияние Великих реформ Александра II на развитие техники кодификации отраслей российского права.....	100
Глава 3. Состояние техники российской кодификации в конце XIX – начале XX в.	132
3.1 Техника кодификационных работ в кодификационных органах при Государственном Совете в 1883-1906 гг.....	132
3.2 Организация и техника кодификационных работ после принятия Основных законов от 23 апреля 1906 г.....	156
Заключение.....	181
Список литературы	188

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Темпы роста нормативного массива и динамика его изменения в современных государствах актуализирует проведение кодификации как надёжной апробированной веками технологии обеспечения системного единства и целостности законодательства. Кодификация не только способствует систематическому построению позитивного права, но и укрепляет государство, придавая единообразие и определенность организации публичного правопорядка.

Действенность кодификации объясняется тем, что она, являясь неотъемлемой частью национальной правокультурной традиции, вместе с тем обладает свойствами универсальности. Накапливаемые в ходе ее исторического осуществления техники включают широкий спектр методик, правил, процедур, средств и приёмов, которые могут использоваться в различные исторические периоды и в разных национальных правовых системах.

Изучение истории кодификации демонстрирует множественность её видов и форм у европейских, азиатских, африканских, арабских народов, отражающую культурно-цивилизационное разнообразие мира. Кодификации проводятся частными лицами (неофициальные) и по инициативе государства (официальные). Её целью может быть формирование общегосударственного кодекса или упорядочение нормативного массива в определённых сферах.

С помощью кодификации проводят реформы и (или) упрощают пользование нормативным массивом. Её эффективность доказывает тот факт, что в последнее столетие в кодификацию вовлекаются страны, ранее скептически относившиеся к ней, к примеру представители англосаксонской правовой семьи Англия и США.

Общемировая тенденция к увеличению массива нормативных актов характерна и для Российской Федерации (далее РФ). Система современного российского законодательства включает миллионы разнообразных

нормативных правовых актов (далее НПА) и их рост не прекращается. Такая ситуация затрудняет достижение цели государственной политики РФ, направленной на формирование единого российского правового пространства.

Особый научно-практический интерес вызывает техника кодификации законодательства для приведения его в системное единство. Несмотря на то, что в России без малого четыре столетия ведутся кодификационные работы в отечественной юридической науке специальные исследования, посвященные технике кодификации единичны. Вследствие этого происходит смещение кодификационной и законодательной деятельности, что препятствует выявлению специфических характеристик кодификации, разграничению кодифицированных актов и иных нормативно-правовых актов.

Исторический опыт кодификации в России демонстрирует сложность и своеобразие кодификационных работ, что предполагает наличие соответствующих компетенций, опыта и навыков у кодификаторов. Формулировка цели и задач, плана и методики, выбор кодификационного органа и правил его работы, способа взаимодействия кодификаторов с законодательным органом, разработка структуры и содержания кодифицированного акта требуют специальных знаний. Их получение и приращение как представляется связано прежде всего с изучением и научным осмыслением национальных исторических форм кодификации. Поскольку успех кодификации предполагает критический анализ и обобщение предыдущего опыта и усовершенствование на этой основе техники ее проведения.

Степень разработанности темы исследования. Кодификационная деятельность неоднократно становилась предметом теоретико-правовых и историко-правовых исследований в досоветский, советский и современный период развития юридической науки.

Теоретическое и историко-правовое осмысление правовой природы и техники кодификации в досоветский период связано с подготовкой и последующим анализом кодификационных работ первой половины XIX в.

В этот период техника кодификации формировалась в основном эмпирическим путём комиссией по составлению законов и Вторым отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Цель, задачи, порядок формирования кодификационного органа и его работы, строение Свода Законов, его продолжений и редакций разрабатывались М.М. Сперанским, Г.А. Розенкампом, М.А. Балугьянским, Д.И. Блудовым, М.А. Корфом, В.Н. Паниным, С.Н. Урусовым и др. В ходе ревизии и разработки продолжений Свода Законов возникла дискуссия о его юридической природе. В неё включились такие известные правоведы как Н.М. Коркунов, А.И. Каминка, Г.Э. Блосфельдт, П.И. Цитович, М.М. Винавер, Н.С. Таганцев, М.А. Лозина-Лозинский, Г.Ф. Шершеневич и др.

Принятие Свода Законов, его обсуждение и ревизия подтолкнули научное осмысление феномена кодификации в России. История кодификации стала предметом специальных исследований, среди которых выделяются труды Ф.П. Будкевича, М.М. Винавера, А.Д. Градовского, В.Н. Латкина, М.А. Лозина-Лозинского, П.М. Майкова, С.В. Пахмана, Ф.В. Тарновского, Г.Ф. Шершеневича и др. Наиболее основательными аналитическими исследованиями местной кодификации, проводимой в XIX в. в Западной и Остзейских губерниях остаются труды А.Э. Нольде, С.В. Пахмана.

Большинство досоветских исследователей описывали общий ход кодификационных работ, состав кодификационных комиссий, биографические сведения об их руководителях. Критика программ кодификации, сравнение их с реальными достигнутыми результатами не проводилась. Исключение составляет исследование А.Э. Нольде, в котором произведен тщательный анализ подлинных документов комиссий по кодификации местных законов.

Техника кодификации не становилась в досоветский период предметом специальных исследований. Однако в ходе обсуждения юридической силы Свода Законов выдающимися отечественными правоведами М.М. Сперанским, Н.М. Коркуновым, М.М. Винавером, П.И. Цитовичем, А.И. Каминка, Н.И. Лазаревским, Л.И. Петражицким, Э.Э. Понтовичем, Г.Ф. Шершеневичем,

Г.Э. Блосфельдом, А.Н. Филипповым и др. были рассмотрены такие вопросы как соотношение кодификации и толкования, юридическая сила кодекса, методы и порядок кодификации, структура кодекса, порядок принятия кодекса, выбор кодифицирующего органа и многие другие. В начале XXв. поставил вопрос о необходимости научного изучения техники кодификации и разработал направления ее исследования М.А. Лозина-Лозинский.

Отдельным периодом в досоветской историографии следует признать дискуссию о значении кодификации и ее отличии от законотворчества, развернувшуюся в 1905-1917 г. Появление Государственной Думы сделало право средством политической борьбы, а Свод Законов предметом политико-правовых споров. В эту дискуссию были вовлечены широкие слои политических деятелей. Со стороны юридического сообщества в ней участвовали И.В. Гессен, М.А. Лозина-Лозинский, А.Н. Макаров, К.И. Малышев, А.Э. Нольде, Н.К. Ренненкампф и др.

В советский период кодификация связывалась с самодержавным строем и рассматривалась как воплощение отжившей государственной политики. Только в конце 30-х г. законодательные акты XIX в. стали изучаться источниковедами (Б.М. Корчаков). Научное исследование техники кодификации активизировалось в период кодификационных работ в 1956 г. и обуславливалось необходимостью упорядочения, единообразия и систематического построения советского законодательства. Данные проблемы нашли подробное освещение в трудах С.Н. Братуся, К.П. Горшенина, А.Н. Иодковского, Д.А. Керимова, И.П. Перетерского, С.В. Полениной, И.С. Самощенко, А.А. Ушакова и др.

Отдельные вопросы техники кодификации рассматривались советскими учёными в диссертационных исследованиях. Кодификация российского права в период образования централизованного государства проанализирована в кандидатской диссертации А.Г. Полика. Первая кодификация советского права стала предметом диссертационного исследования А.А. Ушакова. Техника

кодификации гражданского законодательства в СССР в 1961-1965 гг. затрагивалась в докторской диссертации Ю.К. Толстого.

Накопленные советскими юристами представления о технике кодификации широко использовались в ходе российской кодификации конца XX- нач. XXI вв. Однако противоречивость советской теории кодификации и необходимость совершенствования ее техники возобновили интерес юридического сообщества к проблемам кодификации. Первыми появились работы по истории кодификации отдельных отраслей права. История кодификации уголовного права исследована в трудах И.В. Архипова, Ф.Ф. Дудырева, С.В. Кодана, И.Н. Сенякина и др. Кодификация гражданского законодательства в историческом аспекте рассматривается в работах А.Л. Маковского, Р.С. Тараборина и др.

В январе 2008 г. в Институте государства и права РАН, прошёл международный круглый стол, посвященный теоретико-историческим вопросам систематизации российского законодательства. В нём приняли участие такие видные отечественные юристы как Л.Ф. Апт, В.М. Баранов, С.В. Бошно, В.Г. Графский, А.А. Демичев, Н.Н. Ефремова, В.Н. Карташов, С.В. Кодан, Л.Е. Лаптева, О.А. Омельченко, Н.С. Нижник, А.С. Туманова, Т.Ф. Ящук и др. Дискуссии, развернувшиеся на круглом столе и других научных конференциях в г. Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, оживили интересам к проблемам кодификации.

В историко-правовом контексте техника кодификации затронута в исследованиях, посвященных отдельным этапам российской и советской кодификации в XVIII-XX вв., Н.А. Вознесенского, В.Г. Графского, А.А.Дорской, Е.А. Желонкиной, С.В. Кодана, А.Л. Маковского, К.П. Краковского, А.Г. Манькова, О.А. Омельченко, Д.А. Пашенцева, Р.С. Тараборина, Т.В. Шатковской, Т.Ф. Ящук и др.

Кодификация XIX – нач. XX в. стала важным направлением современной исторической науки. Вклад историков в исследование кодификации как представляется состоит во введении значительного числа

новых архивных документов в научный оборот. В числе таких работ выделяются диссертации Т.Ю. Борисовой, И.В. Ружицкой и др.

В аспекте теории права техника кодификации представлена отдельными исследованиями. В их числе монография В.Н. Барсуковой, посвященная технике структурирования кодифицированных актов.

На уровне диссертационных исследований вопросы техники кодификации рассмотрены в аспекте систематизации права и развития законодательной техники П.Ю. Гордиенко, Т.В. Кленовой, И.П. Сидорчук, Е.О. Чинарян и др.

Подводя итог, историографическому анализу степени разработанности проблематики диссертационного исследования, отметим, что данная проблема в теоретико-исторической науке исследована либо в привязке к отдельной отрасли права или к конкретному кодификационному акту. На этот недостаток в изучении кодификации в юридической науке обращается внимание с 2008г¹. Вместе с тем, накопленный во второй четверти XIX – начале XX вв. опыт кодификации является ценным материалом для обобщения знаний о кодификации как едином процессе и обоснования своеобразия техники ее осуществления.

Объект диссертационного исследования составили общественные отношения, социально-политические явления, связи и представления в сфере формирования политической воли и теоретических подходов к осуществлению общеимперской кодификации и их практической реализации в Российской империи.

Предметом диссертационного исследования стали цели, задачи, правила, приёмы, способы общеимперской кодификации, научные воззрения на кодификационную деятельность и юридические нормы, регламентирующие её осуществление, а также выбор кодификационных

¹ Кодификация законодательства: теория, практика, техника: материалы международной научно-практической конференции, (Нижний Новгород, 25-26 сентября 2008 года) / Нижегородская акад. МВД России [и др.; под ред. В.М. Баранова, Д.Г. Краснова]. Нижний Новгород: Графика [и др.], 2009. – С.16.

органов и организационно-правовые основы их работы в Российской империи во второй четверти XIX – начале XX вв.

Хронологические рамки исследования охватывают вторую четверть XIX – начало XX вв. как единый «кодификационный блок», период непрерывного проведения кодификации российского права, в ходе которого кодификационная деятельность основывалась не только на эмпирическом опыте, но и на юридических знаниях о национальных правовых основаниях российского права. Нижняя граница условно определяется 1826 г. – годом образования Второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (далее Второе отделение), сыгравшего особую роль в формировании техники российской кодификации. Верхняя граница исследования определена 1917 годом, ставшим годом крушения Российской империи и упразднения советским правительством сложившейся в ходе кодификационной деятельности системы российского законодательства.

Для реализации цели и задач в диссертационном исследовании допускается выход за указанные хронологические рамки.

Цель диссертационного исследования состоит в научном обосновании своеобразия кодификационной техники, сложившейся в ходе кодификационных работ во второй четверти XIX – начале XX в. в Российской империи, для определения основных элементов и устойчивых представлений о технике кодификации, сохраняющих научно-практическую значимость в условиях проведения современной российской кодификации.

Реализация поставленной цели достигается решением следующих **задач**:

- определить значение кодификационных работ над Сводом Законов Российской империи для формирования научных представлений о кодификации и технике ее осуществления;

- раскрыть основные положения научной критики Свода Законов Российской империи и их влияние на совершенствование кодификационной юридической техники;

- охарактеризовать содержание кодификационной техники Второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии при подготовке продолжений и переизданий Свода Законов;
- показать влияние Великих реформ второй половины XIX в. на технику кодификации отраслей российского права;
- выделить особенности техники осуществления кодификационных работ органами при Государственном Совете с 1883 по 1906 гг.;
- определить состояние техники кодификации после принятия Основных законов от 23 апреля 1906 г.

Научная новизна диссертации состоит в научном обосновании самостоятельного юридического значения техники кодификации на опыте кодификационных работ во второй четверти XIX – начале XX вв., определении основных элементов и устойчивых представлений о технике кодификации, обладающих научно-практической значимостью для проведения современной российской кодификации, что, в частности подтверждается достижением следующих научных результатов:

- на примере кодификационных работ второй четверти XIX в. выявлены недостатки формального подхода к кодификации как способу систематизации законодательства, главным из которых является отсутствие содержательных критериев для разграничения различных способов упорядочения нормативного материала и установления взаимосвязи между ними. На опыте разработки Свода законов Российской империи обоснована целесообразность широкого подхода к определению кодификации как технологии формирования системы законодательства, с помощью которой она развивается на единых юридических основаниях для удобной и безопасной совместной жизни людей;
- определен вклад критиков Свода Законов в развитие техники кодификации. На основании трудов М.М. Сперанского, М.А. Корфа, Е.А. Нефедьева, С.В. Пахмана, Н.Н. Ренненкампа, А.Н. Филиппова и др.

критиков Свода Законов сформулированы юридико-технические правила проведения кодификационных работ;

- раскрыто содержание техники кодификации, сформированной Вторым отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии при подготовке продолжений и переизданий Свода Законов, а также проектов отраслевых кодифицированных актов. На примере Второго отделения доказывалась эффективность кодификационных работ специально созданным для этого органом, находящимся в тесной взаимосвязи и под контролем высших органов государственной власти;

- выделены факторы, повлиявшие на изменение техники кодификации в кодификационных органах при Государственном Совете с 1883 по 1906 г. Установлено, что встраивание Кодификационного отдела, а затем Отделения Свода Законов в структуру Государственного Совета ограничило самостоятельность кодификационного органа, но не сократило дискреционные полномочия кодификаторов. Показано, что сдерживание кодификации консервативными политическими целями приводит к ее бюрократизации и снижению уровня ее техники. Вследствие этого кодификация в начале XX в. стала тормозом правового развития России;

- определено состояние техники кодификации после принятия Основных Законов от 23 апреля 1906г., ее положительные и отрицательные стороны. Выделены такие особенности техники кодификации как охранительный и политический характер, противоречивость, «надзаконное» состояние и практикоориентированность. Определены различия между законодательным и кодификационным порядком изменения законодательства. Установлено, что канцелярско-редакционная техника продолжения Свода Законов препятствовала развитию законодательного пути изменения российского законодательства.

Методология диссертационного исследования основана на общенаучном диалектическом учении о взаимосвязи и взаимообусловленности социальных явлений, связанном с ним системном

подходе к праву и принципам историзма, научной объективности и справедливости. Системные представления о праве использованы для рассмотрения кодификации права как целостного объекта познания. Его исследование осуществлено посредством общенаучных методов анализа, индукции, дедукции, синтеза, обобщения, сравнения, классификации. Их применение обеспечило объективность, системность и охват всех сторон и связей в изучении техники кодификационной деятельности.

Особенности построения и основные элементы Свода Законов и иных кодифицированных актов, принятых в рассматриваемый период, выявлены с использованием структурно-функционального метода. Конструктивность научной критики кодификационных работ во второй половине XIX – начале XX в. определена с помощью методов научной критики, исторической реконструкции, ретроспективного анализа, а также сравнительно-правового метода.

Сопоставление научных взглядов на понятия «кодификация», «систематизация», «инкорпорация», а также выявление правовой природы Свода Законов проведено с использованием частнонаучных методов, а именно догматического, системно-структурного, формально-юридического.

Метод хронологического историко-юридического анализа позволил определить периодизацию кодификационной деятельности во второй четверти XIX – начале XX вв., основные этапы кодификационных работ, установить хронологическую последовательность содержательных и организационных изменений в технике кодификации.

Теоретической основой диссертационного исследования послужили научные результаты и общие положения фундаментальных научных исследований отечественных и зарубежных учёных, обосновавших применение системного метода к исследованию правовых явлений (В.Н. Протасова, В.М. Сырых, А.Ф. Черданцева, А.Ф. Шебанова и др.).

Подходы к соотношению систематизации и кодификации права основаны на доктринальных положениях, сформулированных в

исследованиях российских и советских теоретиков права (С.С. Алексеева, В.М. Баранова, С.Н. Братуся, Е.В. Васьковского, Н.А. Власенко, Д.А. Керимова, Н.М. Коркунова, А.В. Мицкевича, С.В. Пахмана, С.В. Полениной, Т.Н. Рахманиной, И.Н. Сенякина, Т.Я. Хабриевой и др.).

Обоснование техники кодификации как отдельной разновидности юридической техники опирается на труды известных теоретиков права, таких как Н.Н. Алексеев, В.М. Баранов, Р.К. Кабрияк, В.Н. Карташов, Н.М. Коркунов, Г.В. Мальцев, Т.Н. Рахманина, Ю.А. Тихомиров, Е.Н. Трубецкой, Г.Ф. Шершеневич и др.

Характер и особенности кодификационных работ в России выявлены с использованием положений историко-правовых исследований таких авторов как М.Ф. Владимирский-Буданов, В.Г. Графский, В.О. Ключевский, С.В. Кодана, А.Л. Маковский, С.В. Пахман, Д.А. Пашенцев, В.И. Сергеевич, Ф.В. Тарновский, Т.В. Шатковской, Т.Ф. Ящук и др. Научные результаты перечисленных авторов стали основой для обоснования понятия и отличительных признаков техники кодификации права в аспекте основных научных подходов к ее осмыслению.

Источниковую базу диссертации составили опубликованные и неопубликованные документы и материалы, содержащие разнообразные данные о кодификационной деятельности в России во второй четверти XIX – начале XX вв.

Неопубликованные источники включают архивные материалы фондов Российского государственного исторического архива. В связи с тем, что большой пласт документов по истории кодификации не опубликован, то акцент сделан на документы Кодификационного отдела Государственного Совета (фонд 1155), Государственной канцелярии Государственного Совета (фонд 1162), Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (фонд 1261). Кроме того, использованы документы фонда 1251 (бумаги М.М. Сперанского). Ряд документов впервые введен в научный оборот.

В числе опубликованных источников следует выделить акты судебной практики департаментов Правительствующего Сената, материалы официальных и неофициальных обсуждений организации кодификационной работы в XIX – начале XX веков, методики подготовки, содержания проектов кодификационных актов, порядок проведения кодификационных работ в Государственном Совете. Кроме того, широко использованы кодификационные акты прежде всего Полное собрание законов и Свод Законов Российской империи, кодифицированные законы периода Великих буржуазных реформ, а также другие кодифицированные акты, принятые во второй четверти XIX – начале XX веков.

Положения диссертационного исследования, выносимые на защиту:

1. Свод Законов Российской империи стал наиболее значимым результатом кодификационных работ во второй четверти XIX в. Опыт его создания является историческим примером, подтверждающим ограниченность формального подхода к кодификации как способу систематизации законодательства, а также наличие существенных различий между законотворчеством и кодификацией. В ходе разработки Свода Законов начала формироваться техника российской кодификации. Она складывалась как эмпирическим, так и теоретическим путем с опорой на новейшие достижения западноевропейской юридической науки.

К середине XIX в. в целом сложились структурные элементы техники российской кодификации, а именно план и методика работ, цели и теоретические основания кодификации, приемы и правила упорядочения нормативного материала, выбор кодификационного органа, его структуры, порядка работы и взаимодействия с органами власти, определение формы кодификационных актов и их строения, способа изложения в них узаконений. Свод Законов, составленный на основе плана и определенных общих начал и положений, привёл российское законодательство в систему. Составление продолжений Свода Законов придавало планомерность, целостность и

единство законопроектной деятельности в Российской империи вплоть до 1857 г.

2. Критика Свода Законов отличается по уровню профессионализма критиков, по характеру оценок, которую давали результатам проведенной кодификации законодательства, по степени конструктивности и научной обоснованности замечаний, высказанных в адрес Свода Законов и деятельности его составителей. Недостатки Свода Законов, выявленные критиками прежде всего отражали несовершенства российской действительности. После вступления Свода Законов в силу в науке возобладал сбалансированный подход, состоявший в признании его достоинств и недостатков. Конструктивные замечания научных критиков позволили сформировать план, порядок и приёмы доработки, исправления и дополнения Полного собрания и Свода Законов, а также сформулировать правила кодификационных работ, получившие в 1885г. законодательное закрепление.

3. После вступления в силу Свода Законов Второе отделение продолжило кодификационную деятельность в двух направлениях: развитие Свода Законов для его актуализации и удобства практического применения и проведение отраслевых кодификаций. Личное участие Николая I и Александра II в деле кодификации, верный выбор Главноуправляющих Вторым отделением, их высокий профессионализм и непосредственное участие в работе по составлению проектов кодифицированных актов способствовали высокой результативности кодификации. Постоянная работа Второго отделения с 1826 по 1883 гг. не только привела к появлению системы российского законодательства, но и к формированию высококвалифицированных юридических кадров, развитию юридического образования и науки, накоплению опыта кодификационных работ и формированию техники кодификационного порядка изменения законодательства. Техника кодификации имела комплексный характер и включала формирование цели (установление систематической связи и единства законов в виде уложения), задач, теоретических оснований и методов

кодификации, подбор состава кодификаторов и организационной формы их деятельности, разработку порядка и правил работы, взаимодействия и консультаций с заинтересованными в проведении кодификации органами власти и иными организациями, определение структуры и формы кодификационных актов.

4. Установлено, что именно во Втором отделении проведена основная подготовка проектов кодифицированных законов периода Великих реформ Александра II. В нём непосредственно разрабатывались проекты актов Крестьянской, Судебной, Земской реформ, а также обсуждались другие проекты преобразований особой государственной значимости. Институциональные преобразования, осуществленные в рамках Великих реформ, в свою очередь повлияли на кодификацию. Создание буржуазно-демократических судебных и юридических институтов, таких как присяжные поверенные, нотариат, мировые суды, судебные следователи, присяжные заседатели дало институциональную возможность для проведения отраслевых кодификаций на новых правовых началах, отвечавших современным политико-правовым учениям и социально-экономическим потребностям российского общества.

5. Особенности техники кодификации с 1883 по 1906 г. связаны с изменением положения кодификационных органов. Из органа в системе Высочайшего управления кодификационные учреждения стали структурой Государственного Совета. Постепенная утрата самостоятельности кодификационных органов не приводила к сокращению дискреционных полномочий кодификаторов. Российские законы по-прежнему применялись по статьям Свода Законов, а их переработкой для включения в Свод занимались кодификаторы. Реализация задачи по сохранению практической применимости Свода ставила законотворчество в зависимость от кодификационного порядка изменения законодательства. Неизменность цели кодификации определяла ее бюрократизацию и формализацию. Анализ техники кодификационных работ с 1893 г. позволяет говорить о появлении ее

новой разновидности «канцелярская кодификация». Эта техника придавала своеобразие российской кодификации и не имела аналогов в Западной Европе.

6. Основные законы от 23 апреля 1906 г., юридически оформившие создание законодательных органов власти в лице Государственной Думы и Государственного Совета, не упорядочили законодательный процесс в Российской империи, а напротив прочнее закрепили его двойственность. С одной стороны, законодательный, с другой – чрезвычайно-указной путь. Они имели не только разный порядок, но и цели. Юридическим основанием законного пути стали Основные законы 1906 г. Второй путь нормотворчества обеспечивался Сводом Законом. Оба эти пути восходили к верховной власти Императора, без утверждения которого не мог вступать в силу ни один закон. Канцелярско-редакционная техника продолжения Свода Законов препятствовала развитию законодательного пути. Обновление техники кодификационных работ касалось изменения их цели, способов и правил, широких дискреционных полномочий кодификаторов по изменению законодательства. Важнейшие вопросы кодификации были выработаны юридической наукой, определены её положительные и отрицательные стороны. Однако сохранение «надзаконного» нормотворчества в порядке Высочайшего и подчиненного управления, канцелярского подхода к технике кодификации в Государственном Совете, общеобязательного значения Свода Законов тормозило переход к отраслевой кодификации на принципах буржуазного права.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется тем, что полученные научные результаты восполняют пробелы в области историко-правового знания, касающиеся эволюции научных подходов к технике кодификации и осуществлению кодификационных работ. Собранный и научно обработанный историко-правовой материал может быть использован в дальнейших научных исследованиях, посвященных истории российской кодификации. Обобщенный опыт кодификационных работ во второй четверти XIX – начале XX в. позволяет разграничить законодательный

и кодификационный способ изменения законодательства и понять технические особенности их осуществления. Материалы исследования могут быть использованы для формирования отдельного направления исследования юридической техники – техники кодификации («кодистики»).

Практическая значимость диссертации состоит в том, что научные результаты исследования могут быть положены в основу разработки методики проведения кодификационных работ в современных условиях. В работе обоснована целесообразность создания постоянно действующего кодификационного органа для ведения кодификационных работ, выявлены структурные элементы техники кодификации и лучшие практики ее осуществления на историческом примере второй четверти XIX – нач. XX в.

Материалы диссертационного исследования внедрены в учебный процесс в Южно-Российском институте управления филиале РАНХиГС при Президенте РФ, используются при изучении таких дисциплин как «История государства и права России», «Теория государства и права», «Современные проблемы юридического познания».

Апробация результатов диссертационного исследования осуществлялась на международных, всероссийских научно-практических конференциях, круглых столах, проходивших в городах Москва, Воронеж, Елец, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Таганрог.

Диссертация обсуждена на заседании кафедры теории и истории права и государства Южно-Российского института управления.

Основные научные результаты опубликованы в 9 статьях, в том числе четыре статьи в журналах, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ. Одна статья опубликована, в издании, рекомендованном Ученым Советом РАНХиГС. Результаты диссертационного исследования внедрены в учебный процесс Южно-Российского института управления филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Структура диссертации определена исходя из выявленной научной проблемы, поставленной цели, задач, объекта и предмета исследования, степени его разработанности в научной литературе. Диссертация включает введение, три главы, подразделенные на шесть параграфов, заключение и список литературы.

Глава 1. Научно-практическое осмысление итогов кодификации российского права во второй четверти XIX в.

1.1 Свод Законов Российской империи как источник формирования научных представлений о кодификации и технике ее проведения¹

Исследование техники кодификации не представляется возможным без понимания того, что есть кодификация. Усложнение деятельности государства приводит к возрастанию числа законов, что в свою очередь затрудняет их нахождение, и повышает вероятность противоречия между законами. Вследствие этого возникает потребность в систематизации, то есть приведении законов в систему путём кодификации или инкорпорации. Актуальность этого вопроса возрастает в связи с тем, что понятие «кодификация» в российской юридической науке по-прежнему вызывает дискуссию, которая ведётся почти два столетия.

В теории российского права к середине XX в. сложился научный подход, согласно которому упорядочение права представляет собой его систематизацию. Одним из способов систематизации признают кодификацию законодательства. Среди российских теоретиков права научный подход к кодификации как способу систематизации законодательства следует признать самым распространенным и устойчивым. Зачинателем этой традиции по праву считается Г.Ф. Шершеневич, выделивший два вида систематической обработки законодательства – кодификацию и инкорпорацию. Кодификацию Г.Ф. Шершеневич определял как переработку законодательства на «начале единства принципов», положенных в его основание. Она направлена на обновление, приспособление к новым потребностям и модернизацию законодательства.

В противовес кодификации инкорпорация выражается в усовершенствовании формы законодательства, без его изменений по

¹ При написании параграфа использована статья автора: Клеветова Е.Ю. Исторические формы техники российской кодификации (на примере Свода законов Российской империи) / Шатковская Т.В., Клеветова Е.Ю. // Вестник Поволжского института управления. 2024. №3. – С.44-55.

существо¹. Правила инкорпорации сформулированные Г.Ф. Шершеневичем свидетельствуют о противоречивости предлагаемого им научного подхода, что не отрицал и сам автор. Так, при инкорпорации он допускал новую формулировку действующих юридических норм для их более точного выражения. В содержание кодекса, который по мысли Г.Ф. Шершеневича должен быть новой правовой формой, могла быть включена значительная часть «исторически сложившегося законодательства». Тем самым результатом кодификации становился новый акт, наполненный старым содержанием. На этом противоречивом основании Г.Ф. Шершеневич делал вывод о том, что Россия являлась страной инкорпорированного права. Кодификацией, по его мнению, было только принятие Соборного Уложения 1649 г².

Сходная научная позиция встречается в трудах В.М. Хвостова. Он полагал, что систематическая переработка действующего права возможна путём изменения формы, тогда речь идёт об инкорпорации. С помощью кодификации праву придаётся внутреннее единство и полнота. Она достигается восполнением в нём пробелов, устранением неточностей и противоречий, уничтожением устаревших норм. В результате таких изменений должен появиться новый закон³. Соответственно кодификация должна осуществляться «законодательным порядком». По этому критерию он не признавал Свод Законов Российской империи (далее Свод Законов) результатом кодификации⁴.

Вышеназванную позицию разделял и Е.Н. Трубецкой. Систематизацией он называл сведение действующих законов в единое целое и приведение их в порядок. Внешней систематической обработкой законодательства, облегчающей его практическое использование, по его мнению, характеризуется инкорпорация. Свод Законов, по Е.Н. Трубецкому, являлся

¹ Шершеневич Г.Ф. Избранное: В 6 т. Т.4 включая Общую теорию права / Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. – М.: Статут, 2016. – 752с. – С.368.

² Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. – С.368, 369.

³ Хвостов В.М. Общая теория права. Элементарный очерк. Москва: Университетская типография, 1905. – 160 с. – С.136.

⁴ Там же. – С.141, 142.

примером инкорпорации. В нем старые законы собраны в порядке, облегчающем их использование без внесения в них новых начал. Тем самым сущность инкорпорации состоит в появлении новой более удобной законодательной формы.

Кодификация по Е.Н. Трубецкому не ограничивалась приведением законодательства в порядок, а придавала ему «внутреннюю связь и единство». В отличие от инкорпорации кодификация позволяла согласовать юридические нормы, устранять в них противоречия и придавать им однородность. Такой эффект достигался тем, что кодификатор отбрасывал все законы, противоречащие основаниям действующей системы, и создавал новый законодательный акт¹. В качестве примера кодификации он приводил Судебные Уставы Александра II.

С вышеуказанной позицией, разделяемой многими другими известными правоведами, сложно согласиться, так как она противоречит историческим фактам, связанным с проведением кодификационных работ во второй четверти XIX в. Примеры того, что труды по составлению свода законов сопровождались изменением содержания законов, приводил Г.Э. Блосфельдт. Он указывал и на добавление в Свод установлений, которые ранее законами не были².

По плану М.М. Сперанского в Свод Законов были заложены новые для России правовые основания. В частности, понятие о разделении законов на государственные и гражданские. Исходя из него выстраивались восемь частей свода законов и их деление на законы: основные, органические, правительственных сил, о состояниях, гражданские и межевые; особые имущественные, связанные с государственным благоустройством; о благочинии и уголовные³.

¹ Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. – М.: Т-во Типографии А.И. Мамонтова. 1917. – С.126.

² Блосфельдт Г.Э. «Законная сила» свода законов в свете архивных данных (под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова) – М.: «Зерцало», 2006. – С.3.

³ Сперанский М.М. «Право есть власть, основанная на правде»: неопубликованные юридические труды; сост. и ред. К.П. Краковский. Москва: Статут, 2023. – С.115-120.

Анализ приведенных в данном параграфе трудов по теории права второй половины XIX – начала XX в. даёт основание для вывода о том, что в этот период правоведами был выработан формальный подход к кодификации. Основным отличием кодификации от инкорпорации они считали появление новой формы права, а именно кодифицированного акта. Инкорпорация завершалась принятием свода, а кодификация – уложения.

Недостатки этого научного подхода состоят в том, что содержательные критерии для разграничения технического упорядочения и качественной систематической переработки нормативного материала юристами не были предложены. Придание новой формы действующему законодательству также предполагает изменение его содержания, отмену или переработку устаревших законов.

Установление отличия результатов систематизации по форме принятого акта оказалось сложной задачей. Подтверждением тому служат непрекращающиеся до сегодняшнего дня дискуссии о соотношении кодекса и закона, о формальных признаках кодифицированного акта, об их месте в системе законодательства.

На основе вышеназванного подхода юристы предлагают тем же формальным способом разграничить кодексы и законы. Некоторые из них считают возможным решить проблему закреплением в законе о законах особого статуса кодекса¹. Однако данное решение не выходит за рамки формального подхода и не отвечает на вопрос о том, что представляет собой кодификация по существу?

Широкое распространение формального научного подхода к кодификации, по нашему мнению, связано с устойчивыми тенденциями в развитии российского законодательства. Закон во второй четверти XIX в. был юридической формой выражения государственной политики. Состояние кодификации законов зависело от политической воли императора.

¹ Сулейменов М. Право как система. М.: Статут, 2016. – С.81.

Аналогичная ситуация наблюдалась и в советский период. В трудах советских юристов необходимость систематизации объяснялась структурно-функциональными особенностями правовой надстройки общественных отношений. В доктринальном труде Д.А. Керимова в основном воспроизводится подход к системности и систематизации права, изложенный Г.Ф. Шершеневичем. Системность права им определена как соединение, объединенных по содержательным признакам, «правовых частей в структурно упорядоченное целостное единство»¹. Для устранения недостатков в действующей системе права периодически осуществляется систематизация в виде инкорпорации и кодификации².

Критерием разграничения инкорпорации и кодификации по Д.А. Керимову выступает характер вносимых в законодательство изменений. При инкорпорации ограничиваются внешней обработкой нормативного материала. Кодификация предполагает содержательные изменения в форме восполнения пробелов, устранения противоречий и повторов. Кодификация, как полагает Д.А. Керимов, не всегда носит объективный характер и подвержена субъективному влиянию. Поэтому систему права следует использовать как основание для кодификации³.

Полагаем, что устоявшийся в российской юридической науке формальный подход к кодификации нуждается в научно-критическом переосмыслении по нескольким причинам. Во-первых, он не согласуется с содержанием кодификационных работ, проводимых в рассматриваемый в исследовании исторический период. Во-вторых, формальный подход не даёт чётких критериев для разграничения формально-технического и системно-содержательного упорядочения нормативного материала.

Противоречия формального подхода к кодификации затрудняют практическое использование законодательства, тормозят развитие техники

¹ Керимов Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. М., Аванта+, 2001. – С.251.

² Керимов Д.А. Указ. соч. – С.274.

³ Там же. – С.275.

кодификации и технических способов юридической систематизации. Техника кодификации по-прежнему не выделена в отдельный вид юридической техники и смешивается либо с законодательной техникой или с правосистематизационной техникой¹.

Российский исторический опыт кодификации демонстрирует ограничения формального подхода. Вплоть до начала XVIII в. в России кодификация осуществлялась путём придания юридической формы сложившимся привычным правилам социального поведения. В средневековые кодексы включались только те нормы, которые были освещены авторитетом предков. Примерами тому служат Русская Правда, Псковская Судная Грамота, Судебники XV-XVI вв.

Аналогичным способом составлялось Соборное Уложение 1649 г., большинством историков права признанное кодификационным актом. Исследования Ф.В. Тарановского и С.Б. Веселовского² доказывают, что Соборное Уложение базируется на нормативной основе указных книг приказов. Такой способ кодификации широко применяется и в современном мире, например в международном праве, для создания корпоративных кодексов.

Различие между кодификацией (содержательная системная переработка) и инкорпорацией (внешнее упорядочение) сторонники формального подхода связывают с наличием или отсутствием содержательных изменений в ходе упорядочения массива нормативных актов³. На ошибочность такого понимания указывал в XIX в. Н.М. Коркунов, объясняя его неверным заимствованием понятия «инкорпорация» из западной юриспруденции⁴. На ограниченность формального подхода к инкорпорации

¹ Гордиенко П.Ю. Теоретические основы техники систематизации права: специфика технико-юридического инструментария: дис. ... на соискание ученой степени канд. юрид. наук: 12.00.01. – Волгоград, 2015. – 288 с.

² Тарановский Ф.В. История русского права. – 2-е издание испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – С.114, 115.

³ Клеветова Е.Ю. Исторические формы техники российской кодификации. – С.46-52.

⁴ Коркунов Н.М. Значение Свода законов. – С.-Петербург: типография В.С. Балашева и К°, 1894. – С.3.

указывали и советские юристы, в том числе участники кодификации в 1956-1984 гг. (например, И.С. Самощенко, А.Ф. Шебанов, Л.С. Явич). Они писали о невозможности исключения содержательных правок в отдельных случаях инкорпорации¹.

Историографический анализ современной отечественной юридической литературы показывает, что кодификация как правовое понятие и технология обеспечения целостности, единства и определенности права не подвергалась всестороннему научно-критическому переосмыслению со времен второй кодификации советского права. Поэтому актуальной научной задачей остаётся выявление особенностей техники кодификации на основе изучения исторического опыта ее проведения в Российской империи.

Историко-правовое исследование позволяет раскрыть сущность кодификации на основе объективных данных. Оно основывается на изучении разнообразных исторических источников, отражающих результаты деятельности кодификаторов и последствия кодификационных работ.

В историческом ракурсе кодификация выступает технологией образования и развития системы законодательства. По словам Ч. Варба кодификация неперенный компонент правового развития². С её помощью система законодательства формируется и развивается на единых юридических основаниях для удобной и безопасной совместной жизни населения.

Кодификация прошла исторический путь от стихийно-эмпирического коллективного творчества до рациональной целенаправленной социально-технической деятельности, обеспечивающей целостность правовой системы. Она предполагает составление разумного плана преобразования определенного юридического материала на единых правовых началах,

¹ Самощенко И.С., Шебанов А.Ф., Явич Л.С. Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства / Под ред. А.Н. Мишутина; Юрид. комис. при Совете Министров СССР. Всесоюз. науч.-исслед. Ин-т советского законодательства. – Москва: Юрид. лит., 1969. – С.36.

² Варга Чаба. Загадка права и правового мышления / Пер. с англ.; Сост. и науч. ред. М.В. Антонова. – СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2015. – С.127.

осуществляемого с целью приведения его в единообразное состояние, упорядочения, актуализации и совершенствования.

Полагаем, что в наибольшей степени противоречивость формального подхода к кодификации выразилась в оценке Свода Законов. Он стал основным результатом кодификации во второй четверти XIX в. и остаётся главным источником для изучения состояния системы российского законодательства в середине XIX в.

Споры вокруг Свода Законов ведутся без малого два столетия. Однако юристов в большей степени интересовала природа и полнота материалов Свода Законов, чем техника его составления. Такие выдающиеся юристы как Г.Э. Блосфельдт¹, Н.М. Коркунов, П.П. Цитович², А.И. Каминка³, Н.И. Лазаревский, Л.И. Петражицкий⁴ и др. доказывали, что Свод являлся законом. По Г.Ф. Шершеневичу, «совокупность обстоятельств», связанных с принятием Свода давала основания как для признания, так и непризнания его законом⁵.

На основе формального подхода к кодификации юристы по-разному определяют природу Свода Законов – как инкорпорацию, среднее между инкорпорацией и кодификацией⁶, и даже как консолидацию⁷. Свод Законов

¹ Блосфельдт Г.Э. "Законная сила" Свода законов в свете архивных данных. – М., 1917. – С.3.

² Цитович П.П. Курс русского гражданского права. Т. 1: Учение об источниках права. Вып. 1. Одесса, 1878. – С. 7-16.

³ Каминка А.И. Сила Свода законов // Право. 1908. № 1. – С. 6-19.

⁴ Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – СПб., 1907. Т.2. – С. 618.

⁵ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. – М., 1995. Т. 2. – С.61.

⁶ Васьковский Е.В. Цивилистическая методология: Ч.1. Учение о толковании и применении гражданских законов. Одесса, «Экон.» тип. 1901. – С.233.

⁷ Баранов В.М., Демичев А.А. Правовая природа Свода законов Российской империи в свете истории и теории систематизации нормативных актов // Систематизация законодательства в России (историко-правовые, теоретико-методологические и технико-юридические проблемы). К 175-летию Свода законов Российской империи: Материалы Международного круглого стола. Институт государства и права РАН (Москва, 18-19 января 2008 года) / Под ред. проф. В.М. Баранова, В.Г. Графского, С.В. Кодана. – Н. Новгород, 2008. – С.49.

Е.Н. Трубецкой признавал инкорпорацией, объясняя это тем, что Свод не вводил в законодательство ничего нового, что раньше не имело силы закона¹.

Аналогичное мнение встречаем и у современных юристов, например у Д.А. Керимова. Высочайшее предписание императора составителям Свода Законов не менять существа российских законов учёный считал достаточным основанием для признания Свода инкорпорацией². Одновременно с этим он указал на включение новых норм в инкорпорированный массив Свода Законов.

Согласимся с Е.А. Нефедьевым в том, что повеление императора Николая II относилось к ходу кодификационных работ и основывалось на содержании записки, подготовленной Сперанским. Михаил Михайлович в 1826 г. находился под влиянием исторической школы права. Неудачные попытки «изобрести» Гражданское Уложение привели его к мысли о том, что кодексы должны слагаться из прежних законов, дополненных и исправленных в соответствии с актуальными потребностями государства.

Отказ от составления нового уложения был связан с неудачами прежних кодификационных комиссий и пониманием необходимости срочно упорядочить действующего законодательства³. Отсутствие хронологического и систематического свода законов препятствовало составлению уложений, которые должны были стать венцом кодификации. Опасения М.М. Сперанского считаем вполне обоснованными. Он справедливо полагал, что незнание настоящего российского права тормозило его усовершенствование на будущее время.

Не менее спорным считаем отнесение Свода Законов к инкорпорации по причине того, что он представлял собой сборник актов, а не единый кодекс⁴.

¹ Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. Юрьев, Типография К. Маттисена, 1917. – С.456.

² Керимов Д.А. Кодификация и законодательная техника. М., 1962. – С.36-37.

³ Нефедьев Е.А. Причины и цель издания полного собрания и свода законов с точки зрения Сперанского: (Сообщ., чит. в заседании Казан. юрид. о-ва 11 февр. 1889 г.) / Е.А. Нефедьев. – Казань: тип. Губ. правл., 1889. – С.9.

⁴ Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права. М.: Т-во типографии А.И. Мамонтова, 1917. – С.126.

Полагаем, что любой официально утвержденный результат кодификации является кодифицированным актом и это не обязательно будет кодекс. В юридической науке не достигнут консенсус по вопросу конкретных форм подобных актов, отсутствует теория кодекса и устоявшиеся подходы к официальному использованию термина «кодекс».

К примеру один из авторов знаменитого Кодекса Наполеона Ж.Э. Порталис считал Гражданским кодексом «свод законов, предназначенный направлять и закреплять социальные, семейные и деловые отношения, которые существуют между людьми, принадлежащими к одной и той же государственно-политической общности»¹.

В словаре Брокгауза и Ефрона в юридическом значении кодексом называется «систематический сборник законов, относящийся к отделу или целой совокупности отделов права, изданный законодательной властью»². В словаре живого великорусского языка В. Даля кодекс определен как свод законов, судебник.

Тот факт, что в XIX в. в России понятие «свод» и «уложение» не различались подтверждают не только словари, но и юридические исследования³, и документы Второго отделения, и законодательство.

Российский и европейский опыт кодификации XVIII-XX вв., обобщенный в фундаментальном труде Р. Кабрияка⁴, позволяет высказать предположение о том, что термин «кодекс» со времен Кодекса Наполеона использовался для обозначения результатов кодификаций – реформ, совершенствовавших национальное право на новых началах.

Кодификации-компиляции, как правило сопровождались изданием сборников законов. Предлагаемое значение кодекса, по нашему мнению,

¹ Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) (Code civil des Français (Code Napoleon) / Пер. с фр. В.Н. Захватаева. – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – С.V.

² Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том XVA (30). СПб.: Семеновская Типолиитография (И.А. Ефрона), 1895. – С.535.

³ Кассо Л.А. К истории Свода Законов гражданских // Журнал министерства юстиции. 1904. №3. – С.63.

⁴ Кабрияк Р. Кодификации / пер. с фр. Л.В. Головки. – М., 2007. – 476 с.

позволяет отграничить его от понятия «закон», не исключает наличия иных кодифицированных актов и даёт представление о технологических особенностях проведения различных кодификаций.

К сказанному добавим, что еще М.М. Сперанский указывал на ложное значение свода как собрания законов по порядку времени без различия их действия или отмены. Он утверждал, что коренной смысл слова «свод» означает сводное уложение. Поэтому Свод Законов представлял собой, по мнению его разработчика, «уложение известной части законов, приведенных в простой и удобный порядок, с отменой всего недействующего, и с соглашением противоречий».

Сперанский выделял три разновидности свода: хронологический, алфавитный и систематический. В систематическом своде законы расположены по предметам и по тому же плану, который принят в уложении¹. Отличие свода от других уложений Сперанский видел единственно в том, что в нем излагались законы существующие, без исправления, дополнения и совершенствования². Однако, как показала практика, и исправлению, и дополнению, и совершенствованию подвергались многие узаконения, вносимые в Свод Законов.

Техника кодификации в досоветской, советской и современной российской юридической науке мало изучена. Она либо не рассматривается, или отождествляется с техникой подготовки нового нормативного правового акта³. Один из авторов новейшего учебника по юридической технике указывает на видимые противоречия в формальном подходе к кодификации и инкорпорации, но по традиции признает Свод Законов инкорпорацией. Наряду с этим подчеркивает его схожесть с кодифицированными актами⁴. В

¹ Сперанский М.М. Краткое историческое обозрение комиссии составления законов // Русская старина. 1876. Т.15. Кн.1-4. – С.435.

² Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. Т.1. Предисловие – С.ХVI.

³ Юридическая техника: учебник / под ред. В.М. Баранова. – Москва: Проспект, 2022. – С.626.

⁴ Там же. – С.623.

исследовании В.Н. Барсуковой техника составлена кодексов рассматривается как разновидность нормотворческой технологии¹.

Высказанная позиция не является единичной. Так, диссертация Т.Ю. Борисовой начинается с того, что «кодификация – это законодательный процесс»². Д.В. Чухвичев считает кодификацию формой законотворчества. Техника кодификации, по его мнению, «основана на общих принципах законодательной техники»³. С данным подходом сложно согласиться по нескольким причинам:

во-первых, техника кодификации как самостоятельный предмет исследования более ста лет привлекает внимание учёных. Убедительность аргументов Р. Кабриака и изобилие приведенных им высказываний известных европейских юристов по поводу значимости кодификации (техники кодификации) считаем достаточным подтверждением практической значимости ее научного осмысления⁴.

во-вторых, смешение кодификации и законотворчества препятствует на уровне профессионального правового мышления выработке необходимого для кодификации юридического глоссария и инструментария. В результате понятия, осмысленные и широко используемые в европейской юридической науке, к примеру, «рекодификация», «непрерывная кодификация», «перманентная кодификация» в российской юриспруденции считаются новыми и неизвестными.

Отличия законотворчества и кодификации обнаруживаются на содержательном и функциональном уровне. Кодификация удовлетворяет социальное стремление к созданию целостного права и единству правового пространства. По Р. Кабриаку для кодификации требуется стечение таких

¹ Барсукова В.Н. Основы структурирования кодифицированных актов / В.Н. Барсукова; под ред. И.Н. Сенякина. – Москва: Статут, 2011. – С.36.

² Борисова Т.Ю. Свод законов Российской империи в 1905-1917 гг.: идейно-политическая борьба вокруг кодификации. 07.00.02: дис. ... канд. исторических наук. Санкт-Петербург, 2005. – С.3.

³ Чухвичев Д.В. Законодательная техника. Москва: ЮНИТИ: Закон и право, 2006. – С.224.

⁴ Кабриак Р. Указ. соч. – С.282-287.

факторов как социальная потребность в правовой определенности и наличие сильной политической воли для ее осуществления¹. Российский опыт подтверждает необходимость указанных факторов, но вместе с тем их недостаточность.

Потребность в сохранении целостности возрастающего нормативного массива способствует рационализации права. Такое усовершенствование основывается на практическом опыте и на разумном понимании того, каким право должно быть и как достигнуть желаемого состояния права. Пренебрежительное отношение к теории права, исходившее в том числе и от верховной власти (примером служит известное высказывание Николая I о том, что лучшая теория права – добрая нравственность), препятствовало накоплению знаний о способах системного усовершенствования законодательства.

Законодатель призван разрабатывать, изменять или отменять общеобязательные узаконения для регулирования отдельных случаев и потребностей конкретного времени. Их стремительное обновление порождает множественность, противоречивость и девальвацию нормативных предписаний. Судьи, управленцы и граждане постоянно сталкиваются с массой разрозненных и неясных узаконений, зачастую сосредоточенных в разнообразных ведомствах. Повышением уровня техники нормотворчества достигается упрощение, сокращение чрезмерной регламентации и нормативного материала.

Результат нормотворчества может объединить различные юридические нормы в рамках одного субинститута или института, а кодификация обеспечивает единоначалие, целостность и непротиворечивость всей системы законодательства и/или ее отдельной области. Реализация этих целей требует особой стратегии, персонального состава кодификаторов, применения специальных средств, методов и юридико-технических правил. Цель кодификации позволяет отличить её и от технических способов упорядочения

¹ Кабрияк Р. Указ. соч. – С.114.

права. Последние лишь облегчают доступ к нормативному материалу и делают работу с ним удобной.

Масштабность цели кодификации обуславливает справедливость широкого подхода к ее определению. В отечественном правоведении такой позиции придерживался С.А. Корф. Он подходил к кодификационной работе как к системе, включающей три элемента: хронологическое собирание законов, внешнюю систематизацию (разделение законов на группы), кодификацию «в тесном смысле», то есть обработку законов для придания им стройности и целостности. Все три способа С.А. Корф относил к технике кодификации. Ее осуществлением, по мнению учёного, призваны заниматься специальные органы. Собирание и внешнюю систематизацию могут выполнять административные органы. Содержательная переработка законов требовала в дальнейшем участия в кодификации законодательных органов¹.

В кратком, но очень ёмком и глубоком историко-правовом исследовании В.Г. Графского отмечено, что кодификация проводится «как путем распределения законов по свойствам предметов регулирования», так и «собираанием всех законов в одну большую книгу с различными исправлениями и дополнениями в их содержании и изложении».

Давая оценку работе над Сводом Законом, известный историк права пришёл к выводу о том, что несправедливо считать Сперанского простым собирателем законов и исполнителем воли императора². Аналогичную позицию высказывал А.В.Мицкевич, определяя Свод Законов как кодекс, а процесс его создания кодификацией³. Многие современные историки права

¹ Корф С.А. Русское государственное право. Часть 1. – М.: скоропеч. А.А. Левенсон, 1915. – С.269.

² Графский В.Г. Систематизация законодательства в европейской и российской традиции // Систематизация законодательства в России (историко-правовые, теоретико-методологические и технико-юридические проблемы). К 175-летию Свода законов Российской империи: Материалы Международного круглого стола. Институт государства и права РАН (Москва, 18-19 января 2008 года) / Под ред. проф. В.М. Баранова, В.Г. Графского, С.В. Кодана. – Н.Новгород, 2008. – С.14, 22.

³ Мицкевич А.В. Систематизация законов Российской Империи М.М. Сперанским // Журнал российского права. – 2001. – № 5. – С.157.

рассматривают Свод Законов как кодификацию, к примеру Р.С. Тараборин¹.

Осмысливая вклад М.М. Сперанского в технологию кодификационных работ, Т.В. Шатковская пришла к выводу о том, что уровень развития науки и состояние законодательства, отсутствие политической воли и готовности императора к проведению кардинальных преобразований общественного строя не позволили ему провести кодификацию-реформу². Поэтому Свод Законов Российской империи можно признать результатом кодификации-компиляции. Ее отличие от кодификации-реформы по Р. Кабрияку заключено в технике упорядочения, а именно собирание и приведение в определенную форму действующих узаконений.

Составлению свода предшествовало Полное собрание законов Российской империи. Собрание стало первым в российской истории хронологически составленным сборником, дающим более ли менее полное и достоверное представление о состоянии российских законов почти за два столетия.

В ходе работ оттачивались приемы упорядочения узаконений. Сначала определялись акты, которые следовало включать в реестры. Затем по этим реестрам собирали тексты законов. Далее проводилась троекратная проверка собранных узаконений: списки сличались с подлинниками, велась предварительная и окончательная их ревизия разными специально отобранными для этого чиновниками³.

Ранее составленные печатные сборники законов охватывали не более двух-трех десятилетий. Они стоили больших денег и зачастую публиковались частными лицами. Цензурирование сборников законов, издаваемых частными лицами, стало осуществляться только с 8 февраля 1821 г. Об их качестве свидетельствует запись в журнале комиссии законов за 1825 г. В комиссию

¹ Тараборин Р.С. Формирование системы гражданского права Российской империи в эпоху модернизации общества (XVIII – первая треть XIX в.) – Москва, 2022. – С.56.

² Шатковская Т.В. Техника кодификации М.М. Сперанского: реформа или компиляция? // Журнал российского права. 2022. Т.26. № 5. – С.28.

³ Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. Т.1. Предисловие – С. XXIII.

обратился купец Глазунов с просьбой опубликовать книгу «Памятник из законов», содержащих узаконения до 1825 г. При сличении узаконений, помещенных в книге с печатными законами, хранящимися в архиве комиссии, были выявлены спорные тексты¹. Как следует из архивных материалов неполнота содержания и неверность текстов были типичными недостатками частных сводов законов.

Для сравнения отметим, что в Польше на фоне неудач официальных кодификационных комиссий частные сборники законов начали составляться ещё в XVI в. И если первые собрания были несовершенными, то к середине XVII в. юристы научились составлять хронологические собрания законов, востребованные практикой. Самым солидным такого рода изданием А.Э. Нольде считал восьмитомник польских законов с древнейших времен до 1780 г., составленный в течение 1732-1782 гг. орденом Варшавских Пиаритов. Он приобрел значение официального сборника законов².

В Российской империи социальный запрос на обнародование законов был высок. Только за 1825 г. в журнале Совета Комиссии по составлению законов зафиксировано свыше 10 обращений с просьбой разрешить опубликование сводов законов разных родов (по мануфактурной части, судоустройству, судопроизводству, о народном просвещении и др.). Из материалов комиссии следует, что тиражи таких сборников достигали нескольких тысяч экземпляров³.

Сложившийся порядок обнародования затруднял пользование законами не только частными лицами, но и присутственными местами. Сперанский в предисловии к Полному собранию законов красноречиво описал затруднения, связанные с отсутствием или недостаточным количеством печатных экземпляров законов в центральных и местных органах управления.

¹ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Фонд 1251. Опись 1, часть 1. Дело 51-г. Подлинные журналы Совета Комиссии составления законов за 1825-1826 года. – 1825. – Л.17, 18.

² Нольде, А.Э. Очерки по истории кодификации местных гражданских законов при графе Сперанском. – Санкт-Петербург: Сенатская тип., 1906. – С.25.

³ РГИА. Фонд 1251. Опись 1, часть 1. Дело 51-г. Л.24.

Несмотря на то, что Свод Законов формировался во многом эмпирическим путем, анализ документов, связанных с его созданием позволяет проследить основные элементы методики кодификации, предложенные Р. Кабрияком (выбор цели и метода, кодификаторов, структуры и содержания)¹. Нормативные предписания приобрели в Своде Законов единое целостное содержание, структурированное по заранее разработанному плану на восемь частей и оформленное по определенным правилам.

Так, в Свод Законов вносили три вида законов²: законы, регулирующие подробно один (главный) предмет, изложенный по главам, отделениям и статьям (такие законы относились к государственным и губернским учреждениям, управлению финансами и полицией, управлению Министерства внутренних дел и пр.); законы, которыми отменялись и дополнялись прежние узаконения; статьи законов, содержащиеся в частных иногда сепаратных указах, иногда помещенных между прочими статьями уставов, учреждений, определявших основы другого рода законодательства (в основном такие статьи относились к гражданскому и уголовному праву и судопроизводству).

В ходе работы комиссия выработала приёмы кодификации. За основу системы российского законодательства было положено Соборное Уложение 1649 г. Сперанский объяснял свой выбор тем, что с принятием Уложения отменялись все прежние законы. Вместе с тем значимость древних и средневековых законов он признавал и считал необходимым составление отдельного собрания древних законов.

Для каждой из трех вышеупомянутых групп законов использовалась особая техника включения в Свод Законов. Статьи законов, регулировавших отдельные сферы законодательства, вносили «слово в слово». Изменения касались структуры текста. Статьи «рассеянные» в нескольких уставах,

¹ Кабрияк Р. Указ. соч. – С.288.

² РГИА. Фонд 1251. Опись 1 к.1, Дело 161. Бумаги, касающиеся вопросов, какую силу должен иметь составленный Свод законов. Л.8,9.

положениях или учреждениях кодификаторы собирали в одном составе, сохраняя содержание статей. Тем самым не только обеспечивалось удобство практического пользования законами, но и сокращение числа узаконений примерно в два раза¹.

Законы изменявшие, дополнявшие или разъяснявшие действующие узаконения включали в Свод Законов по-разному. Из изменяющих законов брали статьи, содержавшие новую редакцию прежних законов и вносили в соответствующий устав, положение или учреждение в новой редакции. Из законов разъяснявших или дополнявших действующие узаконения кодификаторы выбирали слова и переносили в тексты узаконений, пытаясь сохранить сущность прежнего содержания².

Третья группа законов, представленная частными указами, имевшими общесоциальное значение, и некоторыми статьями главных узаконений, смысл которых был «тёмен» или не определен, подвергалась наибольшим изменениям. В таких законах кодификаторы из нескольких статей по необходимости составляли одну, исходя из точного смысла и духа закона. В этой работе они руководствовались указами от 29 июня 1821 г.³ и 31 октября 1823 г.⁴, устанавливавших правила для сенаторов при изложении ими своих мнений в отношении законов. Эти правила допускали свободное изложение своих суждений, не стесняясь ни в чём, рекомендовали основываться «на существе дела» и «прямом разуме закона»⁵.

Восполнение пробела в законодательстве путём рецепции сопровождалось требованием соответствия заимствованной нормы «разуму нашего законодательства» и разрешения только тех случаев, которые в отечественных узаконениях не определены. Так, предмет долговых обязательств составлялся по образцу Французского, Австрийского и

¹ РГИА. Фонд 1251. Опись 1 к.1, Дело 161. Л.10.

² Там же. Л.11.

³ Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. № 28708.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. № 29642.

⁵ РГИА. Фонд 1251. Опись 1 к.1, Дело 161. Л.12.

Прусского уложения. Поиск юридического содержания нового состояния крестьян и институциональных форм управления ими осуществлялся на основе опыта Франции, Австрии, Пруссии и других германских государств.

Важным источником по технике кодификации Свода Законов являются заметки, пояснительные записки М.М. Сперанского. Важно, что работы самого опытного и известного кодификатора в истории России до сих пор должным образом не изучены, не систематизированы и не опубликованы. Особый интерес для изучения техники кодификации имеют работы с 1826 по 1838 гг., когда теоретические представления М.М. Сперанского проходили практическую апробацию в ходе кодификационных работ.

Разочарование в естественно-правовой идее о возможности изобретения нового кодекса привело М.М. Сперанского не только к методологической полемике со школой естественного права¹, но и к мысли о необходимости приведения российского нормативного массива в порядок и систему с устранением отживших юридических норм и повторений. Из разных вариантов рационализации права был избран наиболее простой (техничко-юридический) и вместе с тем, соответствующий цели властной элиты сохранить самодержавие, связанный с ним социально-политический режим и укрепить централизованную организацию государственной власти.

План кодификационных работ включал три этапа: составление хронологического собрания законов, составление систематически структурированного свода действующих законов и разработка отраслевых уложений путем дополнения, исправления материала соответствующих томов Свода Законов.

Первоначально М.М. Сперанский рассматривал Свод Законов как предварительный результат кодификации без придания ему статуса закона, но впоследствии изменил позицию. Состояние российского законодательства и судопроизводства, исходящее от верховной власти требование твёрдых законов, потребности юридической практики и затруднительность быстрого

¹ Азаркин Н.М. История юридической мысли России. М.: Юрид. лит., 1999. – С.202.

принятия, а главное вступления в силу отраслевых уложений привела его к компромиссному решению о придании Своду силы закона, но не исключительного, а с обязательной ссылкой на полный текст законов, размещенных в Полном собрании.

Систематическое упорядочение законов по мысли М.М. Сперанского могло быть двояким. Общее систематизирование означало приведение целого разряда законов в единую систему. Частное систематизирование представляло собой составление одного закона из нескольких законов одного разряда¹.

Польза сводов законов, создаваемых механическим начертанием законов по порядку предметов, М.М. Сперанскому виделась в удобстве пользования и отыскании связи законов. Он рассматривал свод как подготовительный этап к составлению уложений.

Уложения приводили действующие законы в единообразную систему, охраняя базовые начала, уничтожая противоречия и давая более точные формулировки. Уложения он подразделял на общие и частные. Приоритет общего уложения М.М. Сперанский объяснял тем, что оно обеспечивало необходимую связь всех законов на единых началах и устраняло противоречия. Частные уложения имели более практическую пользу, но собрание частных уложений не могло заменить общего. Он сформулировал три составляющих предварительного этапа работы над уложением: выбор системы, способ (у Сперанского образ) изложения, выявление пробелов действующих законов².

При построении структуры Свода Законов М.М. Сперанский исходил из того, что любое государство зиждется на положительных законах. Эти законы он разделял на гражданские и уголовные. Сложное строение гражданских законов определялось множественностью лиц, которым принадлежали гражданские права. Единство уголовных законов базировалось на том, что

¹ Сперанский М.М. «Право есть власть, основанная на правде»: неопубликованные юридические труды; сост. и ред. К.П. Краковский. Москва: Статут, 2023. – С.135.

² Там же. – С.158, 159.

уголовное право принадлежит государству. В общий состав положительных законов он включал законы управления, законы гражданские земские, законы гражданские общественные, законы гражданские государственных сословий, законы гражданские уголовные и законы уголовные.

Способ изложения узаконений в уложении, по мнению М.М. Сперанского, отличался от изложения их в законе. Ясность и точность формулировок выдвигались как необходимое требование к уложению. Ясность относилась к понятиям, точность к словам и выражениям.

Неточность языка законов М.М. Сперанский связывал с неопределенностью «искусственного языка в правоведении». Накануне составления свода Законов он задумывался над вопросом актуальным и в современной России. Речь идет об использовании иностранных слов в российских законах.

Анализ достоинств и недостатков как прямого заимствования европейского правовой терминологии, так и исключительного использования русского языка для составления уложения привел М.М. Сперанского к срединному пути. Он состоял в том, чтобы закрепить в уложении юридические термины, широко употребляемые в судопроизводстве, не имеющие разнообразных значений и не противоречащие коренному значению русских слов. Их смысл следовало укрепить определениями, принятыми в правоведении. Недостающие слова он предлагал заимствовать из числа общепринятых терминов европейского правоведения, прилагая их по смыслу¹.

В отношении восполнения пробелов позиция М.М. Сперанского заключалась в недопустимости изменения уложением основных начал законодательства без особого постановления верховной власти. Дополнения, включаемые в уложение, закреплялись сводом действующих законов. Их расположение следовало привести в соответствие со структурой уложения. Как писал М.М. Сперанский, «все средства к приведению законов в ясность, и

¹ Сперанский М.М. Указ. соч. – С.161, 162.

следственно состав уложения, принадлежат к самым жизненным силам человеческого общества»¹.

Как подметил Н.М. Азаркин «методология Сперанского не укладывалась в рамки какого-либо из современных ему юридических учений»². При проведении кодификационных работ М.М. Сперанский использовал исторический метод, сравнительно-правовой метод, метод рецепции, аналогии и обобщения. При разнородности права особое внимание он уделял его историческому происхождению. Законы без истории великий кодификатор считал невразумительными. Только «основанное на истории прав критическое суждение о различных временах, источниках и политических отношениях» может дать результат, хотя бы отчасти соответствующий важности кодификационной работы³.

Сперанский полагал, что кодифицированный акт всегда должен иметь идеал, предлагаемый независимо от времени. Степень приближения к нему указывали соображения политические. Этот идеал нельзя произвести «мановением волшебного жезла». Едва приметными переходами совершенное должно заменять недостаточное.

После высочайшего утверждения Свода Законов Вторым отделением Собственной Его Величества Канцелярии была назначена проверка Свода Законов и дополнение его вновь издаваемыми узаконениями. Проверка осуществлялась составлением реестров хронологических и алфавитных, изданных при Полном собрании законов. Для лучшего выполнения этой работы М.М. Сперанский запрашивал высочайшего позволения пользоваться судебными решениями, производившимися в Правительствующем Сенате. Он считал, что в судебных решениях высших инстанций смысл законов точно и профессионально объясняется.

¹ Сперанский М.М. Указ. соч. – С.162.

² Азаркин Н.М. Указ. соч. – С.203.

³ РГИА. Фонд 1251. Опись 1. Д.184. Бумаги, касающиеся Уголовного уложения. 1838-1839. – Л.7-8.

Составленные при делах выписки из законов дают возможность удостовериться в полноте или недостатках цитат приведенными под статьями Свода. Самыми полезными для проверки Сперанский считал записки, печатаемые в Правительствующем Сенате по делам, поступающим из его департаментов в Общие Собрания и получившим окончательное решение. Восходя по степеням суда записи подвергались строжайшему рассмотрению и составленные при них выписки из законов достигали «надлежащей полноты и правильности»¹.

Пробельность российского законодательства особенно в сфере материального права и отсутствие опыта систематической работы законодательного органа в России приводило к тому, что комиссия по составлению законов вынуждена была высказывать новые законодательные предположения, понимая, что это прерогатива Государственного Совета.

Разработка структуры системы российских законов Сперанским оборачивалась изменением действующего права. Из узаконений исключались отдельные статьи, добавлялись новые нормы в Свод Законов, к примеру установления и циркулярные предписания министров законами не являвшиеся. Изучение архивных материалов привело Г.Э. Блосфельдта к выводу о том, что работа над Сводом «не была простым воспроизведением источников, а являлась ... истолкованием существующего права»². Современные исследователи присоединяются к этой позиции. Так, В.А. Томсинов объемы новаций Свода считает значительными³.

Широкое использование в работе компилятивного метода для сохранения прежнего правопорядка обрекало Свод Законов на критику современников. Важно, что Сперанский не только осознавал недостатки Свода, но и постарался минимизировать их последствия в юридической

¹ РГИА. Ф.1251. Оп.1, часть 1. Д.129. Докладные записки Сперанского: 1829-1833 гг. – 19 л. – Л.17 об, 18.

² Блосфельдт Г.Э. «Законная сила» Свода законов в свете архивных данных (под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова). М.: Зерцало, 2006. – С.14.

³ Там же. – С.3-5.

практике. Он отбросил идею создания нового закона, обрастающего последующими узаконениями. Как точно подметил Н.М. Коркунов «Свод был задуман и составлен не как законченный сборник, а как текущее собрание законов в их постепенном развитии»¹.

С этой целью Свод был определен главным, но не исключительным законом, допускающим в определенных случаях применение не внесенных в него узаконений и прежних форм включенных законов. Сперанский разработал механизм использования постановлений, разрешений и предписаний, не вошедших в Свод Законов. Их действие сохранялось при вступлении в силу Свода Законов, в пределах законом для них установленных². Тем самым был открыт путь к усовершенствованию российского законодательства.

Неизбежность критики Свода Законов очевидна настолько, насколько и понимание того, что без него осуществление столь необходимой для России кодификации-реформы в области судостроительства, гражданского и уголовного процесса, уголовного права и др. областей права затягивалось на неопределенный срок. Вне исторической связи с состоянием прежнего законодательства и уровня юридической техники в России причины изъятий Свода Законов неясны. Сказанное подтверждается тем, что ни в одном из архивов, в том числе в архиве Правительствующего Сената, из которых комиссия брала копии узаконений, не велись даже реестры законов.

Проведению кодификации-реформы во второй четверти XIX в. препятствовал ряд факторов, важнейшими из которых считаем ограниченные сроки проведения (Свод Законов был составлен, обсужден и введен в действие за шесть лет); состояние, доступность и объем неупорядоченного нормативного материала; отсутствие подготовленных юридических кадров, несовершенство институциональной структуры судов и органов юстиции;

¹ Коркунов Н.М. Указ. соч. – С.5.

² РГИА. Фонд 1251. Опись 1 к.1, Дело 161. Л.37-40.

низкий уровень юридического образования населения; неготовность власти проводить масштабные реформы.

Исторической памятью пронизана каждая статья Свода Законов, делая его сокровищницей российского законодательства. Отбор кодификаторами узаконений для включения в Свод отчасти освободил законодательство от устаревших норм. Как точно подметил Р. Кабрияк, «избирательность человеческой памяти служит надежным инструментом» преодоления несовершенств правовой системы, добавим к этому и ротации нормативного материала¹.

Свод Законов был предназначен для жизни. Национальное право приобрело форму, но не утратило содержательного своеобразия и связи с многовековой практикой. В Полном Собрании и Своде законов сознательно сохранялись распоряжения, по существу, частные, но важные по историческому достоинству как отражавшие нравы и особенности гражданской жизни того времени. Юрико-технически такие нормы были отделены от законов специальными оговорками.

В отличие от западноевропейских кодификаторов, которые упорядочивали однообразный правовой материал, российские кодификаторы столкнулись с культурным разнообразием источников права народов, входивших в состав Российской империи. Под влиянием идеалов исторической школы права кодификаторы постарались сбалансировать задачу создания общеимперского законодательства с сохранением местных правовых особенностей. Поэтому кодификация проводилась на двух уровнях: общеимперском и местном уровне².

Сохранение правового разнообразия при создании общеимперской системы законодательства делало российское право доступным и понятным в разных уголках Российской империи. Постепенное сглаживание правового

¹ Кабрияк Р. Указ. соч. – С.224.

² Нольде А.Э. Очерки по истории кодификации местных гражданских законов при графе Сперанском / барон А.Э. Нольде. – С.-Петербург: Сенатская тип., 1906. – С.3,4.

партикуляризма этнически и политически разобщенных народов способствовало национальному объединению населения под властью Российского императора.

Для обеспечения практикоориентированности Свода Законов сохранялось значительное количество казуистических норм, необходимых для решения конкретных ситуаций. В производстве дел встречались случаи, разрешаемые не по действующим, а по утратившим силу законам. Сохранение связи Свода с прежними законами облегчало задачу поиска нормативной основы дела. Законным порядком устанавливались правила приложения и употребления статей к производству дел¹, порядок дополнения, изъяснения и продолжения Свода, восполнения в нем пропусков и неточностей.

Свод Законов сразу после принятия стал нормативным источником для следующего этапа кодификации. К примеру, замечания председателей уголовных палат и губернских прокуроров на статьи тома XV и указания на пробелы в них послужили основанием для преобразования уголовного законодательства. В ходе этой работы были выявлены многие существенные недостатки уголовных норм, включенных в Свод Законов.

В частности, отсутствие санкций за некоторые преступления, наличие санкций (например, отдача преступника в арестантские роты) без указания конкретных преступлений, за которые они назначались, точных правил для различения наказания за умысел и покушение, отсутствие указания на способы и виды смертной казни и др². Не случайно Г.С. Фельдштейн называл Свод Законов первым опытом догматической переработки всего отечественного уголовного законодательства³.

Принятие Свода Законов активизировало обсуждение путей упорядочения и дальнейшего усовершенствования разных отраслей

¹ Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. № 7654.

² РГИА. Фонд 1251 Бумаги М.М. Сперанского Д.184. Бумаги, касающиеся Уголовного уложения. 1838-1839. – Л.174, 175, 182.

³ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. Ярославль: тип. Губ. правл., 1909. – С.562.

законодательства, теоретические и практические изыскания отечественных юристов. Так, в ходе подготовки и рассмотрения проекта Уложения о казенных поселянах обсуждался широкий спектр вопросов, связанных с гражданским состоянием крестьян. В итоге вырабатывались как общие подходы к структуре уложения, так и коренные правила организации быта крестьян в их новом состоянии¹.

Таким образом, анализ и обобщение опыта кодификационных работ во второй четверти XIX в. подтверждает целесообразность широкого понимания кодификации как разновидности юридической деятельности, нацеленной на консолидацию правового регулирования общественного целого на единых социально-политических, духовно-нравственных основаниях и правовых принципах, систематизацию нормативного материала с целью согласования содержания правовых норм между собой и с потребностями времени.

Исторический опыт второй четверти XIX в. демонстрирует ограничения формального подхода к кодификации. Многообразие приемов составления Свода Законов, включающих изменение содержания, формулировок статей и структуры законодательства, обобщение нормативного материала, восполнение в нём пробелов и многочисленных дефектов, включение в законодательство предписаний, ранее не имевших силы закона, даёт основание рассматривать его результатом кодификации.

Работы по составлению Свода Законов подтверждают обоснованность выделения понятия техника кодификации. Наиболее точно оно сформулировано в совместной статье В.М. Баранова и В.Н. Карташова. Авторы определили ее как «основанную на определенных принципах, прогнозах и планах систему мыслительных действий компетентных лиц и органов, связанную с упорядочением и приведением в определенную систему правовых предписаний, созданием единого, внутренне и внешне согласованного кодифицированного акта». Элементами техники кодификации

¹ РГИА. Ф.1251. Оп.1, часть 1. Д.51-г. Подлинные журналы Совета Комиссии составления законов за 1825-1826 года. – Л.301-328.

учёные назвали «необходимые ресурсы (материальные, трудовые и т. п.), средства (техника), способы и методы (тактика), процессуальные формы (стадии, производства и т. п.) и соответствующие механизмы контроля за деятельностью субъектов и участников кодифицирующей практики»¹.

1.2 Научная критика Свода Законов и ее влияние на совершенствование юридической техники кодификации

Принятие Свода Законов сделало его не только объектом изучения, но и разнообразной критики². Критика Свода Законов отличается и по характеру оценок, которую давали результатам проведенной кодификации законодательства, и по степени конструктивности и профессионализма замечаний, высказанных в отношении Свода Законов и деятельности его составителей.

В данном исследовании речь пойдет именно о научной критике. Ее основные задачи, по мнению Д.Ю. Шапсугова, состоят в исследовании «наличного научного знания» «с точки зрения его содержания, способов получения и применения» для выявления проблем его развития³.

В исследовании не анализируются критические работы, имевшие публицистический, политический или популистский характер и в основном отражавшие отношение к личности М.М. Сперанского. Такого рода высказывания в изобилии встречаются на страницах периодических изданий и в прессе рассматриваемого периода. Данный материал, как представляется, интересен для изучения психологической реакции населения на проведение кодификации, но не имеет отношения к научной критике.

¹ Баранов В.М., Карташов В.Н. Юридические принципы технологии правовой кодификации // Кодификация законодательства. – С.61,62.

² Шимановский М.В. О значении свода законов Российской империи для науки и жизни (Речь тов. Пред. Одес. Юрид. об-ва. М.В. Шимановского, произнесенная в торжественном заседании 11 февраля 1889 г., посвященном памяти М.М. Сперанского). Одесса: Экон. Тип., 1889. – С.2.

³ Шапсугов Д.Ю. О концепции научной критики в юриспруденции // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 3. – С.147.

Выбор критериев, соответствующих требованиям научной критики Свода Законов, был осуществлен с опорой на труды К.Д. Кавелина, В.О. Ключевского¹, Б.Н. Чичерина², В.С. Соловьева³. Анализ их работ, приводит к мысли о том, что научная критика должна быть обращена не на личность и мировоззрение автора Свода Законов, а на его исторический взгляд на кодификацию российского законодательства, деяния и оценку значения, полученных результатов. Оценке подлежит объективность, точность, основательность, непротиворечивость и состоятельность, используемых основных начал. Научная критика не допускает того, что В.С. Соловьев назвал «невероятным извращением чужих мыслей»⁴, а также слабости, используемой критиком аргументации.

Изучение трудов вышеназванных учёных позволяет выделить такие критерии научной критики как профессионализм, объективность, беспристрастность, полнота, полезность, последовательность, непротиворечивость, этичность, аргументированность, всесторонность (исследование содержания, способов получения и применения объекта критики), научная обоснованность (опора на научные факты и логику), проверяемость, результативность, высокий уровень исследовательской культуры. Последний критерий, на наш взгляд, удалось раскрыть Д.Ю. Шапсугову. Он определил его как сохранение тонкой грани в дилемме, появляющейся при продвижении к истине – идти от идеи к факту или собирать факты без руководящей идеи⁵.

¹ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. – Москва: издание К. Солдатенкова, 1871. – С.34, 121, 175, 373.

² Чичерин Б.Н. Мистицизм в науке: [Разбор соч. Владимира Соловьева. "Критика отвлеченных начал"]. – Москва: тип. Мартынова и К° (б. Грачева и К°), 1880. – 191с.

³ Соловьев В.С. Мнимая критика (ответ Б.Н. Чичерину)// Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева: с 3 портретами и автографом / под ред. и с примеч. С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова. Т.8. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1914. – С.669-716.

⁴ Соловьев В.С. Указ. соч. – С.678.

⁵ Шапсугов Д.Ю. Указ. соч. – С.152.

Полагаем, что одним из самых конгениальных критиков Свода Законов стал М.М. Сперанский. Он понимал, что поставленная перед ним императором цель представляла собой решение той самой дилеммы. Надо было сохранить политический режим, изменяя и совершенствуя его с использованием институтов инородных для монархии. Сперанский допускал неполноту, нелогичность, наличие несходства текстов действующих узаконений и статей Свода Законов, которое в том числе объяснялось состоянием нормативного материала, подлежавшего кодификации¹.

Форма свода предполагала сведение узаконений со всеми их недостатками, а не их пересмотр как это делалось при составлении уложения. Обнаружение различных дефектов на практике М.М. Сперанский считал необходимым использовать для усовершенствования Свода Законов, а не для ограничения деятельности лиц и учреждений. Главное, что его строение позволяло исправлять ошибки и использовать Свод до появления лучшего кодифицированного акта. В ходе ежегодных продолжений Свода Закона предполагалась и его ревизия. Накопленные в течение года замечания должны были обобщаться кодификационным органом и излагаться в проекте исправлений по отдельным томам.

Поэтому Свод Законов, названный М.М. Сперанским «подготовительной кодификацией»², а Н.М. Коркуновым «текущим собранием законов в их постепенном развитии»³ не стал жёсткой замкнутой структурой. Его конструкция предполагала изменения, дополнения, продолжения, редактирование. Сперанский инициировал и разработал порядок двухэтапной ревизии Свода Законов, определил правила его доработки. По данным П.М. Майкова, из различных департаментов на Свод

¹ Сперанский М.М. Объяснительная записка содержания и расположения Свода Законов Гражданских // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым [Текст]. 1859, кн.2 (с приложением). – Санкт-Петербург: В Тип. II-го отд-ния собственной Е.И.В. канцелярии, 1858, 1859. – С.3

² Сперанский М.М. Обзор исторических сведений о Своде Законов. 1837. – С.58.

³ Коркунов Н.М. Значение свода законов // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. № 9. – С.97.

Законов поступило около 2000 замечаний. По заявлению ревизионных комитетов в Свод Законов был внесен целый ряд распорядительных норм и циркуляров необходимых для практических целей¹.

В переходный период (до 1 января 1835 г.) Свод Законов имел значение руководства в деятельности присутственных мест. Решение преимущественно выносили на основании текстов узаконений. В частности, тяжущимся для защиты своих прав дозволялось ссылаться на указы, не вошедшие в Свод Законов. Для судебных мест разрабатывались правила применения подобных указов² и порядок уведомления о таких решениях Министерства юстиции.

Теоретическое обоснование М.М. Сперанским конструкции Свода Законов было нацелено на решение практических задач. Его юридическая конструкция обеспечивала разрешение актуальных вопросов и совместимость этих решений с действующим правом. Содержавшиеся в Своде Законов решения злободневных проблем и предполагаемые изменения должны были вписываться в монархическое устройство и не противоречить ему. И эту функцию сохранения российской монархии Свод Законов выполнял до последних дней ее существования. Проверку своей действительности Свод Законов прошёл на практике.

Противоречивость Свода Закона, как представляется, во многом связана с его оценками юристами. Считаем, что научная критика показывала не ошибочность Свода Законов как такового, а скорее отражала весь спектр теоретических и практических проблем российской действительности, отраженных в нем. Критики Свода Законов зачастую не учитывали систему ценностей и принципов, на которых он базировался, приписывая ему несоответствие их личным правовым представлениям.

Большинство правоведов выделяли не только недостатки, но и несомненные достоинства Свода Законов. Причем то, что для одних юристов было достоинством, другими нередко рассматривалось как недостаток. К

¹ Майков П.М. Указ. соч. – С.39.

² РГИА. Фонд 1251. Оп.1, ч.1. Дело 161. Л.2-6.

примеру С.В. Пахман отмечал жизненность свода закона, выраженную взаимосвязь с реальными отношениями, а также отсутствие отвлеченных соображений. Не менее важным для него оказалось и то, что в своде законов сохранены важные исторические памятники права¹. С точки зрения М.А. Филиппова, включение устаревших узаконений в Свод законов привело к разрыву его текста с реальностью².

Немногочисленными среди юристов оказались радикальные критики. К их числу мы отнесли юристов, отрицавших правильность составления свода законов как такового и настаивавших на том, что Свод принёс для правовой системы России больше вреда, чем пользы. В частности, М.М. Сперанского упрекали в том, что он, повинаясь высочайшей воле, не остановился на составлении Полного собрания законов. Продолжение работы над Сводом законов привело к закреплению устаревших отечественных законов и/или норм иностранного законодательства. Все это затормозило принятие нового Уложения и развитие юридической науки.

Об этом много писал М.А. Филиппов. Не отвергая гениальности творца свода законов, он доказывал ошибочность избранного Сперанским пути по направлению к Своду законов. Однако в качестве аргументов своей позиции, зачастую, приводил высказывания самого Сперанского³. Михаил Михайлович отмечал принципиальную невозможность исправления методом систематизации российских законов в силу их принципиальной противоречивости. Одни противоречия были в самих законах, другие заключались в началах, на которых они основывались. Поэтому российские законы нуждались в пересмотре, а не только в упорядочении.

По мнению М.А. Филиппова, приданием обязательной силы Своду законов противоречивость сделали характерной чертой построенной на его

¹ Пахман С.В. История кодификации гражданского права: В 2 т. Т.2. – Санкт-Петербург: тип. 2 Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1876. – 485с. – С.19.

² Филиппов М.А. Судебная реформа в России. Т.1-2. Судостроительство: Ч.1 / 2 т.; 23. – Санкт-Петербург, 1871-1875, 1871. 623с. – С.20.

³ Филиппов М.А. Указ. соч. – С.7.

основе системы российского законодательства. Такой ошибки можно было избежать, сохранив данное собрание как материал для последующего изменения законов. Использование Полного собрания законов, дополненного развернутыми комментариями, могло способствовать развитию отечественной юриспруденции до должного для кодификации уровня и стать лучшим замещением противоречивому Своду Законов.

Как утверждал М.А. Филиппов, «не будь официального свода, крайняя потребность изучения отечественного законодательства дала бы ... огромный толчок учёной юридической деятельности». По мнению критика, юридическая труды 1811-1823 гг. по теоретическом уровню и глубине изложения превосходят исследования, основанные на Своде Законов¹. Вместе с тем важнейшим источником Судебных уставов 1864 г. он назвал 14 проектов, охватывавших все судоустройство и судопроизводство, подготовленных и внесенных в Государственный Совет под руководством Д.Н. Блудова – Главноуправляющего Вторым отделением СЕИВК².

Не Свод Законов, включивший многие отвергнутые жизнью «устарелые формы», утверждал М.А. Филиппов, а хорошее судоустройство способствует выработке разумных обычаев, разумной судебной практики и разумному толкованию даже несовершенных законов. Поэтому полувековые усилия, потраченные на совершенствование Свода Законов Вторым отделением, Государственным Советом и другими органами, лишь подтвердили вывод о необходимости разработки отраслевых уложений.

Спорность умозаключений М.А. Филиппова о несостоятельности кодификации XIX в. как таковой и Свода Законов в частности заключена не только в их голословности, но и в несоответствии историческим фактам. Помимо текущей кодификационной работы сотрудниками Второго отделения были подготовлены проекты законодательных актов по крестьянской, судебной, земской, городской и другим реформам. Их авторитет и опыт

¹ Филиппов М.А. Указ. соч. – С.12, 13.

² Там же. – С.4.

привели к тому, что ни один социально значимый закон не принимался без заключения Второго отделения. Об этом более подробно будет сказано во второй главе.

Необходимость как Свода Законов, так и местных кодификаций в практической работе органов власти подтверждается целым рядом документов. Так, из Российского государственного архива извлечена записка прокурора Варшавской Судебной Палаты. Она была вызвана затягиванием систематической кодификации действующих в губерниях Царства Польского местных законоположений¹.

С 1871 г. действующие в этих губерниях законы наравне с законоположениями «внутренних губерний Империи» публиковались в Собрании Узаконений и Распоряжений Правительства. Однако законы, изданные до этого времени были помещены в отдельных сборниках местных узаконений: в 76 томах Дневника Законов, в 65 томах Сборника Административных Постановлений по ведомству Внутренних дел, финансов, юстиции, народного просвещения, путей сообщения и страховой части, в 21 томе Постановлений Учредительного комитета, в официальных и полуофициальных сборниках законоположений по некоторым специальным отраслям государственной службы (по ведомствам почтовому, эмеритальному и др.).

В этих сборниках местных законов заключался весь законодательный материал, накопившийся со времени образования Герцогства Варшавского, то есть с 1807 по 1871 г., напечатанный в хронологическом порядке. Только незначительная часть узаконений, имевших применение в губерниях Царства Польского, вошла в подлежащие тома Свода Законов. Такой кодификационный опыт оказался возможным только в отношении немногих

¹ РГИА. Фонд 1405 опись 542. Дело 733. Письмо и записка прокурора Варшавской судебной палаты о необходимости систематической кодификации местных законоположений в губерниях Царства Польского. Л.2.

законоположений, изданных в 1840-1870 гг., которые составлялись как видоизменение законов, действующих во внутренних губерниях Империи.

Большинство узаконений губерний Царства Польского оставались законами, разбросанными без всякой системы в 162 томах сборников местных законов. Для желающих ознакомиться с местными законами сборники эти представляли затруднения и неудобства как и все многочисленные тома Полного собрания законов. Во «внутренних» губерниях эти неудобства устранялись существованием Свода Законов, издаваемого и исправляемого по мере накопления законодательного материала.

По мнению прокурора Варшавской Судебной Палаты, кодификация в виде Свода Законов давала возможность «каждому, кто обязан применять и толковать законы и тем, кто должен подчиняться им, узнать со всей точностью и без особого труда какой закон действует в данную минуту»¹. Достаточно взять соответствующий том Свода Законов и в надлежащей графе найдется соответственное постановление закона. Если кодификация данного тома последовала несколько лет тому назад, то в сравнительном указателе продолжений к систематическому своду легко найти, не отменен ли он или не подвергся изменению и какому именно.

При отсутствии систематического свода местных законоположений в губерниях Царства Польского нельзя было ограничиться отысканием в одном из многочисленных томов сборника подходящего закона. Следовало пересмотреть и другие поздние тома как местных сборников, так и Собрания Узаконений за 24 года (с 1871 по 1895 г.) и таким путем узнать не отменен ли (вполне или отчасти) этот с трудом разысканный закон.

Отыскание всех подходящих к данному случаю узаконений не исчерпывало всех трудностей правоприменения. Оставался вопрос о том, издан ли найденный закон в установленном порядке. Обыкновенно такого рода вопросы устраняла кодификация. При отсутствии кодификации решение такого вопроса оказывалось не легкой задачей. Так, из числа вошедших в

¹ РГИА. Фонд 1405. Опись 542. Дело 733. Л.10.

Дневник законов узаконений более 95% потеряло всякое значение и не более 5% могло бы войти при кодификации в новое систематическое издание местных законоположений. Однако узнать об отмене закона можно было только отыскав в разнообразных законоположениях Дневника новый закон, отменявший прежние и сопоставив их между собой определить отменен ли закон в полном его объеме или только в отдельных его частях. Такое исследование требовало большой затраты времени даже для лиц, специально посвятивших себя законоведению.

О том, что сборники законов, составленные не профессионально, не только не помогут, но и еще более запутают практиков свидетельствует приведенный прокурором Варшавской Судебной Палаты пример Сборника Административных Постановлений. Он был издан в 1866-1868 г. с целью повысить доступность действующих постановлений и подготовить материал для дальнейших работ по изданию Свода местных узаконений. Главные недостатки сборника: разнородность и неполнота включенного в него материала, включение в него устаревших и имевших исключительно историческое значение актов, отсутствие ссылок на источник, из которого взято узаконение¹.

Решение такого рода вопросов, возникавших и на почве местных законов Привислинского Края, представляло серьезные затруднения даже для таких учреждений, которые предназначались для истолкования неясных постановлений закона. Так, на обсуждение Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената восходил вопрос о том «действует ли в губерниях Царства Польского Королевское постановление 1818 г., опубликованное в Дневнике Законов о стоке вод». Сенат в решении 1881 г. разъяснил, что закон 1818 г. перестал действовать с 1876 г. Этот же вопрос рассматривался в 1887 г. и Сенат пришел к прямо противоположному заключению и разъяснил, что закон 1818 г. в силе.

¹ РГИА. Фонд 1405. Опись 542. Дело 733. Л.11.

Многие административные установления, встречая затруднения в отыскании местных законов и в применении их к данному случаю, предпочитали по собственному усмотрению руководствоваться законами, изданными для внутренних губерний, которые легче отыскать. Так, при производстве бесспорных взысканий, некоторые казенные управления считали себя в праве продавать недвижимые имущества, принадлежащие частным лицам в административном порядке, руководствуясь 2 частью XVI т. Свода Законов, не получившей в губерниях Царства Польского обязательной силы. Другие казенные управления, не находя в местных узаконениях форм и обрядов административной продажи, приостанавливали продажу даже тогда, когда она прямо устанавливалась законом 1871 г. о подуховных имениях и законом 1887 г. об иностранцах¹.

Теоретическая значимость Свода Законов отраслевыми юристами оспаривалась. Критика усилилась после проведения Великих реформ Александра II. По мнению А.В. Романовича-Славатинского, в сфере государственного права «определения и классификации Свода налегли, как тяжелое бремя, как на университетских преподавателей, так и на литературу русского государственного права»². Существенными теоретическими ошибками М.М. Сперанского он посчитал отсутствие разграничения между монархией и деспотией, неполноту классификаций монархии³. О дефектах общих положений гражданского права много сказано у С.В. Пахмана.

Многочисленные замечания юристов в отношении терминологии Свода Законов вполне правомерны. Однако их появление было неизбежно, поскольку многие термины формулировались впервые. Так, в Своде Законов впервые в отечественном законодательстве были закреплены понятия «преступление», «собственность» и др. Отмечая несовершенство классификации преступлений специалисты указывали и на то, что она при

¹ РГИА. Фонд 1405 опись 542. Дело 733. Л.12.

² Романович-Славатинский А.В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии. Киев, Типография Фронкевича, 1886. – С.21.

³ Там же. – С.22.

всех недостатках «гораздо полнее всех прежних и лучше удовлетворяет требованиям строгой методы»¹.

Профессиональное сведение исторических памятников права в Полное собрание и Свод Законов способствовало появлению в России науки истории и теории права. Активный интерес к ней юристов подтверждается библиографическим перечнем около 500 научных работ 30-50-х гг. XIX в., составленным А.Г. Станиславским². Историко-догматический подход, используемый кодификаторами стал господствующим при проведении отраслевых кодификаций, в практике законотворчества и в учебном процессе на юридических факультетах.

Недостатки, отмеченные умеренными критиками (не отрицавшими социальной значимости Свода Законов), можно подразделить на отдельные группы. Среди структурных недостатков выделяли неверное распределение материала. Так, по мнению С.В. Пахмана, в законах гражданских искусственно разделен предмет регулирования, чем нарушена его целостность³. Отдельные части Свода Законов повторяли друг друга. В нём наблюдался переизбыток частных, мелких регламентаций, а также постановлений не обладавших юридическим свойством и не имевших разумных оснований в общественных отношениях середины XIX в.

Данное замечание было не беспочвенным. Включение в текст кодифицированных актов норм по частным вопросам приводило к быстрому устареванию Свода Законов и сокращению периода его стабильного действия. Поэтому одной из основных задач кодификационных органов второй

¹ Краткое обозрение хода работ и предположений по составлению нового кодекса законов о наказаниях. – Санкт-Петербург: тип. 2 Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1846. – С.41.

² Станиславский А.Г. О ходе законоведения в России и о результатах современного его направления: Речь, произнес. в торжеств. собр. Казан. ун-та, 8 июня 1853 года А. Станиславским, э.-орд. проф., д-ром юрид. наук: С присовокуплением Систематического указателя сочинений юридического содержания, изданных в России с 1830 по 1852 г. включительно. – Санкт-Петербург: тип. Акад. наук, 1853. – С.69-110.

³ Пахман С.В. Указ. соч. – С.19.

половины XIX – начала XX вв. стало устранение этого дефекта путем изъятия из Свода Законов норм, не имевших законодательного характера.

Однако практикоориентированность Свода Законов, его нацеленность на исправную работу, судов, министерств и других ведомств не позволяла устранить этот недостаток в полном объеме. Наиболее существенная степень смешения наблюдалась между законами и административными распоряжениями¹. Сохранение в Своде Законов распорядительных предписаний министерств приводило к тому, что, с одной стороны, попадая в Свод циркулярные распоряжения становились законами, с другой стороны, их наличие облегчало работу присутственных мест, нуждавшихся в подробной регламентации.

Как справедливо отметил А.Д. Градовский, «закон игнорировал» распорядительную деятельность органов исполнительной власти, не определял ее границ и ответственности². Поэтому подзаконные акты оставались основными регуляторами многих сфер государственного управления. Всё это отразилось на содержании Свода Законов, чрезмерно расширившем область законодательства. По мнению Н.К. Ренненкамппа, «редакторы Свода 1832 г. не исполнили и не могли исполнить завета великой Екатерины – отделить законы от не законов»³.

Несистематичность в распределении статей также можно отнести к структурным недостаткам Свода Законов. Как отмечал С.В. Пахман, статьи, относившиеся к одному предмету были разбросаны по разным частям Свода Законов, что затрудняло работу с ним. Об этом писали учёные⁴. На такие структурные несовершенства Свода как неверное расположений статей в главах и томах указывали и практики⁵.

¹ Градовский А.Д. Закон и административное распоряжение по русскому праву. – Санкт-Петербург: тип. В. Безобразова и К°, ценз. 1874. – 32с.

² Там же. – С.2.

³ Ренненкампп Н.К. Очерки юридической энциклопедии. – Киев: Унив. тип., 1868. – 315с.

⁴ Пахман С.В. Указ. соч. – С.20.

⁵ РГИА. Фонд 1251. Оп.1, часть 1. Д.121. Бумаги по ревизии Свода Законов: 1828-1836. – 148л.

Свод Законов считали слишком громоздким по числу (постоянно растущему с 42 000 до 80 000 в начале 70-х годов XIX в.) статей. При этом многие сферы общественных отношений оказались неурегулированными Сводом, например народное просвещение и государственный контроль, управление духовными делами и деятельностью Императорского двора. В системе Свода не было местных законов.

Внешняя стройность его формы с делением на тома, книги, разделы, главы создавала, по мнению критиков, иллюзию законченности дела кодификации и отсутствия необходимости в новом уложении. Некоторые юристы и оценивали Свод Законов как уложение. Критиков раздражали и ежегодные увесистые тома продолжений Свода Законов, осложнявших работу с ним.

Юрико-технические недостатки, связывались с планом кодификации, в том числе нарушение в интересах практики первоначального плана работ¹, методики ее проведения. Неверным считали способ выведения М.М. Сперанским общей нормы. Данные нормы, как полагали критики, сформированы из временных норм частных постановлений, имевших преходящее значение. В итоге решение по частным случаям приобрело значение общей нормы. Многие статьи сформулированы произвольно, исключены вступительные части актов, содержавшие историю дела и разъяснения, что затруднило их использование на практике.

Недостатки в содержательной переработке юридических норм приводили к ряду проблем. Сведение норм, относящихся к разному времени и основанных на различных началах, как полагал С.В. Пахман оборачивалась отсутствием внутренней согласованности между статьями Свода Законов. Отсутствие общих начал придавало Своду Законов казуистический характер и приводило к постоянным изъятиям из общих правил². И, напротив, возведение

¹ Пахман С.В. Указ. соч. – С.18.

² Там же. – С.19.

частных норм в общие правила было незаконным и не соответствовало правилам юридического обобщения.

Сперанского критиковали за то, что он внёс в Свод Законов ряд статей, заимствованных из иностранных кодексов. Библиографический список таких исследований приведён в труде М.В. Шимановского¹. Однако изучение трудов М.М. Сперанского и документов Второго отделения позволяет опровергнуть это обвинение. Сперанский впервые поставил перед императором вопрос о невключении в Свод Законов узаконений на иностранных языках, которые отложились в архивах Сената. Им были разработаны правила использования иностранных слов в российском законодательстве. Вместе с тем опыт кодификации в государствах Западной Европы кодификаторы собирали и тщательно изучали как в период подготовки Свода Законов, так и период отраслевых кодификаций².

Для Н.М. Коркунова объектом критики стало не содержание, а юридическая сила Свода Законов. Он считал Свод Законов результатом кодификации, но не признавал его законом. Наиболее правильным Н.М. Коркунов полагал определение Свода Законов как новой формы старого законодательства, действующей наряду с существующими законами. Поэтому, по мнению учёного, признанием исключительного действия Свода Законов вместо дополнительного к нему доверия получили обратный результат, вступая в самопротиворечие³. Отсутствие понимания, прямых указаний и правил о том, как поступать в случае противоречия между статьями Свода Законов и нормами действующих узаконений в течение всего срока его действия осложняло работу правоприменителей.

Выводы из критических замечаний юристы делали разные. Одни, как например М.А. Филиппов, полагали, что Свод Законов имеет значение только как литературный памятник, охватывающий два века юридической истории

¹ Шимановский М.В. Указ. соч. – С.19.

² РГИА. Фонд 1261. Опись 1. 1842. Дело 15. О доставлении от Российских миссий при иностранных дворах разных кодексов и Собраний законов. 15л.

³ Коркунов Н.М. Указ. соч. – С.111.

России. В аспекте развития юридического метода он подчеркивал значимость разработанных М.М. Сперанским приемов систематизации нормативного материала. Однако, по мнению М.А. Филиппова, от Свода Законов больше вреда для юриспруденции, чем пользы¹.

Предлагая пути совершенствования системы российского законодательства критики Свода Законов полагали, что лучшей формой могли стать отраслевые уложения. Так, С.В. Пахман, рассуждая о развитии гражданского права, предлагал образцом формы уложений избрать иностранные кодексы. Их он предлагал использовать для примера расположения статей и их редактирования. Решенным С.В. Пахман считал вопрос об основе нового Гражданского Уложения. Ей должен был стать Свод Законов как официальный и доступный материал. Он был построен на исторической форме и включал те вопросы, которые следовало разрешить и в уложениях.

По мнению учёного, в уложении следовало отказаться от казуистического подхода к изложению юридических норм и устанавливать правила в виде общих начал. Приоритетом в расположении материала С.В. Пахман считал практические потребности, а не чисто-научные умозаключения. Вместе с тем структура уложения не должна была противоречить логике и иметь стройность в изложении материала. Как быть в ситуации, если интересы практики порождали нарушение принципов логики учёный не уточнял².

Не менее спорны предложения Н.К. Ренненкампа о способах разграничения закона и административного распоряжения в Своде Законов. Он полагал, что решение этого вопроса не дело науки с её общими формулами, а задача законодателя. Указанная граница, по мысли Н.К. Ренненкампа, должна была в каждом конкретном случае определяться в законе, относящемся к той или иной области управления. При издании закона устанавливались полномочия, предоставляемые распорядительной власти.

¹ Филиппов М.А. Указ. соч. – С.10.

² Пахман С.В. Указ. соч. – С.24.

Правительственные учреждения в свою очередь не должны были исполнять распоряжения противные закону¹.

Учёный видел противоречия в собственной конструкции. Они выражались в том, что такая конструкция предполагала независимость служащих и самостоятельность учреждения. Этот недостаток он предлагал исправить проведением реформы Сената, введения института судебного контроля, права жалобы и более широкого развития гласности в системе гражданской службы².

Увлеченные идеями эпохи Просвещения критики полагали, что дело кодификации обусловлено естественным ходом исторического развития общества и просвещением народа. В качестве примера они брали Англию, в которой, по их мнению, сложность законодательства компенсировалась образованностью народа. Развитое чувство законности у англичан они считали главной причиной того, что юридический строй Англии по праву считался лучшим в Европе. Их рассуждения о том, что если бы не М.М. Сперанский, то естественным ходом развития теории и судебной практики могла сложиться система российского законодательства спорны.

Исторический процесс демонстрирует иллюзорность подобного рода представлений. Увеличение количества грамотных людей, юристов, образовательных учреждений, научных юридических трудов естественным образом не приводит ни к осознанию необходимости изучения отечественного права, ни к выработке «народной» науки под влиянием общего прогресса правовых идей, составлению частных сводов³.

Тем более это касается кодификации. Сведение огромного нормативного массива в единое целое осложнено тем, что оно связано со сложившимися историческими особенностями развития общества, в рамках которого осуществляется. Поэтому буквальное заимствование кодификации

¹ Ренненкампп, Н.К. Указ. соч. – С.24, 25.

² Там же. – С.31.

³ Филиппов М.А. Указ. соч. – С.11.

одного общества для другого в расчете на успех в современной науке считается неприемлемым. К примеру, отсутствие кодекса как результата развития законодательства в Англии или в Америке ошибочно считать общим правилом и распространять его на Россию.

Согласимся с Р. Кабрияком в том, что кодификация базируется на ценностях того общества, в котором она проводится. Понимание этого факта способствует укреплению государственного единства, установлению прочных социальных связей и мира¹. Эту мысль очень точно выразил Ж. Карбонье. Он писал, «кодификация есть нечто большее, чем просто собрание законов. Она пронизана духом системы и целостности»².

Что касается теории кодификации, то, во-первых, ее формирование требует специальных исследований, не вытекающих из текущего политико-правового дискурса. Во-вторых, теория законотворчества не может сложиться исключительно из хода юридической практики, как полагали многие критики Свода Законов. Практика сама по себе не складывается в общие положения. Для этого необходимы специалисты, обладающие специальными юридическими знаниями.

Поэтому использование Полного собрания законов в качестве действующего законодательства было исключено. Составление практических рекомендаций к его использованию не изменило бы того факта, что данное собрание представляло собой хронологически упорядоченное сведение принятых в разное время актов, многие из которых утратили актуальность и обладали лишь историческим значением. Реализация таких разновременно принятых актов могла обернуться многочисленными затруднениями для правоприменителей, их массовыми обращениями для разъяснений в вышестоящие органы.

Свод Законов был создан и адаптирован для практики. Тысячи замечаний разных мест и лиц на первое издание, собранные и проработанные

¹ Кабрияк Р. Указ. соч. – С.27.

² Цит. по: Кабрияк Р. Указ. соч. – С.168.

Комитетом о проверке Свода Законов, содержали реальные рекомендации по его улучшению¹. Изменения касались не только содержания, но и названия статей и глав, их расположения, объединения отдельных глав и статей, перемещения статей в другие главы, определения предметов правового регулирования и пр. Так, практические замечания на уголовные законы Свода Законов обер-прокуроров, председателей палат стали важным источником при редактировании структуры и содержания проведения кодификации уголовного права в 40-х г. XIX в.². Изменения собирались, анализировались и обобщались редакторами отдельных томов Свода Законов. Их регистрировали в отдельных реестрах и таблицах. Особым образом выделялись статьи, требовавшие утверждения Государственного Совета³.

В ходе редактирования Свода Законов принялись правила юридической техники, разработанные М.М. Сперанским при его составлении. Из Свода Законов исключались все узаконения, отмеченные силой позднейших законов, а также все повторения. Если законы содержали несколько постановлений по одному предмету, то оставляли полнейшее. Законы вводились из тех источников, на которых они основывались. Из двух несходных (противоречащих) законов выбирался позднейший. На ревизию отдельные тома Свода Законов отправлялись в те места управления, к которым они имели прямое отношение.

Если в Своде Законов отмечался недостаток общих начал и положений, то в Полном собрании законов они вообще отсутствовали. Поэтому альтернативой неразвитой, противоречивой, наполненной «отжитыми» понятиями теории Свода законов предлагалось полное отсутствие общих положений. Как представляется, такой вариант не стимулировал развитие теории права. Напротив, Свод Законов, порождая критику одновременно и

¹ РГИА. Фонд 1251. Оп.1, ч.1. Дело 165. Замечания разных мест и лиц на первое издание Свода законов. – Л.540 - 545.

² РГИА. Фонд 1251. Оп.1, ч.1. Дело 198. Оглавление «Свода практических замечаний на уголовные законы обер-прокуроров, председателей палат и т. д.». 524л.

³ РГИА. Фонд 1251. Оп.1, ч.1. Дело 166. Записка об улучшении X тома Свода законов. Изменения в томах Свода законов VI, IX, XI, XII и XIV. – Л.70-85.

давал толчок научной юридической деятельности, в том числе появлению научных исследований, посвященных технике кодификации.

Путь выработки частных сводов на основе Полного собрания законов обществом недовольным отсутствием твердых правовых основ государственного строя считаем утопическим проектом. Это подтверждается опытом работы многочисленных частных кодификационных комиссий в России в XVIII в.¹. Его изучение приводит к выводу о том, что осуществление дела кодификации в монархическом централизованном государстве снизу, при отсутствии развитых каналов взаимодействия общества и органов публичной власти, общественных организаций и профессиональных юридических союзов оказалось невозможным.

В деле кодификации недостаточно общественного интереса к юридическим идеям. Здесь требуется сплав государственной воли к ее проведению и выбор кодификаторов, способных к осуществлению системной правовой реформы. Поэтому в отличие от критиков М.М. Сперанский предложил не «какой-нибудь», а реальный путь, по которому впоследствии пошли и кодификаторы российского законодательства в XX веке.

Действие Свода Законов обозначило сферы с отжившими юридическими формами и определило направления, требующие модернизации. Например, в сфере судоустройства и судопроизводства. Их реформирование стало возможным только после проведения Крестьянской реформы 1861 г. Действие Свода Законов способствовало тому, что масштабное преобразование различных сфер общественной жизни осуществлялось на основе системы законодательства, поддерживающей правопорядок в целом.

Уровень общественного недовольства в первой половине XIX в. работой судебных учреждений, массовые обвинения их в непрофессионализме, волоките, взяточничестве, произволе не дают возможности согласиться с

¹ Андреевский И.Е. О значении разработки архивов для успехов кодификации // Наблюдатель. 1882. Июль. – С.16.

критикой М.М. Сперанского за то, что он ограничил роль судебной практики, поставив ее под контроль закона¹.

Противоречивость законодательства была не единственной проблемой российской действительности. В условиях несовершенства институтов и кадрового голода в российском судоустройстве, требовавшего проведения судебной реформы, во второй четверти XIX в. ограничение произвола судей законом оставалось самой действенной мерой борьбы с их произволом и злоупотреблениями. Сохранение приоритета закона как основного источника права и исключение судебной практики из числа источников права в современной России в некотором смысле подтверждает правоту М.М. Сперанского в данном вопросе.

Важно заметить, что юристы второй половины XIX – начала XX в., как, впрочем, и современные авторы, критикуя Свод Законов, не проводят всесторонних научных исследований Свода Законов и Полного собрания законов как результатов кодификации. До сегодняшнего дня наиболее глубоким исследованием Свода Законов остается труд П.М. Майкова², подготовленный более 100 лет назад. На недостаточность исследований по этому вопросу указывали А.В. Романович-Славатинский³, Л.А. Кассо⁴, М.В. Шимановский. И с XIX века в этом вопросе мало что изменилось.

Негативными последствиями невнимания к самой масштабной кодификации в России стали затруднения в ее продолжении⁵. Поскольку рекодификация⁶ требовала тщательного анализа достоинств и недостатков Свода Законов, обоснованных выводов о путях его исправления или выбора

¹ Филиппов М.А. Указ. соч. – С.16.

² Майков П.М. О Своде законов Российской империи (под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова). – «Зерцало», 2006 г. 189 с.

³ Романович-Славатинский А.В. Пособие для изучения русского государственного права по методу историко-догматическому. Вып.2. – Киев, 1872. – С.5,108.

⁴ Кассо Л.А. К истории Свода законов гражданских. – СПб: Сенатская типография, 1904. 39 с.

⁵ Попов А.Н. Записка о девятом томе Свода Законов. – СПб, 1867. 17 с.

⁶ Термин «рекодификация» имеет в диссертации используется в значении, обоснованном в известном труде Р. Каброяка «Кодификации». Понятие «рекодификация» в нём раскрывается на С.200-212 как цикл кодификации.

иного пути кодификации. Отдельные должностные лица и юристы предлагали частные поправки в отношении конкретных статей, разделов, глав, институтов¹. Однако зачастую ни доказательств необходимости предлагаемых исправлений, ни конкретных способов их устранения инициаторы не давали.

Ряд предложений, высказанных правоведами в качестве альтернативы кодификации в виде Свода Законов, представляются нереалистичными. Такими считаем высказывания М.А. Филиппова о «самоочищающейся» судебной практике, способной отбрасывать устарелые формы, в том числе несовершенные уставы, учреждения и законы. Суждение С.В. Пахмана, высказываемое и другими авторами, о необходимости перехода от Полного собрания к отраслевым кодификациям, не находило поддержки у верховной власти, потому что требовало системных преобразования. Оно упиралось в отсутствие необходимых для этого государственных и общественных институтов, несовершенство догмы российского права. 126 летний опыт составления уложений, предшествовавший Своду Законов, доказал его необходимость для России в деле установления порядка в управлении, суде и взаимоотношениях частных лиц².

Вместе с тем, в критике Свода Законов и других результатов кодификации Сперанского были конструктивные замечания, в том числе способствующие совершенствованию юридической техники кодификации. Полагаем, что самые продуктивные замечания к Своду Законов были сделаны самим М.М. Сперанским и тем корпусом кодификаторов, который сформировался во Втором отделении, а затем и в Кодификационном отделе. Они были продолжателями дела кодификации³.

К таким работам относится записка М.А. Корфа от 2 мая 1862 г., занимавшего должность главноуправляющего Второго отделения. В ней

¹ Пахман С.В. Указ. соч. – С.346.

² Краткое обозрение хода работ и предположений по составлению нового кодекса законов о наказаниях. – С.37.

³ Нефедьев Е.А. Причины и цель издания Полного Собрания и Свода законов с точки зрения Сперанского – конвалют. изд. – Казань: Типография Губернского Правления, 1889. – С.15, 18, 31.

главным недостатком Свода Законов он называл его пробельность (отсутствие многих важных постановлений) и наличие значительного числа устаревших или дублирующихся норм¹.

Барон М.А. Корф называл основные причины этих недостатков. Он указал на несовершенство идеи Свода Законов, состоявшей во включении в него всех законов, начиная с Соборного Уложения 1649 г. и не отмененных позднейшими актами. Тем самым в Свод Законов включили массу «забытых» актов, давно утративших актуальность и связь с российской действительностью². Эту позицию поддерживал и Н.К. Ренненкампф. Он разделял все недостатки Свода законов на недоработки его составителей и ошибочность идеи его создания как объединения действующих законов³.

При отсутствии четкой иерархии источников права, критериев разграничения закона и подзаконного акта в Свод законов попали акты, имевшие характер частных правил и даже различные циркуляры, и предписания⁴. Поэтому общие нормы в Своде Законов не отделены от казуистических норм.

Несовершенство метода кодификации подчеркнуло недостатки ее основной идеи. Последовало объединение и изложение норм законов, имевших разные начала, принятые разными ведомствами, без соотнесения их между собой и даже по смыслу. Корф объяснял такую ситуацию пробелами отечественного правоведения, отсутствием четких юридико-технических требований к закону и отсутствием теории закона.

Критическая записка М.А. Корфа сама стала объектом критики, в том числе высших сановников государства. К примеру, министр финансов полагал, что двусмысленные высказывания Корфа о необходимости знания

¹ Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. – СПб., 1861. Т.2. – С.330

² Майков П.М. Указ. соч. – С.147-150.

³ Ренненкампф Н.К. Указ. соч. – С.120.

⁴ Ивановский В.В. Указ и закон по действующему русскому законодательству // Журнал Министерства Юстиции. 1912. № 5. – С.33,34.

законов при их несовершенстве препятствуют укреплению законности и уважения к законам государства.

Министр финансов выразил несогласие с М.А. Корфом по вопросу признания Свода Законов единым кодифицированным актом. Свод Законов был практическим сборником действующих законов и при всех его недостатках, облегчил пользование законами, способствовал формированию и развитию научных понятий о законах и сохранил основы законодательного строя вплоть до распада Российской империи.

Высказанную выше позицию поддерживал и А.Н. Филиппов. Он подчеркивал, что Свод законов не содержал умозрительных заключений, а включал только правила, выработанные жизнью в ее историческом развитии, и стал необходимой ступенью к составлению новых уложений¹.

Немало критических замечаний было высказано в адрес автора одного из самых известных трудов по истории кодификации гражданского права и критика Свода Законов С.В. Пахмана. Так, А.Э. Нольде полагал, что выводы С.В. Пахмана не отвечали критериям научной объективности, что проявлялось в небрежности при работе с источниками. Он не пользовался подлинными делами комиссий, в опубликованных докладах оставлял без внимания те части, в которых охарактеризована действительная работа, а не планы². На ошибки при использовании С.В. Пахманом законодательства указывал П.М. Майков.

Подытоживая аналитический обзор научной критики Свода Законов отметим, что она отличается противоречивостью позиций исследователей, множественностью точек зрения о путях российской кодификации и недостаточными профессиональными знаниями о технике ее осуществления. Содержание научной критики имело как конструктивные, так и неконструктивные элементы.

¹ Филиппов А.Н. К вопросу о составе Первого Полного Собрания Законов Российской Империи. – М.: Печатня А. Снегиревой, 1916. – С.7.

² Нольде А.Э. Указ. соч. – С.36.

Неконструктивными считаем высказывания о неуместности придания Своду Законов высшей юридической силы, так как от кодификаторов данное решение к не зависело и принималось Императором. Признание законной силы Свода соответствовало цели кодификации, сформулированной на высочайшем уровне, его ориентированности на практическую полезность¹. Возможно, необходимость совершенствования Свода Законов требовала усилий на его доработку, но не препятствовала проведению отраслевых кодификаций.

Конструктивные элементы научной критики выделены исходя из целей данного исследования. Полагаем, что многие критические замечания существенно улучшили технику кодификации. Их обобщение позволяет выделить некоторые правила техники проведения кодификации:

- кодифицированный акт должен содержать исходные (первоначальные) нормы, в частности нормы-принципы, нормы-начала, нормы-дефиниции, составляющие нормативный фундамент действующей системы законодательства;

- стабильность кодифицированного акта напрямую зависит от количества, содержащихся в нем предписаний временного характера, связанных с решением задач текущего момента. Неизбежность их регулярного изменения приводит к постоянным поправкам в кодекс. Поэтому чем больше в кодексе общих норм, тем более он стабильный;

- кодекс не должен закреплять устаревшие или утрачивающие свою актуальность узаконения. Кодификацию следует осуществлять на основе целенаправленной, согласованной, научно обоснованной, всесторонне проработанной стратегии развития, исходящей от высших органов власти государства;

- кодекс должен опираться на руководящие начала и базироваться на рациональных основаниях, быть сжатым и точным в изложении нормативных предписаний, отличаться стройностью внешних форм, единством основной

¹ Пахман С.В. Указ. соч. – С.25.

идеи, метода ее осуществления и изложения в статья кодекса и иметь общесоциальное значение;

- проведение кодификации неуместно в период активных преобразований, реформирования и в переходные периоды. Социальная значимость кодекса состоит не только в изменении, но и в сохранении устоявшихся правовых начал и нормативных предписаний. Проведение преобразований вызывает их ревизию и тем самым искусственно продлевает кодификацию, влечет постоянные изменения в кодифицированные акты;

- кодификация осуществляется в соответствии с общепринятыми нравственными началами и требованиями общества, право которого подлежит систематической переработке. Среди основных нравственных требований к кодификации можно выделить соответствие общесоциальным и общечеловеческим принципам и ценностям базовых положений, закладываемых в основание кодексов и иных кодифицированных актов; историческая обусловленность кодификационной деятельности, сохранение преемственности и согласованность с предыдущим юридическим опытом.

Подведение итогов, дискуссий о Своде Законов, проходивших во второй половине XIX в. начнем с того, что практика его применения показала жизнеспособность такой формы кодифицированного акта как свод законов. Не только советские, но и современные юристы доказывают практическую целесообразность составления свода законов¹.

Недостатки свода Законов, выявленные критиками прежде всего отражали несовершенства российской действительности. Полное собрание и Свод Законов представляли собой совокупное наличное знание о российском законодательстве за два столетия его развития. До принятия этих сводов в России отсутствовали хронологические и систематические своды законов, дающие комплексное понимание о состоянии российского законодательства.

¹ Чашин А.Н. Кодификация в сфере российского законодательства: теория, история и перспективы: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01. – Магадан, 2012. – С.8.

Оценить масштаб пробелов, противоречий и иных дефектов нормативного материала без составления Свода Законов было невозможно, что подтверждалось итогами деятельности многочисленных комиссий по составлению сводных уложений в XVIII – нач. XIX вв. Работа над Сводом способствовала упорядочению российского законодательства путём формирования его хронологических реестров, алфавитных и предметных указателей. Приданием во многом устаревшему российскому законодательству новой формы удалось определить его последующее обновление и поставить изменение законодательства на практическую и научную основу. К примеру, разработка алфавитного указателя к Своду Законов в 1842-1843 гг. дала возможность составить систематическое собрание судебных решений по гражданским делам. Это собрание стало основным материалом для разработки проекта Гражданского уложения¹.

Создание Свода Законов как открытой системы, взаимосвязанной с предыдущим законодательством, с возможностью его доработки дало импульс российской кодификации во второй половине XIX – нач. XX вв. Работу планировали вести в двух направлениях: актуализации Свода Законов, его доработки в интересах практики и разработки уложений и иных кодифицированных актов по различным отраслям права. Тем самым был продолжен план кодификационных работ М.М. Сперанского.

Введение в действие Свода Законов, его доработка с участием министерств и ведомств облегчала его применение на практике и привело к совершенствованию нормотворчества в органах исполнительной власти. Вместе со Сводом Законов велись работы по созданию ведомственных сводов законов (военного, морского и др.), местных сводов законов. Так были заложены основания принципа законности, перехода от циркулярного к законному порядку рассмотрения дел в сфере государственного управления и повышения уровня юридической грамотности чиновников.

¹ РГИА. Фонд 1261. Опись 4. Дело 6. – Л.12, 189.

Анализ научной критики Свода Законов показал, что после его вступления в силу в науке преобладал сбалансированный подход, состоявший в признании как его достоинств, так и недостатков. К концу XIX – нач. XX вв. в юридической науке усиливалась позиция о негативной влиянии Свода Законов как на исследования, так и на практику. Полагаем, что это связано со стремительным устареванием после проведения Великих буржуазных реформ узаконений, включенных в Свод Законов, и затягиванием отраслевых кодификаций. В некоторой степени Свод Законов стал тормозить развитие научного юридического знания и формирование буржуазных институтов. Вместе с тем продолжение работ по доработке и совершенствованию Свода Законов способствовало развитию техники кодификации и оттачиванию приемов составления отраслевых уложений. Освещению этого процесса посвящена вторая глава исследования.

Глава 2. Развитие техники кодификации во второй половине XIX в.: от Свода Законов к отраслевым кодификациям

2.1 Техника кодификации во Втором отделении Собственной Его Императорского Величества Канцелярии¹

Успех кодификации зависит от социальной заинтересованности и готовности общества к ее проведению, наличия политической воли, способной определить цели и сформировать кодификационный орган. При проведении официальной кодификации формирование состава кодификаторов имеет персональную и институциональную составляющую. Как отметил Р. Кабрияк органы или лица, обладающие законодательными полномочиями, не могут заниматься кодификационными работами в силу их перегруженности².

Кодификация продолжается годами и требует постоянной вовлеченности кодификаторов в процесс разработки кодифицированных актов. Не следует забывать о сложности и своеобразии кодификационных работ, что предполагает наличие соответствующих компетенций, опыта и специальных знаний у кодификаторов. Видимо поэтому даже в парламентских государствах кодификационная работа как правило отделена от законодательной деятельности.

Выбор кодификаторов в значительной мере определяется политическими факторами прежде всего степенью заинтересованности государственной власти в ее проведении. Двойственный характер кодифицирующего органа точно подметил Р. Кабрияк, указав, что он сочетает работу «интеллектуальной лаборатории» и «государственного совета»³.

В России история официальных кодификаций ведёт отсчёт с конца XV в. Начиная с Ивана III, московские государи пытались сформировать единое правовое пространство централизованного государства путём разработки

¹ При написании параграфа использована опубликованная статья автора диссертации: Клеветова Е.Ю. Кодификационные органы Российского государства в XIX в. // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2024. № 2. – С.139-146.

² Кабрияк Р. Кодификации. – С.311, 312.

³ Там же. – С.316.

общего кодифицированного акта. С этого времени кодификационные работы в России не прекращаются до сегодняшнего дня.

Соборное Уложение 1649 г. принято считать границей, отделяющей древнюю и новую историю российской кодификации. Принятием Уложения не только отменили прежние узаконения, но и структурировали действующий нормативный материал. Посредством Уложения юридически закрепили и оформили незыблемость православной религии как идеологической основы государства; монархии как лучшего порядка организации политической системы служилого государства; сословную структуру российского общества с определением прав и обязанностей каждого сословия.

Отдельные аспекты истории формирования кодификационных органов с середины XVII до начала XIX в. исследованы в отечественном правоведении¹. Особое внимание в научной литературе уделено XVIII в. Реформы Петра I требовали кардинальных изменений российского законодательства, а значит принятия нового уложения. В 1720 и 1723 г. Петр I издал указы об упорядочении принятых указов, разделив их на генеральные и временные. Временные указы следовало помещать в особую книгу, а постоянные «припечатывать» к Регламентам, артикулам, уставам и прочим делам². Указами запрещалось, чтобы по поводу одного дела действовало два указа³.

Кодификация XVIII в. не дала желаемых властью результатов в виде нового уложения. Не удалось провести даже простое систематическое собрание законов. Они были изданы за 26 лет (с 1714 по 1730 г., 1762-1770 г.)⁴.

¹ См.: Лозина-Лозинский, М.А. Кодификация законов по русскому государственному праву / М.А. Лозина-Лозинский. – Санкт-Петербург: тип. Правительствующего сената, 1897. – 113 с.; Омельченко, О.А. Кодификация права в России в период абсолютной монархии (вторая половина XVIII века): учебное пособие. Москва: ВЮЗИ, 1989. – 148 с. и др.

² Полное собрание законов Российской империи. Т.6. № 3574.

³ Полное собрание законов Российской империи. Т.7. № 4347.

⁴ Столетие Военного министерства: 1802-1902: Кодификационный отдел: исторический очерк. Санкт-Петербург: тип. Т-ва М.О. Вольф, 1902. – С.6.

Однако на этом этапе был апробирован опыт формирования и работы восьми больших уложенных и десятков малых кодификационных комиссий.

Возросшая в начале XIX в. социальная потребность в упорядочении права поставила кодификацию в ряд первоочередных государственных задач. Не случайно одним из первых органов, созданных императором Александром I, стала Комиссия по составлению законов. Главой комиссии был назначен граф П.В. Завадовский, возглавлявший при Екатерине II комиссию по составлению проекта о сокращении канцелярского порядка. Точнее речь шла об изменении подведомственности Комиссии по составлению законов, сформированной при Павле I в 1796 г. и подчинявшейся генерал-прокурору¹. До 1810 г. комиссия ещё несколько раз меняла подведомственность. До октября 1803 г. комиссия была в ведении императора при Непременном совете. После передана в Министерство юстиции², а затем в обновленный Государственный Совет³.

Требование Александра I скорейшим образом завершить работу по составлению проекта Гражданского уложения сопровождалось включением в состав комиссии в декабре 1808 г. М.М. Сперанского⁴. В то время Г.А. Розенкамф был фактическим руководителем комиссии. Он имел юридическое образование, но не знал не только русских законов, но и русского языка. Он проработал в комиссии восемнадцать лет. За это время Г.А. Розенкамф не только выучил язык, но и стал одним из знатоков древних русских законов.

Включенный в 1808 г. в состав комиссии М.М. Сперанский обнаружил одну из главных причин медлительности ее работы. Он указал на неопределенность цели кодификации, отсутствие чёткого плана работы и наличие серьезных противоречий «в системах кодификации, сочинённых

¹ Полное собрание законов Российской империи. № 17610, № 17967.

² Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1: Т.27. 1803. № 20955.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1: Т.31. 1810. № 24064.

⁴ Корф М.А. Восшествие на престол императора Николая I; Жизнь графа Сперанского / сост. П. В. Крашенинников. – М., 2015. – С.149-154.

Розенкампом»¹. Как вспоминали очевидцы Сперанский ежедневно уделял внимание юридической науке, продолжал юридическое самообразование².

Сперанский предложил новую структуру комиссии. Ее состав подразделялся на отделения во главе с начальником и его помощниками. Обсуждение проектов предполагалось в конференции с участием всех начальников отделений и их четырёх помощников. Для комиссии выделили специальное здание, определили часы присутствия, обеспечили архивом, пополняемой библиотекой и типографией. Комиссия составила порядок управления ею и разработала план работы, ограниченный составлением трех уложений (гражданское, уголовное, коммерческое), частей публичного права и двух сводов законов для губерний остзейских, малороссийских и польских.

Шесть предметов работы комиссии получили высочайшее утверждение в марте 1809 г.³. По числу предметов было сформировано шесть отделений комиссии во главе с начальниками. Они разрабатывали план работы и разрешали трудные вопросы. Помощники составляли проекты законов. Общее руководство комиссией осуществляло правление во главе с министром юстиции и членами, назначаемыми по высочайшему распоряжению. Совет комиссии (не действовал с 1 января 1810 г. до 12 апреля 1812 г.), включавший правление, сенаторов и других лиц, назначенных императором, выполнял согласительную функцию для преодоления противоречий в законах и недоразумений в работе комиссии.

После перехода комиссии в ведение Государственного Совета появляется должность ее директора. Принцип коллегиальности в работе заменяется единоначалием Сперанского, совмещавшим должности директора комиссии и государственного секретаря. Он был обременен в это время многими заданиями, но уделял работе комиссии несколько часов в день.

¹ Нольде А.Е. М.М. Сперанский. Биография. – М.: Московская школа политических исследований, 2004. – С.90.

² Бычков А.Ф. К 1-ти летию II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии // Русская старина. 1876. Т.15. Кн. 1-4. Январь-апрель. – С.432.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1: Т.30. 1809. № 23525.

Отсутствие у Сперанского юридического образования, его увлеченность французскими законами, пренебрежение русским правом, которое он считал варварским, недооценка сложности кодификационного дела привела к тому, что он проигнорировал стадию составления свода законов и сразу приступил к составлению проекта нового уложения.

Споры о том, напоминал ли проект Гражданского Уложения 1809 г. Кодекс Наполеона только по форме или заимствует его содержание, как представляется лишены особого смысла. Во-первых, это сходство доказано в юридической науке¹. Во-вторых, сам Сперанский не отрицал позднее, что проект получился «безобразной компиляцией» французских законов.

Главное, что данный проект не содержал начал русского права, не имел связи с действующими российскими законами и базировался на принципе равенства перед законом, противоречившим природе сословного российского общества. Эти аргументы, озвученные в 1815 г. министром юстиции Д.П. Трощинским, но выражавшие общую позицию консервативной части Государственного Совета, приостановили обсуждение проекта.

Ссылка Сперанского в марте 1812 г. привела к смене руководства комиссией. Формально ее возглавил князь П.В. Лопухин. Старшим начальником отделений стал Г.А. Розенкамф. Для коллективного принятия решений восстанавливался совет (Г.А. Розенкамф, А.И. Тургенев, Мороз). Общее число членов комиссии устанавливалось в пределах десяти человек.

Совет исходил из необходимости держаться исторической почвы и сохранять старые законы, проверенные временем, исправляя их недостатки и пробелы. Новый план работы комиссии предполагал составление полного собрания законов и разработку оснований русского права «для определения особенностей теории нашего законодательства»².

¹ См.: Туйкина Ю.Р. Историческое соотношение русского гражданского законодательства XVIII – XIX веков и Кодекса Наполеона 1804 года: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01. – Уфа, 2002. – 160 с.

² Труды Комиссии составления законов. Т.1: Постановления об образовании Комиссии – Второе издание. – Санкт-Петербург: В типографии Комиссии составления законов, 1822. – С.140-152.

Систематический Свод Законов начали составлять в 1817 г. В 1821 г. приступили к проверке первых трёх томов. Основания прав, извлеченных из законов, представляли собой самое существенное содержание разновременных законов и указов. Они излагались в виде отдельных положений и статей с указанием законодательных источников, на которых они основывались.

Как представляется деятельность комиссии в этот период недооценена. Возможно, это произошло под влиянием резкой критики, которую обрушил на ее работу М.М. Сперанский осенью 1821 г., а затем в 1826 г. при разработке планов новой комиссии¹. Издание многотомного систематического свода около 30 тысяч законов, по словам П.М. Майкова, облегчило составление т.Х Свода Законов гражданских².

Комиссия по высочайшему повелению с 1817 по 1819 г. издавала «Журнал законодательства», служивший дополнением к систематическому Своду Законов. Она представляла объяснения и заключения Государственному Совету, Правительствующему Сенату по делам, требовавшим разъяснения смысла действующих законов. Только из Государственного Совета в год поступало около 60 дел по таким важным вопросам как основания освобождения крестьян помещиками, ссылки помещиками крестьян за проступки в Сибирь, положений устава гражданской службы и др.

Комиссия по составлению законов представила в Государственный Совет и другие проекты кодифицированных актов. В 1810 г. проект Торгового Положения, в 1813 г. проект Уголовного Уложения, в 1818 г. проект Устава уголовного судопроизводства, в 1824 г. первую часть Устава гражданского судопроизводства.

¹ Сперанский М.М. Краткое историческое обозрение комиссии составления законов // Русская старина. 1876. Т.15. Кн.1-4. Январь-апрель. – С.433, 435.

² Майков П.М. Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1826-1882: исторический очерк П.М. Майкова. – Санкт-Петербург: Тип. И.Н. Скороходова, 1906. – С.85.

В ходе ее работы были найдены средства сохранения единого политического тела России, а именно единообразие законов, единство теории и практических оснований законоположений, простота, краткость, ясность и точность их формулировок, повсеместное использование русского языка во всей Империи, по крайней мере в сфере судопроизводства; установление общих судебных порядков и порядка отправления законов, перевод на разные языки и публикация законов и их проектов для «приготовления жителей» к единству начал правосудия, обеспечения собственности и личной безопасности.

Нововведением комиссии был институт корреспондентов. В корреспонденты отбирались учёные и профессора, сведущие в правоведении. Они получали жалованье от комиссии, собирали и обобщали сведения о местных особенностях отдельных территорий Империи, которые следовало учесть при составлении Свода законов. Первыми корреспондентами были немецкие профессора¹. Впоследствии в число корреспондентов вошли московские профессора и чиновники.

Многие сотрудники комиссии за годы работы стали блестящими законоведами, продолжили дело кодификации во Втором отделении (М.А. Балугьянский, Цейер, А.М. Циммерман, К.И. Арсеньев, Д.В. Илличевский, Н.С. Ильинский, П.В. Хавский, Д.Н. Замятин, Ф.М. Маркус, С.В. Пахман, К.Г. Репинский, С.Н. Урусов и др.), другие работали чиновниками министерства юстиции и финансов (к примеру, А.П. Куницын, М. А. Корф).

Вместе с тем почти четверть века работы комиссии не привела к принятию уложений. Причины этого имеют комплексный характер. Коренное преобразование законов требовало последовательности, терпения и готовности верховной власти к изменениям в государственном строе. Ссылка Сперанского была не только результатом интриг против «поповича». Отношение к фигуре реформатора показало неготовность и нежелание

¹ Майков П. М. Указ. соч. – С.41-43.

дворянской аристократией перемен. Ведь именно они были тем кругом лиц, на которых распространялось действие законов и на которых возлагалось их применение.

Как точно подметила Т.В. Шатковская, Александр I, удалив М.М. Сперанского от государственного управления, дал обществу своеобразный сигнал о прекращении реформ и сохранении незыблемости основ самодержавия. В плане кодификационных работ данное решение означало отказ от проведения кодификации-реформы, требовавшей институциональных изменений социально-политического строя и связанной с ними модернизации всей системы законодательства Российской империи, и переход к проведению кодификации-компиляции, выражавшейся в систематической переработке действовавшего законодательства для укрепления существующего государственного строя¹.

Общественно-политические дискуссии первой четверти XIX в. по поводу работы Комиссии по составлению законов показывают, что еще в начале века консервативная часть дворянства требовала проведения кодификации-компиляции. С этим связаны упреки Комиссии в том, что она не искала национальных основ русского права, а «подсунула» России «книжку, слепленную шестью или семью экс-адвокатами и экс-якобинцами»².

Многочисленные поправки в проекты отраслевых уложений не могли изменить главного, а именно их неприемлемость для российской действительности. Поэтому выбор Николаем I систематизации действующего законодательства вместо разработки нового Уложения, базирующегося на западно-европейских правовых началах, был вполне закономерен в условиях проведения консервативной политики «сохранения целостности, доброго порядка и тишины государства»³.

¹ Шатковская Т.В. Техника кодификации М.М. Сперанского: реформа или компиляция? // Журнал российского права. 2022. Т.26. № 5. – С.19-30.

² Пыпин А.Н. Общественное движения в России при Александре I. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1885. – С.242-243.

³ Майков П.М. Указ. соч. – С.12.

Работа комиссий по составлению законов показала, что проведение кодификации требует участия юридически подготовленных и сведущих в теории права людей. Так, свод прежних законов безуспешно пытались составить со времён Петра I. Поиск «искусных в делопроизводстве и законопознаний чиновников» продолжили при Павле I¹. Как писал М.М. Сперанский, «составление сводов и приготовление полного собрания законов, требуют знания, но еще более точности и труда. Составление уложений требует менее труда, но более знаний и соображений»².

Полагаем, что возвращение неудобного и непопулярного, но талантливого, работоспособного и необычайно прозорливого Сперанского из ссылки для участия в кодификации подтверждает сказанное. После возвращения из ссылки Сперанский, вновь включенный в состав комиссии, с 1821 по 1824 гг. начал кодификацию с переработки проекта Гражданского Уложения. Однако его несоответствие коренным началам российского государственного строя все более убеждало Сперанского в мысли о необходимости нового изложения проекта³. Кроме того, без исторического собрания российских законов комиссия постоянно терялась в частностях и не могла сформулировать коренных оснований национального права.

С 1821 по 1825 г. под руководством Сперанского была проделана необходимая подготовительная работа: составлен Систематический свод существующих законов Российской империи, выявлены основания российского права и определен порядок работы кодификационного органа⁴.

Дело кодификации Николай I передал в 1826 г. во Второе отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии⁵. Исправление без

¹ Полное собрание законов Российской империи. № 17652.

² Сперанский М.М. Краткое историческое обозрение комиссии составления законов // Русская старина. 1876. Т.15. Кн.1-4. – С.433.

³ Середонин С.М. Граф М.М. Сперанский. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1909. – С.30.

⁴ Кассо Л.А. К истории Свода законов гражданских // Журнал Министерства юстиции. 1904. № 3. – С.83-107.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2: Т.1: 31 января 1826 г. № 114.

общих изменений старых порядков, под таким девизом следовало вести работу. Главным исполнителем дела кодификации остался М.М. Сперанский, не состоявший официально во Втором отделении, но фактически выступавший посредником между Императором и начальником Второго отделения М.А. Балугьянским.

Состав отделения включал помимо начальника семь старших чиновников, семь старших помощников, четырех младших помощников при архиве и библиотеке, экзекутора, двух курьеров и пятнадцать писарей. Развернутое описание личного состава и порядка работы Второго отделения дано в работе П.М. Майкова, участника кодификационных работ, более 20 лет прослужившего в этом ведомстве¹.

Первым практически важным результатом деятельности Второго отделения стало Полное собрание законов Российской империи. Его значение состоит в том, что это первое хронологическое систематическое издание российского законодательства, включавшее акты с 1648 по 1825 г. Данное издание сопровождалось составленными с особой тщательностью благодаря М.М. Сперанскому алфавитным и хронологическим указателями, что облегчало пользование 45 томным собранием законов.

Составление второго полного собрания началось сразу после принятия первого, учитывался опыт работы над первым изданием. Второе собрание сделали более полным, так как оно включало действующие акты (с 1825 по 1881 г.) и обладало не только познавательной, но и практической значимостью.

Николай I не только регулярно заслушивал отчеты о ходе кодификации, но и активно участвовал в работе Второго отделения, что обеспечивало оперативное принятие политических решений, связанных с Полным собранием и Сводом Законом². Он высочайше разрешал многие спорные

¹ Майков П.М. Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. – С. 604-616.

² Тельберг Г. Участие императора Николая I в кодификационной работе его царствования // Журнал министерства юстиции. 1916. № 1. – С.233-244.

вопросы. Так, по велению Николая I все законы во втором Полном собрании были отпечатаны на русском языке. Император определил ряд международных конвенций, грамот, договоров, подлежащих включению в Полное собрание. Каждую неделю Николай I встречался со Сперанским и по несколько часов работал с ним над обсуждением проекта Свода Законов¹.

Правила составления Свода Законов, разрабатываемого параллельно с полным собранием, были составлены М.М. Сперанским. В Свод Законов включались только действующие акты, при наличии нескольких актов по одному вопросу в свод включался полнейший, изложение статей должно было соответствовать смыслу изначальных узаконений, следовало сокращать многословные указы путем изъятия рассуждений о причинах их принятия, в случае противоречий приоритет отдавался действующему закону над прежним, составленные разделы свода подлежали ревизии теми местами, к которым они относились. Система свода предполагалась неизменной. Его развитие обеспечивалось ежегодными продолжениями².

Из материалов Второго отделения, свидетельств чиновников, работавших вместе со Сперанским, следует, что общего плана Свода Законов не составляли³. Сперанский планировал каждую часть Свода Законов и установил общие основания его разделения по томам. Таким образом он распределял работу над сводом между сотрудниками. По мнению П.М. Майкова, Второе отделение изначально руководствовалось общим планом прежней комиссии, который корректировался по ходу проведения работ⁴.

Дело составления Свода Законов задерживалось тем, что М.М. Сперанскому, без внимания и непосредственного контроля которого не оставалась ни одна строчка пятнадцати томов Свода, регулярно давались

¹ Майков П.М. Указ. соч. – С.179.

² Сперанский М.М. Краткое историческое обозрение комиссии составления законов. – С.434.

³ Ильинский Н.С. Воспоминания // Русский архив. 1879. № 12. – С.431-434.

⁴ Майков П.М. Указ. соч. – С.171.

особые Высочайшие поручения, связанные с отраслевыми кодификациями. Так, в октябре 1827 г. Император поручил Сперанскому возглавить комитет по составлению проектов учреждений коммерческих судов, устава их судопроизводства, уставов о векселях и торговой несостоятельности. Последние два устава были высочайше утверждены в июне 1832г¹. Параллельно с этим, Сперанскому приходилось делать законодательные представления в Государственный Совет для восполнения пробелов в законодательстве, обнаруженных в ходе кодификационных работ². Поэтому работа, которую М.М. Сперанский планировал завершить за три года, растянулась на шесть лет.

На заседании Государственного Совета 19 января 1833 г. Свод получил значение действующих законов, вступавших в силу с 1 января 1835г. С этой даты согласно высочайшему разъяснению Николая I Свод становился положительным законом империи. С 1 февраля 1832 г. до вступления Свода Законов в действие объявлялась его ревизия.

Ревизия составленного Вторым отделением Свода Законов осуществлялась комиссиями отдельных ведомств, в частности министерства юстиции, министерства финансов, обер-секретарями Правительствующего Сената³. Всего работало семь ревизионных комитетов. Как указано в Высочайшем Рескрипте Николая I «работа сия должна служить основанием к Уложению. Чем она будет полнее и точнее, тем и Уложение может быть совершеннее»⁴.

Император распорядился, чтобы части Свода обзревались и исправлялись в тех ведомствах, к которым они относились. Согласно данным Второго отделения только к сфере министерства финансов относилось десять

¹ Полное собрание законов Российской империи. № 5462, 5463.

² Макаров А.Н. К истории кодификации Основных законов // Журнал министерства юстиции. 1912. № 10. – С.289-345.

³ РГИА. Фонд 1251. Оп.1, часть 1, Д.138 Поверка X тома Свода Законов (гражданские законы) обер-секретарями Правительствующего Сената: 1830-1831. – 1830-1831. – 267 л.

⁴ РГИА. Фонд 1251. Оп.1, часть 1. Д.12. Бумаги по ревизии Свода Законов: 1828-1836. – Л.1.

учреждений и восемь уставов¹. Все кандидатуры членов комиссий высочайше согласовывались и утверждались. Правила исправления Свода Законов и разрешения спорных вопросов были разработаны М.А. Балугьянским².

В этот период был выработан организационный порядок предварительного обсуждения необходимости внесения изменений в Свод Законов, который действовал до конца существования Второго отделения. От ведомств все представления по этому вопросу поступали к министру юстиции, от него во Второе отделение для дачи объяснения по существу вопроса. Если объяснение оказывалось удовлетворительным, то представление не получало дальнейшего движения и положения Свода Законов оставались в силе. В противном случае представление отправлялось на окончательное рассмотрение в Государственный Совет. За два года работы было направлено всего 36 представлений³. Эти данные показывают как деятельность Второго отделения разгружала Государственный Совет и одновременно улучшала качество Свода Законов.

Исправление следовало вносить по критериям точности, полноты, истинной силы законов с соблюдением правил составления Свода Законов, то есть с обязательным сохранением смысла статей и теми же словами. Срок ревизии был ограничен июнем 1830 г. Окончательный пересмотр Второму отделению поручалось осуществить к началу 1832 г.

Исправления, вносимые в результате ревизии включались в первое продолжение Свода Законов⁴. Оно содержало изменения в статьях по новым постановлениям (за 1832 и 1833 г. их было принято 1630, в том числе 79 положений и уставов) и исправления статей Свода Законов в примечаниях. В примечаниях по всем томам было внесено 823 существенных и маловажных исправления, более половины из них внесло Министерство финансов (443),

¹ РГИА. Ф.1251. Оп.1, часть 1. Д.119. Дело о Комитетах для обозрения Сводов с Высочайшими резолюциями и пометками Сперанского и его собственноручным всеподданнейшим докладом: 1828-1834 гг. – 1828-1834. – Л.16.

² Блосфельдт Г.Э. Указ. соч. – С.12,13.

³ Майков П.М. Указ. соч. – С.193.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. № 7368.

107 – Министерство юстиции, 216 – Второе отделение. Ещё 560 были оставлены для исправления в продолжение следующего года.

С учётом общего количества статей в Своде Законов (42 тыс.) процент измененных статей следует признать минимальным. Однако данные исправления улучшали Свод Законов, облегчая его применение. Так, при рассмотрении Таможенного Устава были выявлены и исправлены положения, вводившие затруднения как для торговли, так и вредные для фиска. Кроме того, министерствами разрабатывались административные акты для облегчения практического использования Свода Законов отдельными присутственными местами. При жизни М.М. Сперанского продолжения издавались ежегодно с 1834 по 1838 г. После его смерти было издано последнее продолжение первого издания Свода законов в 1839 г.

Полагаем, что обсуждение Свода Законов в Государственном Совете 16 января 1832 г. и его ревизия в министерствах до вступления в силу 1 января 1835 г. стали важным шагом на пути к разграничению закона и подзаконных актов в России. Этому, в частности, способствовали обсуждения вопроса о действии циркулярных предписаний министров в случае их противоречия Своду Законов. Этот вопрос однозначно решил Николай I, указав, что ни одно предписание не может противоречить высочайшим повелениям. Все циркуляры должны быть нацелены на их исполнение¹.

В ходе ревизии Свода Законов с 1 февраля 1832 по 1 января 1835 г. стал вопрос о возможности внесения предписаний министров без Высочайшего повеления, которые по сути не законы, в Свод. Вопрос возник в связи с тем, что многие такие предписания восполняли пробелы действующего правового регулирования до момента принятия закона и позволяли предотвратить произвол исполнителей. Решено было пояснительные предписания не вносить в Свод Законов, а распорядительные предписания вносились только в случае, если они не противоречили закону.

¹ Майков П.М. Указ. соч. – С.190.

Аналогичное решение было принято и в отношении указов Сената. Они подлежали включению в Свод Законов только, если они не меняли смысл законов, не противоречили им и разрешали существенное сомнение в их понимании. Окончательное решение о противоречии данных актов законам принимали Министерство юстиции и Император. Забегая вперед скажем, что только 14 мая 1916г. по всеподданнейшему докладу Министра Юстиции постановление о внесении в Свод Законов сенатских указов было отменено.

В 1858 г. при обсуждении отчёта Министра Юстиции в присутствии Александра II встал вопрос о неудобстве практического использования Свода Законов в силу его громадности. Одной из причин тому Совет Министров считал включение в Свод большого количества административных актов, имеющих временный характер. Для их исключения следовало чётко разграничить законы, учреждения и уставы и отделить их от временных и местных распоряжений. Император поручил Второму отделению разработать точное определение, отделяющее закон от административного распоряжения. Впоследствии Д.Н. Блудов дополнил эту задачу необходимостью разграничения самих административных распоряжений.

Такие изыскания проводил еще М.М. Сперанский. Он справедливо полагал, что не все законы подлежат кодификации. Так, существо полицейских и хозяйственных законов, по его мнению, не допускало их систематического изложения по причине их «непрестанной подвижности», изменения и «непрерывного приращения»¹.

Впоследствии определение закона стало одним из направлений работы Второго отделения. В частности, М.А. Корф, находясь в должности Главноуправляющего составил три записки по этому вопросу, в которых предлагал при определении закона исходить из взглядов образованных народов Западной Европы. Он считал, что закон есть высший разряд правил общественного устройства, определяющий существо прав и обязанностей.

¹ Сперанский М.М. Краткое историческое обозрение комиссии составления законов. – С.437.

Распоряжения и постановления заключают меры реализации определенных законом правил¹. Законы должны приниматься законодательными сословиями в соответствующем порядке и облекаться в установленные формы. Административные правила не имеют ни силы закона, ни его постоянства.

Вопрос состоял в том, что данное общеевропейское правило требовало конкретизации в национальном правовом порядке с учётом сложившегося опыта законодательства и институциональных возможностей государства. Для Российской империи считал барон М.А. Корф уместен порядок признания законами актов, утвержденных Императором и предварительно рассмотренных Государственным Советом, а также манифестов или указов, принятых и собственноручно подписанных императором с приложением большой Государственной печати.

Все прочие акты он относил к разряду постановлений или распоряжений административных. Данные акты были распределены на три группы: высочайшие акты, принятые в административном порядке и обязательные для всей Империи; постановления, издаваемые центральными или местными властями в пределах их полномочий; ведомственные циркуляры, распоряжения, инструкции, наставления. Для практического осуществления данной иерархии административных актов М.Н. Корф полагал необходимым чёткое разграничение полномочий центральных и местных властей².

Александр II согласился с означенными предложениями М.А. Корфа и в 1862 г. внёс их на рассмотрение Совета Министров. Дополненные соображениями министров и главноуправляющих в 1865 г. по решению Императора все заключения по этому вопросу поступили в Государственный Совет. Достижение общих подходов к разграничению закона и административного распоряжения позволило сделать следующий шаг. Второе отделение предложило отказаться от продолжений Свода Законов.

¹ Майков П.М. Указ. соч. – С.427.

² Там же. – С.428, 429.

Как отмечал М.А. Корф, включение в Свод разнородных актов препятствовало систематизации законодательства на новых основаниях. Вместо продолжений он предложил обнародование новых законов посредством издания Собрания законов и постановлений. В этот сборник следовало включать только законы и постановления по высочайшему повелению. Предложение М.А. Корфа было отвергнуто всеми ведомствами, выступившими за сохранение продолжений свода Законов как наиболее привычного способа работы и ознакомления с новыми законами.

В связи с особой практической значимостью продолжений собрания законов их составлением Второе отделение продолжило заниматься под руководством С.Н. Урусова. При нём отказались от идеи очищения свода Законов от излишней регламентации путём отделения законов от административных распоряжений.

В докладе на имя императора С.Н. Урусов указал на невозможность реализации данного проекта в силу его неразработанности не только в отечественной, но и в европейской юридической науке. Область разграничения закона от административного распоряжения, по его мнению, проходила по сферам полномочий различных органов власти.

Как полагал П.М. Майков, отказ С.Н. Урусова был в большей степени связан с тем, что решение задачи по разграничению закона и административного распоряжения требовало пересмотра свода Законов и составления его новых частей¹. Поэтому Второе отделение ограничилось изданием шести очередных продолжением и одного сводного продолжения свода Законов в 1876 г.

Несмотря на то, что очищение свода Законов от излишней регламентации путём отделения законов от административных распоряжений Государственного Совета было высочайше утверждено 2 декабря 1865 г. оно так и не было реализовано. Тем самым возможность качественной

¹ Майков П.М. Указ. соч. – С.523.

модернизации российской системы законодательства на принципе верховенства закона оказалась нереализованной.

Частично задача очищения решалась в ходе переиздания Свода Законов в 1857 г. При подготовке исключались отмененные законы и уставы, правила внутриведомственного делопроизводства, других административных распоряжений или инструкций.

Совершенствованию техники ведения кодификационных работ способствовала деятельность Второго отделения (особенно в лице М.М. Сперанского и М.А. Балутьянского) по развитию юридического образования и подготовки высококвалифицированных чиновников. Из числа обученных в Европе по инициативе указанных лиц молодых студентов двенадцать человек стали профессорами ведущих университетов страны¹. В 1835 г. по их почину было учреждено Училище правоведения, воспитанники которого немало способствовали развитию начал законности в министерствах и ведомствах².

С 1839 по 1864 г. главноуправляющими Вторым отделением были Д.В. Дашков, Д.Н. Блудов, М.А. Корф. С 1864 по 1867 г. – граф В.Н. Панин, с 1867 по 1882 г. – князь С.Н. Урусов. Наиболее значимыми достижениями в период их руководства стало новое издание Свода Законов в 1842 г.³. Он вырос почти до 60 тысяч статей, включал местные узаконения Малороссии и алфавитный список всех должностей в Российской империи. Затем продолжили практику составления продолжений к новому изданию Свода Законов. До нового переиздания Свода Законов было составлено 19 продолжений.

Большое количество приложений затрудняло применение Свода Законов на практике и вызвало его третье и последнее переиздание. Оно

¹ Баршев Я.И. Историческая записка о содействии Второго отделения Собственной его императорского величества канцелярии развитию юридических наук в России / Я. Баршев. – Санкт-Петербург: тип. 2 отд. Собств. Е.И.В. канцелярии, 1876. – С.9-11,19.

² Кодан С.В. Становление юридического образования в России (1800-1850 - е гг.) // Российский юридический журнал. 2001. № 3 (31). – С.98-108.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собр.2. Т.20. № 16584.

состоялось в 1857 г. Свод Законов увеличился до 90 тыс. статей, в том числе за счет включения в него новых уставов, учреждений и постановлений.

Пересмотру Свода Законов препятствовала устойчивая позиция Николая I о нецелесообразности перемен, несогласующихся с общим мнением «сведущих и благомыслящих людей», с господствующими идеями, чувствами и навыками и противных государственной пользе¹. Более существенные законодательные изменения требовали совершенствования институциональной системы России, ее масштабной перестройки и реформирования.

Взаимосвязь кодификационной и законодательной деятельности актуализировала выработку порядка взаимодействия Второго отделения и Государственного Совета. Этот вопрос неоднократно обсуждался на высочайшем уровне. Так, при обсуждении исправлений в Свод Законов формировался пакет поправок Департамента Министерства финансов и Второго отделения «дабы не делать двойной работы» при их рассмотрении в Государственном Совете². Фактически это сближение проявлялось в различных формах. К примеру, с 1839 по 1864 г. Д.Н. Блудов одновременно выполнял обязанности председателя департамента законов Государственного Совета и Главноуправляющего Второго отделения.

В 1867 г. князем С.Н. Урусовым был внесен проект на имя Императора, в котором предлагался вариант сближения работы Второго отделения и Государственного Совета. В проекте предусматривалось высвобождение Второго отделения от несвойственной кодификаторам деятельности. При учреждении Второго отделения его функционал был определен следующим образом: составление хронологического сборника всех по возможности узаконений, начиная с Соборного Уложения 1649 г.; приведение их в систематический порядок с исключением всего отмененного и недействующего; усовершенствование законов, то есть начертание на

¹ Майков П.М. Указ. соч. – С.334.

² РГИА. Ф.1251. Оп.1, часть 1. Д.119. – Л.21, 21 об.

основании данных, представляемых приведенным в порядок законодательством и указаний начал, выработанных исторической жизнью нашего отечества и утвержденных наукой права возможно полных и твердых законов в форме уложений¹.

Предложение ограничить функции кодификационного органа были обоснованным. Второе отделение по высочайшему повелению выполняло множество задач, включая рассмотрение частных судебных дел. Только Балугьянский за два года работы рассмотрел 70 дел. Ограничение функций кодификационной и консультационной деятельностью и некоторые институциональные преобразования Второго отделения могли ускорить кодификацию.

После принятия Свода Законов отдельным направлением деятельности Второго отделения стало разрешение вопросов и сомнений о применении его статей и их точном смысле. Если вначале большинство сообщений ограничивалось просьбой об объяснении текста законов и исправлении или истолковании их изложения, то впоследствии по мере приведения законов в стройную форму Свода Законов появилась потребность в единстве законодательства.

В связи с этим и планируемое развитие законодательства стало согласовываться со Вторым отделением. На предварительное его заключение проекты и другие законодательные вопросы отправляли Государственный Совет, начальники различных ведомств и министерств. Данная практика закрепилась в России. Функция прояснения смысла кодифицированного закона закрепилась за кодификационным органом вплоть до 1918 г.

Проведение реформ при Александре II привело к тому, что проект об ограничении функционала кодификационного органа остался без последствий. Кроме Второго отделения не было в России органа обладавшего

¹ РГИА. Фонд 1162. Государственной канцелярии отделения дел Государственного секретаря. Опись 1. Дело 8 О полном объединении кодификационной и законодательной частей в ведомстве Государственного Совета (5 марта 1893 – 31 декабря 1893 г.) – Л.122-125.

таким опытом кодификационной работы. Поэтому этот орган стал основным разработчиком всех проектов уставов, положений, учреждений, составивших юридическую основу реформ.

Примеров тому можно приводить много, но наиболее наглядно успехи отраслевой кодификации проявились в уголовном праве. Эта отрасль была выбрана как первоочередной предмет кодификации Николаем I. Он полагал, что система уголовных наказаний является основой российского правопорядка. Кодификаторами был составлен «Подробный план проекта Уголовного уложения Российской империи». Формально его автором был Главноуправляющий Д.Н. Блудов, который представил проект императору в декабре 1840 г. Однако фактически этот план представлял собой компиляцию, проекта Уголовного уложения 1813 г., материалов М.М. Сперанского, проекта Дегаля, а его систематической основой стал том XV Свода Законов¹.

Усилия Второго отделения по обобщению исторического нормативного материала о прежней системе преступлений и наказаний, его сравнению с лучшими образцами западноевропейского уголовного права, выявленные в ходе работы недостатки позволили выработать план работ по их устранению в новом проекте Уголовного уложения. Решено было определить существо каждого наказания, установить его большую или меньшую тягость по сравнению с другими наказаниями, выделить во всех наказаниях по несколько степеней для увеличения или уменьшения их по необходимости, разделить наказания на разряды, уравновесить наказания за преступления для лиц изъятых от телесных наказаний с теми, кто с ним приговаривался и др².

Весной 1844 г. готовый проект поступил в комиссию при Государственном Совете. В подробностях работа этой комиссии описана в ее журналах и в дневниках одного из членов комиссии – М.А. Корфа. Современные исследователи установили, что главные начала проекта

¹ РГИА. Ф.1261. Оп.1. 1841 г. Д.2 «А». – Л.1.

² Краткое обозрение хода работ и предположений по составлению нового кодекса законов о наказаниях. – С.97-100.

уложения комиссия не меняла¹. Замечания комиссии в основном касались вопросов наказания (о смертной казни, об орудиях телесных наказаний и др.). По их данным в проект было внесено около 800 поправок, из них половина существенных, остальные имели редакционный характер².

Принятие акта в законодательном порядке в России не вполне соответствовало требованиям к принятию закона в конституционном государстве. Основным законотворческим органом при императоре до 1906 г. был Государственный Совет. Вместе с тем ни в Манифесте об образовании Государственного Совета 1810 г., ни в Учреждениях Государственного Совета 1842 г. и 1886 г. нет указания на обязательность рассмотрения законов, уставов и учреждений в данном органе.

Более того, в учреждении 1842 г. определялся перечень законопроектов, принимаемых без рассмотрения Государственным Советом. На то, что позиция Государственного Совета носила для Императора рекомендательный характер указывает статистика, приведенная И.В. Мальцевой. Из 242 вопросов, по которым мнения членов Государственного Совета разделились Александр I, своим манифестом утвердивший законодательную формулу «вняв мнению Государственного Совета», прислушался к большинству лишь в 159 случаях. Несколько раз он утвердил позицию, высказанную одним членом Государственного Совета³. Николай I вообще исключил данную формулу из текста Учреждения Государственного Совета.

Необнародованные узаконения и Высочайшие повеления вносились в Полное собрание в исключительном случае, в силу их особой важности, каждый раз по представлению Главноуправляющего Кодификационным отделом и с разрешения Императора.

¹ Кодан С.В. К истории кодификации уголовного законодательства дореформенной России // Историко-юридические исследования правовых институтов и государственных учреждений СССР. Свердловск, 1986. – С.111-113.

² Ружицкая И.В. Указ. соч. – С.349-357

³ Мальцева И.В. Учреждение Государственного Совета 1842 года // Правоведение. 1995. № 2. – С.102-108.

Подготовленные Вторым отделением материалы по этим вопросам обсуждались в Государственном Совете, в министерствах и ведомствах, что способствовало развитию юридической науки, повышению уровня юридической техники нормотворчества и юридической грамотности чиновников. Все это позволило во второй половине XIX в. перейти от кодификации-компиляции к кодификации-реформе и осуществить отраслевые кодификации в сфере судостроительства, судопроизводства, военного права и других областях.

Однако на этом пути возникли объективные препятствия. Абсолютная и неограниченная власть Российского Императора затрудняла разграничение закона с иными узаконениями и установление чёткого законодательного порядка принятия законов. Размытость понятия «закон» исключала определение кодифицированного акта. Их можно было отличить только по форме. В основном кодифицированные акты принимались в форме уставов, уложений, учреждений, положений и правил.

Проведенное исследование позволяет прийти к выводу о том, что в условиях абсолютной монархии не только состав кодифицирующего органа, но и содержание, и результативность официальной кодификации зависела от политической воли и взглядов, заинтересованности и решительности Императора. Эмпирический подход к кодификации приводил к импульсивности решений императоров, что в конечном счете препятствовало делу кодификации. В короткое правление Павла I сменилось пять руководителей комиссий по составлению законов. При Александре I трижды менялись подведомственность комиссии, четырежды ее руководители, план и порядок работы.

В XIX в. наиболее значительными оказались кодификации, проведенные при Николае I и Александре II, комиссиями, находившимися под личным контролем Императора и при его непосредственном участии в работе. Еженедельные доклады, которые они принимали от главноуправляющих Вторым отделением, позволяли оперативно разрешать спорные вопросы,

получать высочайшие указания и тем самым ускорять кодификацию. Только Александр III устранился от личного участия в этой работе, передав вопросы кодификации в ведение Государственного Совета.

Император предопределял ход кодификационных работ и выбором главноуправляющего или директора кодификационного органа. Как показал опыт XIX в. масштаб личности руководителя кодификационных работ влиял на порядок, содержание, качество и в конечном счете результативность кодификации. Успех кодификации XIX в. невозможно представить без М.М. Сперанского, М.А. Балугьянского, М.А. Корфа, С.Н. Урусова и др. Их личный вклад в дело кодификации состоял в непосредственном участии в работе над Сводом законов и составлением проектов кодифицированных актов, высоком профессионализме, наставничестве, смелости, самостоятельности, осознании высокой степени социальной значимости и готовности взять ответственность за возложенное на них дело.

Постоянная работа кодификационного органа на протяжении XIX в. дала блестящие результаты для развития юриспруденции в России. Структурирование и упорядочение исторических и действующих российских законов привели к появлению системы российского законодательства, основу которой составил Свод законов. Он продемонстрировал недостатки и пробелы действующего законодательства и пути его совершенствования.

Работа над собранием и Сводом Законом потребовала высококвалифицированных юридических кадров, знающих теорию юриспруденции, национальное законодательство и практику его применения. Благодаря их качественному отбору, теоретической и практической подготовке Россия получила выдающихся законоведов, профессоров, разработавших основания национального права, опытных кодификаторов, а также юридически подготовленных чиновников, способных кодифицировать, толковать, редактировать нормативный материал, давать практические

рекомендации по использованию законов и разрабатывать средства их применения в жизни¹.

Немаловажно и то, что в обсуждении проектов кодифицированных актов впервые в истории Российского государства приняли участие представители общественности. Публикация проектов вызвала общественный интерес и в комиссию стали поступать замечания на них².

Деятельность комиссий по составлению законов и Второго отделения в XIX в. позволила накопить бесценный опыт кодификации. В ходе кодификации было апробировано три варианта работы кодификационных органов: комиссия законов в ведении Министерства юстиции, комиссия законов при Государственном совете (законодательном органе), отделение канцелярии СЕИВК, то есть орган в ведении Императора. Оценка результативности их работы показала наибольшую эффективность третьего варианта – самостоятельного кодификационного органа, подчиненного лично императору.

Второе отделение обобщило практический опыт по проведению кодификации, основанный на историческом опыте прежних кодификационных комиссий и лучших иностранных образцах. Оно наладило взаимодействие с министерствами. При подготовке Свода Законов и проектов новых уложений задачей министерств стало систематическое обобщение практического опыта по применению законодательства и участие в обсуждении и разработке проектов.

В условиях двухуровневого (общеимперского и местного) проведения кодификационных работ Второе отделение обеспечивало единство правового пространства Российской империи. Над проектами наиболее значимых кодексов Второе отделение работало совместно с местными

¹ РГИА. Фонд 1251. Оп.1, часть 1. Д.169. Записка действительного статского советника Василия Брилевича «Соображение о средствах применения Свода к решению дел». 14 ноября 1834 г. – 1834. – Л.2-4 об.

² РГИА. Фонд 1251. Оп.1, часть 1 Д.76 в. Замечания поручика Л.-Гв. Измайловского полка Кутузова на проекты Уголовного уложения: 1826. – 23 л.

кодификационными комиссиями. Наиболее плодотворным в этом отношении оказался опыт составления проекта Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Для обеспечения систематической связи и согласия уголовного права всей империи были соединены работы Второго отделения и кодификационной комиссии Царства Польского¹.

Состав, наименование и число чинов Второго отделения также менялись. Так, в 1852 г. особому чиновнику поручалось собирать все вновь выходящие узаконения. Ему следовало приводить их в порядок и подготавливать к изданию. Лицо, исполнявшее эти обязанности, именовалось «редактором полного собрания законов». Постепенно в структуре II Отделения появлялись новые подразделения. С 1827 г. для наблюдения за финансами и целостностью денежной казны был открыт экономический комитет. В 1849 г. его преобразовали в хозяйственный комитет.

Особое внимание руководители Второго отделения уделяли библиотеке. Она постоянно пополнялась и стала одним из лучших книгохранилищ юридической литературы. Для наблюдения за своевременным пополнением библиотеки и обеспечения ее сохранности в 1843 г. был выделен специальный чин. В Отделении был устроен и особый архив, состоявший из двух отделов. Один отдел собирал старые законодательные дела, производившиеся до учреждения Второго отделения. Другое – занималось делами Второго отделения. Архивом занимался сначала архивариус, а с 1881 г. им заведовал управляющий письмоводством. В 1859 г. для отделения был приобретен дом, за содержание которого отвечал экзекутор.

Накопленный опыт демонстрирует сложность и своеобразие кодификационного порядка изменения законодательства, в том числе и техники кодификации. Она имела комплексный характер и включала формирование цели (установление систематической связи и единства законов

¹ Краткое обозрение хода работ и предположений по составлению нового кодекса законов о наказаниях. – Санкт-Петербург: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1846. – С.47,48.

в виде уложения), задач, теоретических оснований и методов кодификации, подбор состава кодификаторов и организационной формы их деятельности, разработку порядка и правил работы, взаимодействия и консультаций с заинтересованными в проведении кодификации органами власти и иными организациями, определение структуры и формы кодификационных актов.

2.2 Влияние Великих реформ Александра II на развитие техники кодификации отраслей российского права

Великие реформы второй половины XIX в. относятся к числу излюбленных российской наукой тем. Однако наличие сотен серьезных работ, в том числе затрагивающих историко-правовую проблематику, не позволяет считать эту тему изученной и утратившей актуальность. Оснований для такого утверждения немало. Для российского общества Великие реформы второй половины XIX в. служат образцом результативных широкомасштабных институциональных преобразований. Их проведение стало необходимым условием культурного, образовательного, экономического, демографического роста России.

Результативность Великих реформ обусловлена их нацеленностью на формирование современных политических и гражданских институтов, научным подходом к выбору целей, разработчиков, задач, средств их осуществления, наличием решительной политической воли и готовностью власти к последовательному и поэтапному проведению работ, разумное использование иностранного опыта, изучение и учёт достижений национальных реформаторов. Всё это способствовало успеху и непреходящей исторической значимости Великих реформ.

Проведенный в историко-правовой науке анализ истории реформ даёт понимание, что сравнимые с Великими реформами преобразования в России единичны¹. Вместе с тем акцент на успехах способствует снятию социальных

¹ Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. – М., 1999. – 575 с. – С.43-44; Власть и реформы: От самодержавной к

страхов перед реформами и психологических барьеров, связанных с институциональной модернизацией государства.

Отмечая высокую степень интереса и изученности в научной юридической литературе Великих реформ вместе с тем выделим два, как представляется весьма серьёзных пробела. Нельзя не отметить односторонний подход к оценке реформ, нередко в ущерб научной объективности. Исследователи зачастую упускают телеологический ракурс, а именно соответствие целей реформ ценностям буржуазного общества, принципу разумности и законности, интересам общественного развития, последовательности осуществления выработанного плана преобразований, продуманности выбора средств, достижение поставленных задач¹.

Второй пробел состоит в том, что реформы исследуются как некие самостоятельные изменения, в отрыве от исторического процесса преобразований им предшествовавшего. Этот пробел не позволяет поставить точку в вопросе о преемственности разрабатывавшихся с конца 20-х г. XIX в. проектов преобразования различных сфер общественной жизни, например связь законопроектов о судоустройстве и судопроизводстве с Судебными Уставами от 20 ноября 1864 г. Многие современные исследователи склоняются к позиции об отсутствии такой преемственности². Как полагает М.В. Немытина, «применительно к реформе 1864 г. нельзя говорить о «трансформации отечественной правовой традиции»³.

В этом параграфе предпринята попытка вернуться к более глубокому переосмыслению позиции советских юристов, видевших истоки судебных

советской России / [В.М. Панеях, Е.В. Анисимов, А.Н. Цамутали и др.; Редкол.: Б.В. Ананьич (отв. ред.) и др.] – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – С.550-560.

¹ Шатковская Т.В., Ларина О.Г. Метод исторической критики в современных юридических исследованиях // Философия права. 2019. № 3 (90). – С.15-18.

² Уортман Р. С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России: развитие правового сознания в императорской России. – Москва: Новое лит. обозрение, 2004. – С.460-465.

³ Немытина М.В. Суд в России вторая половина XIX – начало XX вв.: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.01. – Москва, 1999. – С.79.

уставов в проектах М.М. Сперанского, М.А. Балугьянского и др.¹. К примеру, М.Г. Коротких верно подметил тот факт, что принципы и институты Судебной реформы 1864 г. стали «результатом победы либерального направления в правительственных сферах»². Аргументы в защиту этой позиции обнаружились в ходе изучения кодификационной деятельности в России в XIX в.

Так, анализ кодификационной деятельности Второго отделения не подтверждает устоявшуюся позицию о том, что реформа суда и судопроизводства стала прямым следствием Крестьянской реформы 1861 г.³. Одним из приоритетных направлений кодификации еще при Александре I было преобразование и упорядочение работы суда и судопроизводства. Первый Устав уголовного судопроизводства был подготовлен и обсужден еще в 1818 г. Он не стал законом, но определил дальнейшее развитие кодификации судопроизводства⁴.

Считаем, что кодификация стала одним из драйверов Великих реформ. Решение любой институциональной и законодательной проблемы, выявленной в ходе кодификации упиралось в решение крестьянского вопроса. Во Втором отделении составлялись и обсуждались различные концепции освобождения крестьян. Сперанский в 1830 году предложил проект, основанный на идеях личного освобождения крестьян от власти помещика, договорного пользования крестьянами земельным наделом за отрабатываемые повинности, апробации дела освобождения на казенных крестьянах, а затем с

¹ Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1969. – С.112,113.

² Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России / М.Г. Коротких. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – С.4.

³ Кузьмин-Караваев В.Д. Земство и деревня. 1898-1903. Статьи, рефераты, доклады и речи. СПб., 1904. – С.327.

⁴ Горожанкина Д.В. Историко-правовой анализ систематизации уголовно-процессуального законодательства Российской империи первой половины XIX века: диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. Екатеринбург, 2007. – С.12,47.

учетом этого опыта отпуска на волю частновладельческих крестьян¹. Проект рассматривался в Государственном Совете и получил одобрение большинства его членов.

Как справедливо отметила И.В. Ружицкая, проведение кодификации не только способствовало созданию законодательства как нормативной почвы для преобразований, но и психологически подготавливало общество к будущим реформам. Каждый рассматриваемый законопроект и принятый закон, особенно затрагивавший положение крестьян, обсуждался как в образованном обществе, так и в форме слухов доходил до низов, вызывая различные толки и формируя общественное мнение².

К сходному выводу приходит И.В. Архипов, исследовавший процессы систематизации уголовного законодательства России в 30-70-е годы XIX в.³. Он полагает, что Свод Законов подготовил не только Великие реформы 60-70-х годов, но и преобразования начала XX в. По мнению С.В. Кодана систематизация законодательства в Своде Законов сама по себе стала правовой реформой, обеспечившей органы государства надежной нормативной основой⁴.

Деятельность Второго отделения во многом предопределила ход и содержание Великих буржуазных реформ. Как упоминалось ранее М.М. Сперанский изначально рассматривал Свод Законов как предварительный этап на пути к составлению уложений. От идеи единого уложения российские кодификаторы отказались во второй четверти XIX в., что следует из планов кодификационных работ. В период работы над Сводом

¹ Сперанский М.М. План государственного преобразования графа М.М. Сперанского., Москва: издание «Русской мысли», 1905. – С.309-325.

² Ружицкая И.В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I: диссертация ... доктора исторических наук. 07.00.02. – Москва, 2011. – С.12.

³ Архипов И.В. Систематизация уголовного законодательства России в 30-70-е годы XIX века / И.В. Архипов; Под ред. Ю.М. Поникидина. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1997. – С.5.

⁴ Кодан С.В. Систематизация законодательства в юридической политике Российского государства 30-40-х годов XIX в. // История отечественного государства и права: методология изучения и методика преподавания. Екатеринбург, 2001. – С.196.

Законов особые редакции и комиссии Второго отделения начали заниматься отраслевыми кодификациями.

Основной формой таких актов как результатов кодификации во второй половине XIX в. считалось уложение. Уложением М.М. Сперанский называл «систематическое изложение законов по их предметам, так устроенное, чтобы 1) законы общие предшествовали частным, и предыдущие всегда приуготовляли точный смысл и разумение последующих; 2) чтобы все законы, по своду недостающие, дополнены были в уложении и обнимали сколь можно более случаев, не нисходя однако к весьма редким и чрезвычайным подробностям»¹.

По М.М. Сперанскому уложение должно было включать три разновидности статей: в основном из действующих юридических норм, норм их дополняющих и составляющих перемену в законе². Тем самым отрабатывалась стратегия сохранения законодательства. В уложении его следовало дополнить, дав «каждому предмету надлежащую полноту и пространство».

Сотрудники Второго отделения начали разрабатывать проекты кодифицированных актов в ходе составления Свода Законов. Такие проекты как правило поручались отдельным лицам. Возможно такой порядок сложился под влиянием взглядов М.М. Сперанского, считавшего, что свод законов могут составлять несколько лиц, между которыми исходя из структуры свода можно перераспределить нормативный материал. Проект уложения или устава должен, по его мнению, состояться одним лицом, состоящим в связи с комиссией и производящим «работу под непосредственным надзором законодателя»³. Сперанский объяснял это тем, что уложение должно быть написано единообразно (в едином стиле и одним языком).

¹ Сперанский М.М. Краткое историческое обозрение комиссии составления законов. – С.435.

² Там же. – С.439.

³ Там же. – С.440.

Особую роль в разработке проектов кодифицированных актов во Втором отделении сыграл М.А. Балугьянский. Он в отличие от Сперанского имел высшее юридическое европейское образование, учёную степень, богатый опыт преподавательской деятельности. Он постоянно следил за успехами законоведения в Европе и общался с западноевропейскими коллегами. С 1819 по 1821 гг. был ректором Санкт-Петербургского университета. Делом кодификации М.А. Балугьянский занимался с 1822 по 1846 г. вплоть до своей кончины.

Интерес вызывает составленный М.А. Балугьянским проект «О судебном устройстве», в котором он предлагал самостоятельность суда и независимость судей. Проект рассматривался в секретном комитете и получил одобрение¹. Однако сформулированные в нём принципы, так и остались нереализованными в законодательстве того времени.

В начале XIX в. в Российской империи действовали судебные институты, созданные еще во времена Губернской реформы Екатерины II. В рамках этой реформы предпринималась попытка отделить суд от администрации. Однако в условиях крепостничества, сословной стратификации общества, отсутствия разграничения властных полномочий государственных органов и правовых свобод у подданных, несовершенства судебных институтов воплотить этот принцип не удавалось.

Характерно, что даже дворяне негодовали при упоминании судебных институтов, возмущаясь бюрократизмом, непрофессионализмом и коррумпированностью судов. Описание непорядков в дореформенном суде дано в многочисленных исследованиях, посвященных истории российского суда и судебной реформе². Поэтому выделим главные из них.

Судебный процесс носил инквизиционный (следственный) характер. Следствие велось полицией без определенных процессуальных сроков

¹ Коркунов Н.М. М.А. Балугьянский: Проект судебного устройства 1828 года / Н.М. Коркунов. – Санкт-Петербург: тип. Правительств. сената, 1895. – 8 с.

² Колмаков Н.М. Старый суд // Русская старина. 1886. № 12. – С.511-544.

канцелярским порядком, результаты которого становились основанием для разбирательства в закрытом процессе. Система доказательств отсутствовала. Приговоры, выносились судом на основании формальных доказательства, без прений сторон и участия адвокатов¹.

Гражданский процесс имел «общий, четыре главных, шестнадцать особенных порядков». Обжалование решений в высшие инстанции осуществлялось в ревизионном порядке. Последние руководствовались аналогичными бюрократическими основаниями. Многие судьи не только не имели юридического образования, но и не могли читать и писать, и получали нищенское жалование. Всё это в совокупности с возможностью губернатора вмешиваться в судебные дела, останавливать их и возвращать для пересмотра демонстрировало невозможность усовершенствования суда без перехода на твердые основания закона.

Стремление построить буржуазно-демократический гражданский строй в России со всей очевидностью требовало создания системы правосудия, основанной на достижениях юридической науки и практическом опыте цивилизованных стран. Таковой для Российской империи являлась прежде всего континентальная Европа, идеологические и правокультурные ценности которой прочно овладели умами образованной части российского общества.

Судопроизводство и судоустройство было предметом особых забот всех составов кодификационных комиссий. Проекты преобразования суда представляли Императору М.М. Сперанский и М.А. Балугьянский. Особое значение имели в деле организации суда в России проекты, записки, заметки М.М. Сперанского². Он был последовательным проводником принципа законности и его воплощения в организации власти.

¹ Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией: Ч. 1-й. – 2-е изд., доп. – Санкт-Петербург, Устав уголовного судопроизводства. – 1867. – С.VIII.

² Сперанский М.М. Записка об устройстве правительственных и судебных учреждений // Сперанский М.М. Юридические произведения. М.: Зерцало, 2008. – С.349, 350.

Организация суда в проектах М.М. Сперанского последовательно эволюционировала от предоставления самостоятельности органам судебной власти во главе с Сенатом до частичных усовершенствований институтов судебной системы с целью продления с их помощью сложившихся самодержавных порядков¹. Однако главное оставалось неизменным, а именно устройство суда на четких правовых основаниях и повышение его социальной значимости. Испытав на себе последствия непостоянства монарших милостей М.М. Сперанский как и другие опальные сановники видел единственную возможность очистить свое доброе имя только в судебном процессе, основанном на законе².

Очередность разработки уложений определялась Императором. Сперанскому Николай I поручил в первую очередь заняться проектом Уголовного уложения³. Сперанский разработал структуру Уголовного уложения. Им были собраны обширные подготовительные материалы⁴, впоследствии использованные Д.Н. Блудовым при составлении проекта Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Он сформировал план работ, включавший сбор, приведение в порядок и сверку с источниками всех узаконений о преступлениях и наказаниях из Полного собрания законов. Затем предполагалось составить историческое обозрение российских уголовных законов с древних времен до Свода Законов.

В ходе подготовки проекта были извлечены, собраны и обобщены замечания на постановления XV тома Свода Законов, высказанные уголовными судами Империи. Кроме того изучались отчёты Министерства юстиции об открытых и преследуемых правосудием противозаконных деяниях, практические замечания различных присутственных мест и

¹ Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. – СПб., 2000. – С.400.

² Шатковская Т.В. Техника кодификации М.М. Сперанского: реформа или компиляция? // Журнал российского права. 2022. Т.26. № 5. – С.19-30.

³ РГИА. Ф.1251. Оп.1, часть 1. Д.131. План Уголовного уложения. – 1829. л.9-22.

⁴ РГИА. Ф.1251. Оп.1, часть 1. Д.131. Бумаги Сперанского по Уголовному Уложению и записка о них, составленная в Министерстве юстиции: 1829-1839, 1844 гг. – 1829-1844. – 147 л.

должностных лиц¹. При подготовке использовались материалы двадцати уголовных кодексов европейских государств для проверки полноты разрабатываемого проекта.

Император Николай I настаивал на том, чтобы уложение было выстроено на традиционных уголовных правовых началах, а не абстрактных и умозрительных построениях науки. Кодификаторам следовало собрать, свести и усовершенствовать российские уголовные законы, проверенные временем и жизнью. Анализ материалов комиссии показывает, что данная цель была реализована. Три этапа подготовки Уголовного уложения, выделенные И.В. Ружицкой, показывают возобладание традиционного подхода к его составлению². В итоге акцент на соответствии уголовным правовым представлениям народа, о чём так ратовал Император, в уложении привело к его юридико-техническому несовершенству. Оно было громоздким, казуистическим и во многом устаревшим.

Однако формулировка М.М. Сперанским теоретических начал Уложения, базировавшихся на буржуазных принципах, предварительное систематическое изменение уголовных законов в Своде Законов позволили Второму отделению исправить некоторые серьезные недостатки. Для этого М.М. Сперанским были разработаны приемы исправления, выявленных недостатков: отдельные и систематические исправления. Отдельные исправления представляли собой постепенное изменение нескольких дефектных статей.

Систематическое исправление достигалось обзорением всех статей и гражданского, и уголовного законодательства, составлением общих начал для исправления и усовершенствования, а затем его осуществлением общим положением. В ходе работ второй способ исправления был признан М.М. Сперанским и Д.В. Дашковым, занимавшим должности Министра

¹ РГИА. Ф.1251. Оп.1, часть 1. Д.198. Оглавление «Свода практических замечаний на уголовные законы обер-прокуроров, председателей палат и т.д.». 1840-1841 гг. – 524 л.

² Ружицкая И.В. Указ. соч. – С.332.

Юстиции, а с 1839 г. Главноуправляющего Вторым отделением, наиболее правильным, так как отдельные исправления влекли значительные неудобства для правопорядка¹.

Министерство выполняло практическую работу по сверке готового проекта. В то время как Второе отделение провело предварительные работы по сравнительному обозрению иностранных уголовных кодексов, выявлению и обобщению недостатков действующих законов, в том числе и замеченных на практике. К обозрению иностранного законодательства привлекались и сенатские чиновники. Затем были разработаны общие начала Уложения. Как полагает И.В. Архипов, эти начала были сформулированы еще в ходе подготовки проекта Уголовного Уложения 1813 г.²

Под руководством П.И. Дегай комиссия Второго отделения продолжила работу над Уложением с изложения основных принципов уголовного кодекса. В соответствии с этими принципами планировалось привести законы второй части т.XV Свода Законов. В проекте, составленном комиссией под руководством П.И. Дегай основные положения программы кодификации М.М. Сперанского, изложенного им в записке «О законах наказательных вообще», сочеталась с рядом новаций. Комиссия отказалась от идеи двух уголовных кодексов, реализовала идею ступенчатой лестницы наказаний³. Проект не был реализован вследствие разногласий между П.И. Дегай и новым Главноуправляющим Вторым отделением Д.Н. Блудовым.

К составлению очередного проекта приступили в 1840 г. Состав комиссии был весьма авторитетным и помимо чинов Второго отделения включал сотрудников Министерства Юстиции, двух обер-прокуроров Правительствующего Сената, членов Кодификационной комиссии Царства Польского.

¹ Краткое обозрение хода работ и предположений по составлению нового кодекса законов о наказаниях. – С.45,46.

² Архипов И.В. Систематизация уголовного законодательства в России в 30-70-е годы XIX века. Саратов, 1997. – С.67.

³ Ружицкая И.В. Указ. соч. – С.335-339.

Работа комиссии основывалась на плане нового проекта, порядке начертания проекта нового Уложения о наказаниях и порядке рассмотрения этих проектов. Составление проекта начали с определения общих, нравственных начал постановлений Уголовного Уложения. В форме синоптической таблицы было составлено подробное описание преступлений, разделенных по родам, с полагающимися за них наказаниями. Включаемые в Уложение постановления проверялись на предмет практической важности и удобства. Для этого их не только сверяли с первоисточником, но и вникали в обстоятельства, ставшие поводом к их принятию, и обращались к ведомствам, наблюдавшим за их исполнением, в том числе к уголовным судам Империи¹.

Широкое использование исторического метода при подготовке проекта способствовало появлению исторического обзора российских уголовных законов. В нём дана периодизация развития уголовного законодательства (до формирования Московского княжества, допетровский период и уголовное законодательство Российской империи). О практикоориентированности этого обзора свидетельствуют включенные в него сравнительные таблицы постановлений о наказаниях разных эпох с краткими результатами и правительственными предположениями. Из отчетов Министерства Юстиции за 1834-1840 гг. был составлен обзор основных показателей уголовной статистики.

К проекту прилагались подробные основания и причины включения узаконений в кодекс. Статьи, основанные на существующих законах и обычаях, сопровождались точным указанием закона. Новые постановления сопровождали объяснением их необходимости и пользы². Для сравнения норм проекта с уголовными кодексами пятнадцати европейских государств были составлены соответствующие сравнительные таблицы.

Масштаб и основательных кодификационных работ доказывает их преемственность и последовательное совершенствование техники

¹ Краткое обозрение хода работ и предположений. – С.55,57.

² Там же. – С.49,50,52.

кодификации с 1812 г. В основу этих работ была положена программа кодификации М.М. Сперанского, разработанная для Свода Законов. В 1845 г. труды по составлению проекта Уложения о наказаниях уголовных и исправительных были завершены. Он рассматривался в различных комитетах, комиссиях, в Общем собрании Государственного Совета и с небольшими замечаниями был одобрен.

В 1847 г. аналогичные уголовные законы были приняты для Польши. Однако даже лишенное существенных новаций Уложение о наказаниях уголовных и исправительных не могло исполняться в полном объеме в силу несовершенства институциональной системы России прежде всего тюремной системы. Вследствие этого пришлось принимать временные правила в дополнение и изменение положений Уложения для устранения накопления арестантов в местах заключения до устройства достаточного количества тюрем и исправительных заведений¹.

В 1839 г. был принят и обнародован Свод военных постановлений², проект которого был разработан с участием Второго Отделения. Для сравнения стоит сказать, что в отличие от Свода военных постановлений Свод морских постановлений был принят только в 1888 г. Одна из причин столь длительной подготовки П.М. Майкову виделась в не привлечении к этой работе сотрудников Второго Отделения³.

Устранение несовершенств судопроизводства упиралось в отсутствие надлежащей судебной системы, несамостоятельность судов, а также выполнение полицией ряда судебных функций. Однако многолетняя работа над проектами уложений о судоустройстве и судопроизводстве активизировала поиск и осмысление лучших практик организации суда и процесса и позволила создать нормативную основу Судебных Уставов 1864 г.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр.2. Т.28. № 27722.

² Полное собрание законов Российской империи. Собр.2. Т.14. № 12648.

³ Майков П.М. Указ. соч. – С.237.

С 1845 г. во Втором отделении начали подготовку уставов гражданского и уголовного судопроизводства. Многочисленные недостатки судопроизводства были отнесены Д.Н. Блудовым к двум основным разрядам: неполнота, неясность и разноречивость процессуальных правил, а также отсутствие правовых начал, бессистемность и формальный подход к оценке доказательств, порождавшие медлительность, запутанность производства и многочисленные злоупотребления.

По мнению Д.Н. Блудова изменения порядка судопроизводства невозможно было достигнуть полумерами, необходимо было полностью менять организацию судебных мест на принципах западноевропейского правосудия. Он писал, что «возвышение значения и достоинства суда и самого положения судей, поведет, к привлечению на судебские должности людей достойных и образованных, которые ныне всячески уклоняются от тягостных и часто неблагодарных трудов на поприще судебном»¹. В 1852 г. была завершена работа над проектом Устава судопроизводства по преступлениям и проступкам в Империи, ставшим основой Устава уголовного судопроизводства 1864 г.².

Нежелание Николая I проводить кардинальную судебную реформу привело к тому, что в период его царствования были предприняты только частичные, но вместе с тем важные преобразования. Прежде всего удалось получить Высочайшее одобрение на разграничение судебной и полицейской власти. Для рассмотрения дел о маловажных преступлениях и проступках, которые ведались общей полицией, Второе отделение предложило создание особых малых местных судов.

Кодификация велась в двух направлениях: ведение подготовительных работ для общего пересмотра законодательства и ревизия законов в Своде с исправлением не только отдельных статей, но и целых отделений и глав, а

¹ Цит. по: Майков П.М. Второе отделение. – С.341.

² Горожанкина Д.В. Указ. соч. – С.14,15.

также составление проектов новых уложений. В частности, такой порядок использовался для совершенствования гражданского права.

Государственный Совет поручал Второму отделению разработку отдельных гражданских законопроектов. Из числа таковых удостоились высочайшего утверждения законопроекты об отдаче на сохранение движимых имуществ; об описи, оценке и публичной продаже имуществ недвижимых; о противозаконной передаче имений между супругами; о порядке учреждения заповедных имений; о земской давности; о вознаграждении за неправильное пользование чужой собственностью и др¹.

Исправление отдельных частей, по мнению Д.Н. Блудова, оказывалось возможным вследствие специфики предмета гражданского права. Гражданский кодекс должен был соответствовать общим системным требованиям единства цели и понятий. Однако система гражданского права составлена из предметов многочисленных и разнообразных, каждый из которых включает в себе своеобразное целое. Кроме того, исправление гражданского права по частям отражало потребности общества. Этим предмет гражданского права отличался от уголовного права.

При разработке отраслевых уложений во Втором отделении исходили из того, что уголовные кодексы разных стран имели черты сходства по цели и назначению. Поэтому для определения системы преступлений достаточно логики и здравого смысла. В то же время при составлении гражданского кодекса следует учитывать не только общественные потребности, порядок управления, но и «нравы и степень образования всего гражданского общества или разных частей его, укоренившиеся от времени, привычки, даже и предрассудки»².

Для их изучения подготавливались исторические обзоры по отдельным предметам гражданского права и составлялись систематические собрания важных судебных решений. Исторические обзоры

¹ Майков П.М. Второе отделение. – С.348.

² Там же. – С.350.

способствовали критическому пересмотру положений Свода Законов. Обзоры судебных решений показывали практические недоработки и затруднения Свода, а также содержали разъяснения узаконений Свода на практике.

Помимо этого Д.Н. Блудов считал важным определить новые потребности общества и дать им направление в соответствии «с высшими государственными видами». Только отмена крепостничества влекла неисчислимы последствия в плане расширения правового разнообразия. Даже российское крестьянство не было однородным. Правовое положение и быт частновладельческих¹, удельных² и государственных³ крестьян имели существенные отличия.

Поэтому для успеха кодификации собрали разнообразный материал, в том числе местные узаконения. Этот нормативный материал оказался крайне разнородным, значительная его часть имела чужеродное происхождение. Однако многие местные узаконения имели важное преимущество по сравнению с отечественными законами в отношении стройности их формы, полноте изложения юридических правил и удобства их применения на практике⁴. Их рассматривали как юридическое пособие для усовершенствования российских кодексов.

Так, при разработке проекта Гражданского Уложения преследовали цель не удаляясь от укоренившихся в России понятий о праве сблизить главные постановления общеимперских законов с местными узаконениями. Для реализации поставленной цели использовались следующие правила,

¹ Блаткова В.В. Правовое положение частновладельческих крестьян России, вторая половина XVIII – первая половина XIX веков: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01. – Санкт-Петербург, 1996. – 231 с.

² Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.): историко-правовое исследование. – Санкт-Петербург: БАН, 2006. – 282 с.

³ Ачмизов А.А. Государственные крестьяне в России: трансформация правового статуса, управления и сословного самоуправления: XVIII – XIX вв.: историко-правовое исследование: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01. – Ростов-на-Дону, 2015. – 186 с.

⁴ Майков П.М. Второе отделение. – С.351, 352.

Высочайше одобренные по докладу Д.Н. Блудова Императором Александром II:

- при разработке новых положений иметь в виду главные начала, закрепленные в действующих гражданских законах, или вытекающие из общего духа законодательства;

- отступать от основных начал дозволялось только в случае обнаружения на практике их несоответствия общим понятиям о праве или новым потребностям и отношениям в гражданском обществе, доказывающим необходимость коренных перемен;

- в случае необходимости отступления от принятых в общеимперском законодательстве начал или при восполнении пробелов в нем заимствовать новые положения в местных законах, которые по духу близки российским законам или по своему качеству заслуживают предпочтения;

- использовать новые положения в законах только в крайнем случае: при обнаружении реального пробела в общеимперском и местном законодательстве или обнаружении их явной недостаточности и несостоятельности для решения насущных проблем общества;

- всесторонне исследовать предмет гражданского права, для того чтобы ни один из вопросов, возникающих на практике или урегулированных в местных или иностранных законах, не был упущен из виду¹.

Второе отделение стало координирующим органом на этапе подготовки проектов законодательных актов Великих буржуазных реформ. В нём непосредственно разрабатывались проекты актов Крестьянской, Судебной, Земской реформ, а также обсуждались другие проекты преобразований особой государственной значимости. В частности, комитет при Втором отделении, подготавливавший проект Воинского устава о наказаниях, рассмотрел и собрал мнения, отзывы и заключения министров и главноуправляющих по

¹ Майков П.М. Второе отделение. – С.352, 353.

вопросу отмены телесных наказаний в России¹.

После упорядочения действовавших в России норм о судостроительстве и судопроизводстве в Своде Законов стало очевидно, что улучшить порядки в суде без институционального изменения всей судебной системы на новых правовых началах буржуазно-демократического правосудия невозможно. Наиболее настойчиво эту позицию отстаивал Д.Н. Блудов, которому в 1848 г. высочайше было поручено в кратчайшие сроки разработать проекты уставов судопроизводства и судостроительства².

Вовлеченность Николая I, а после его смерти Александра II в дело кодификации (прямое подчинение Второго отделения Императору, еженедельные личные доклады Главноуправляющего Второго отделения Императору, Высочайшее участие в разработке концепций кодификационных актов, разрешение Императором спорных вопросов между ведомствами по поводу кодификации) объяснялось тем, что неудобства и недостатки судебной сферы вызвали большой общественный резонанс.

Первоначально Николай I, в рамках избранной им консервативной стратегии, распорядился ограничиться точечными преобразованиями наиболее проблемных судебных институтов. По поручению Николая I Д.Н. Блудов подготовил доклад о причинах неустройства судопроизводства. Император в присутствии Великого Князя Константина Николаевича его внимательно выслушал 26 и 27 января 1849 г. и возложил на Второе Отделение совместно с Министерством Юстиции труд по исправлению гражданского и уголовного судопроизводства³.

В ходе подготовительной работы кодификаторы пришли к выводу о возможности разработки более простого и удобного порядка рассмотрения дел в суде, не дожидаясь появления гражданского и гражданско-процессуального

¹ Окончательное заключение Комитета для рассмотрения проекта Воинского устава о наказаниях, по вопросу об отмене телесных наказаний. Санкт-Петербург, 186-? – 46 с.

² Фукс В.Я. Суд и полиция: в двух частях / Виктора Фукса. – Москва: Унив. тип., 1889. – С.35-40.

³ Фукс В.Я. Указ. соч. – С.34-36.

кодекса. Сбор сведений о наиболее существенных замечаниях о порядке гражданского судопроизводства был поручен Министерству юстиции.

В основание проекта была положена идея перехода от следственного к состязательному процессу. Преимущество которого, по мнению кодификаторов, состояло в том, что представление всех обстоятельств дела и подкрепление их доказательствами возлагалось на тяжущихся. Суд освобождался от поиска доказательств. В законе предполагалось определить систему доказательств, правила об исковых прошениях, порядок и сроки их предоставления, в том числе представление возражений и опровержений истца и ответчика. Суд получал право надзора за теми действиями, от которых зависело удовлетворительное решение дела, и признание дела достаточно подготовленным для доклада в суде.

Исследование предварительных материалов дало Второму отделению основательные аргументы по вопросу о необходимости устранения канцелярий судебных мест от производства дел. Докладные записки для суда, составляемые ими прежде, были простыми копиями дела. Необходимость их составления приводила к злоупотреблениям (например, скрывание некоторых обстоятельств дела). Поэтому докладные записки отменялись и вводился порядок по подлинному производству с оглашением всех находящихся в деле бумаг членами суда. Для предотвращения злоупотреблений со стороны суда вводился запрет на перемену мнения суда после публичного объявления судебной резолюции в зале заседания.

Рассмотрение дела по существу ограничивалось двумя инстанциями, по маловажным делам – одной. В последнем случае вводился сокращенный порядок судопроизводства для быстрого решения несложных дел и по желанию сторон. Судье предоставлялась возможность склонять стороны к примирению и завершать рассмотрение дела в одном заседании.

Так, во Втором Отделении родилась идея мировой юстиции как системы доступных судов по маловажным делам с упрощенным порядком судопроизводства и без формализма. В его ведение переходили дела ранее

рассматриваемые полицией. Высочайшее одобрение позволило разработать проект правил о порядке производства в мировых судах, вынесенный на обсуждение Государственного Совета в апреле 1860 г.

Из материалов, накопленных Вторым Отделением в ходе последовательной работы над Сводом Законов, видно как последовательно преодолевались основные разногласия о предмете, правовых началах, структуре уставов судоустройства и судопроизводства. Решение этих спорных вопросов позволило выработать основания проектов будущих судебных уставов¹.

Цель их принятия ярко и точно сформулирована в Указе Александра II «...возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе нашем, то уважением к закону без коего невозможно общественное благосостояние и которое должно быть постоянным руководителем действий всех и каждого, от высшего до низшего»².

Коренное изменение начал судопроизводства потребовало разработки нового процессуального устава. Структурно устав был разделен на семь разделов. Подготовленный в 1857 г. готовый проект включал 796 статей. К каждой новой статье прилагались объяснения поводов и оснований к их сочинению, что облегчало рассмотрение проекта в Государственном Совете. В течение семи лет данный проект рассматривался в разных инстанциях и был утвержден Александром II 20 ноября 1864 г. В результате его принятия полиция было освобождена от разбирательства маловажных преступлений и проступков.

Утверждение императором перехода в России от следственного к состязательному процессу потребовало более решительных

¹ Шатковская Т.В., Клеветова Е.Ю. Исторические формы техники российской кодификации (на примере Свода законов Российской империи) // Вестник Поволжского института управления. 2024. № 3. – С.44-50.

² Материалы по судебной реформе в России 1864 года: [т. 1-74]. – Санкт-Петербург, 1857-1866. [Т. 70]: Судебные уставы 20 ноября 1864 года. – С.2.

институциональных изменений. Такой переход имел два важных преимущества. Первое состояло в том, что суд освобождался от поиска доказательств, который возлагался на тяжущихся.

Помимо этого, Второе отделение предложило упразднить забюрократизированные и мало полезные для процесса судебные структуры, к примеру канцелярии судебных мест. Вместе с разработанными Вторым отделением проектами уставов гражданского и уголовного судопроизводства в Государственный Совет был представлен целый комплект проектов правил о порядке исполнения судебных решений по делам гражданским, о порядке производства взысканий по обязательствам, о порядке производства спорных дел гражданских, подлежащих ведомству мировых судов и др. В исследовании М.Г. Коротких доказано, что проекты Второго отделения были использованы при подготовке судебной реформы¹. Этот вывод подтверждается и современными исследователями².

В октябре 1859 г. по Высочайшему поручению Второе отделение приступило к составлению проекта о судоустройстве. Общий план работ предполагал преобразование судебной системы, включавшее правильное размещение судебных мест, окружных судов, областных судебных палат и нотариальной части.

Нотариальная часть была изъята из ведения судебных мест. Проект этого сложного преобразования был также разработан Вторым отделением. Убедительные доказательства тому, что проект Устава гражданского судопроизводства, подготовленный во Втором отделении в 1859 г. лег в основу проекта 1862 г. привел В.Я. Фукс. Во Втором отделении были предложены такие основания гражданского судопроизводства как отделение судебной власти от исполнительной, введение в гражданские дела состязательного процесса, гласность судопроизводства, введение в

¹ Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – С.44.

² Ружицкая И.В. Указ. соч. – С.413-415.

гражданские дела словесной системы, решение гражданских дел по существу в двух инстанциях, рассмотрение кассационным порядком окончательных решений судебных мест в случае явного нарушения или неправильного применения закона»¹.

Под руководством В.Н. Панина был составлен проект Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, внесенный 15 мая 1864 г. в Государственный Совет и утвержденный Императором 20 ноября 1864 г.

Все вышесказанное доказывает, что изучение работ по составлению законодательной базы Великих реформ в отрыве от истории кодификации во второй четверти XIX в. ограничивает его научно-практическую значимость.

Во-первых, детальное исследование деятельности Второго отделения, выполнявшего функции главного кодификационного органа Российской империи с 1826 по 1883 г., демонстрирует качественное изменение подходов к систематическому построению российского права. Так, если в 20-30-е годы проекты уставов не предполагали разделение материального и процессуального права, то к концу 40-х годов были выработаны правовые основания такого разграничения.

В законах впервые начали выделять общую и особенную части. Кодификаторы пытались разграничить отрасли законодательства, давать определения юридических терминов. В уголовном праве определены понятия преступления, виды соучастия. В уголовном процессе выделены стадии процесса, расследования, исполнения приговоров².

Кодификаторы Второго отделения обосновали и разработали ряд мер, разграничивающих судебные и полицейские функции. Производство по маловажным преступлениям и проступкам было передано в мировые суды. Благодаря этому в России впервые появились доступные для населения, скорые, с упрощенным производством местные суды, выносившие решения на основании закона и позволявшие оперативно разобрать большинство мелких

¹ Фукс В.Я. Указ. соч. – С.47-49.

² Горожанкина Д.В. Указ. соч. – С.13,14.

споров. В целом Судебные Уставы 1864 г. по мнению большинства исследователей закрепили конституционные принципы, изменившие правовое развитие страны и государство в целом.

По инициативе Второго Отделения был внесен проект земской реформы вместе с проектом положения «О Земских Учреждениях» 1864 г. Этой реформой предполагалось достигнуть троякую цель: создать и включить в государственное устройство выборные местные органы для удовлетворения потребностей и интересов населения отдельных местностей, сохранить государственное единство и оградить частных лиц и организации от нарушения их законных прав неправомерными действиями должностных лиц и органов. Для реализации этой цели в проекте положения предлагалось учреждение самостоятельных местных выборных органов с определенным кругом полномочий, в том числе с правом регламентации, в сферах народного продовольствия, общественного призрения, городского управления, хозяйства и благоустройства¹.

Институциональные преобразования, проведенные в рамках Великих буржуазных реформ, в свою очередь двояко повлияли на кодификацию. С одной стороны, создание и законодательное закрепление юридических принципов (законности, состязательности, презумпции невиновности, гласности судопроизводства, независимости судей) и буржуазно-демократических институтов, таких как присяжные поверенные, нотариат, мировые суды, судебные следователи, присяжные заседатели дало институциональную возможность и актуализировало проведение отраслевых кодификаций на буржуазных правовых началах, отвечавших современным политико-правовым учениям и социально-экономическим потребностям российского общества.

Существенность и многочисленность перемен, вызванных прежде всего актами Великих реформ, порождало массу кодификационных вопросов. Новейшие узаконения существенно изменяли правила, внесенные в издания

¹ Майков П.М. Второе отделение. – С. 439-450, 480, 481, 495, 509.

томов Свода Законов. Для примера достаточно указать на Уставы Общественного Призрения и Врачебный, вышедшие в 1892 г. Они подлежали большим изменениям вследствие обнародования Высочайше утвержденного 10 июня 1893 г. Устава лечебных заведений гражданского ведомства. Государственный Секретарь Муравьев в качестве ближайшей цели указывал на переход от Общего Свода к отраслевым уложениям, предложенным М.М. Сперанским¹.

С другой стороны, внедрение буржуазно-демократических институтов вызвало быстроту изменений законодательства, порождавших противоречия с нормами Свода Законов и основаниями российского права. Тем самым расшатывались основы общественного порядка. Об этом много писал в Московских ведомостях М.Н. Катков². Так, в Своде Законов 1857 г. особой в нём части, посвященной исключительно крестьянству не было. Обширное законодательство о помещичьих крестьянах, сопровождавшее момент освобождения из крепостной зависимости, и законодательные акты шестидесятых годов, распространившие начала 19 февраля 1861 г. на другие разряды сельских обывателей, механически были объединены при первоначальном их включении в Свод Законов по Продолжению 1863 г., в виде Особого к IX тому Приложения.

Приём этот, вполне отвечавший и характеру изданных положений, связанных между собой единством начал 19 февраля 1861 г., и потребностям практики того времени был сохранен по необходимости как при новом издании IX тома в 1876 г., оставшемся при том же способе чисто внешнего объединения отдельных законоположений, так и при последовавшем в 1902 г. переиздании Положений о Сельском Состоянии, когда было возможное в пределах кодификации внутреннее объединение отдельных законоположений для различных разрядов крестьянства.

¹ РГИА. Фонд 1162. Опись 1 Дело 8. Л.109.

² Московские ведомости. 1884. 23 января.

Таким образом произошло то, что Особое к IX тому Приложение однажды допущенное в качестве временного отступления от системы Свода Законов, ввиду временного характера законоположений, в него вошедших, не только пережило все другие Особые Приложения к другим томам Свода Законов, но продолжало, в зависимости от позднейших наслоений нарастать и стояло на пороге полувекового существования.

На основании Высочайшего повеления, последовавшего 17 июня 1881 г. по всеподданнейшему докладу о ходатайстве судебных установлений Московских, С. Петербургских, Казанских и др. Судебные Уставы от 20 ноября 1864 г., разъединенные в Своде Законов были изданы особой книгой. Для исполнения этого и разрешения возникающих при этом вопросов и недоразумений была образована комиссия под председательством Сенатора Полнера из чинов Министерства Юстиции и Кодификационного Отдела. Комиссия изготовила к Судебным Устам Продолжение, с включением в него узаконений, изданных до 1 июля 1883 г.

Для удобства судебной практики были внесены многочисленные изменения. Они излагались на 16 листах. Вследствие издания ряда законов и особенно Учреждения управления Кавказского края Комиссия в изготовленном Продолжении вынуждена была не только перепечатать целый ряд статей или показать их отмененными или измененными, но и перепечатать заглавие некоторых книг, разделов и глав и присоединить к ним новые отделы дополнительные или вставочные, с обозначением дополнительных статей буквами. Ввели изготовленное Комиссией Продолжение в текст Судебных Уставов. В случае Высочайшего соизволения на новое издание предлагали такое их название «Судебные Уставы Императора Александра Второго, изданные по повелению Императора Александра Александровича». В итоге издание получило наименование Судебные Уставы Императора Александра Второго, издания 1883 года¹.

¹ РГИА. Фонд 1155. Опись 1. Дело 448. Л.102.

Кодификация гражданского законодательства осложнялась необходимостью «тщательного и осторожного» изложения статей Свода Законов, определявших семейные и имущественные права частных лиц. По усовершенствованию гражданских законов предполагалось составление Гражданского Уложения. Осуществление этой задачи долгое время оказывалось невозможным.

Область гражданских законов в отношении их усовершенствования по требованиям науки и образцам некоторых иностранных кодексов казалась делом более простым, чем по другим отраслям законодательства. В реальности дело оказалось трудным. Охватывая все личные имущественные интересы и отношения членов общества, законы гражданские необходимо развивались и совершенствовались в уровень с развитием и усовершенствованием общественного строя.

Согласно записке Д.Н. Блудова, подготовленной в марте 1845 г. и посвященной плану кодификации гражданского права, законы гражданские предполагалось изменять и исправлять не иначе как вследствие обнаруживавшихся в их применении недостатков и пробелов или необходимости удовлетворить вновь возникавшие нужды и потребности общества¹. Этот путь был более медленным, но по мнению кодификационных органов более верным. Задача усовершенствования выполнялась не вдруг, а постепенно по частям. По плану Д.Н. Блудова Второе отделение работало до 1849 г. Затем деятельность кодификаторов переключили на процессуальное право.

К середине 60-х годов многие части гражданских законов были исправлены, а некоторые менялись новыми постановлениями. Так, узаконения о порядке охранительном заменялись правилами Устава гражданского судопроизводства. По прочим отраслям законодательства Второе отделение составило проект Устава о Векселях и главных оснований нового порядка

¹ Ружицкая И.В. Указ. соч. – С.396-399.

производства дел о торговой несостоятельности и пересмотрело узаконения о преимуществах службы в отдаленных и малонаселенных местах.

С 1857 г. по этой части произошли существенные изменения в связи с установлением нового порядка гражданского судопроизводства и издания Положения о Нотариальной части, изменения порядка укрепления прав на имущество. Содействие в деле кодификации части 1 тома X Кодификационному Отделу оказали командированные Министерством Юстиции чиновники. Часть 1 тома X была пополнена особо выделенным Положением о казенных подрядах и поставке, изданным в 1887 г.

Одновременно с этим было подготовлено новое издание 2 части XI тома. Оно включало Кредитный, Вексельный, Торговый, Торгового судопроизводства, Консульский уставы и устав «О Промышленности». Наибольшие затруднения вызвал Кредитный устав. В кредитном законодательстве произошли многочисленные изменения. Поэтому в новом издании Кредитного устава впервые кодифицировались обширные законодательные изменения за период с 1860 по 1887 г.

Важность этой работы заключалась в том, что она определяла деятельность всех государственных кредитных учреждений. Поэтому кодификация проводилась с участием командированных Министерством Финансов чинов кредитных установлений и отправлением проекта Устава на заключение названного министерства. Дополнительные заключения по этому проекту давали Министерства Юстиции и Иностранных Дел.

Трудность представила переработка Уставов о Податях и о Пошлинах, вследствие внесения в российскую финансовую систему коренных изменений с отменой подушной подати и введением многих новых налогов и сборов. Существенность этих изменений вызвала необходимость неоднократных совещаний Кодификационного Отдела с Министерством Финансов.

При проведении кодификации приходилось учитывать и тот факт, что отдельные акты распространяли свое действие не на все губернии. К примеру, обсуждая редакцию ст.1132-1142 закона о состояниях, Совещание отмечало,

что в местностях, где введено Городовое Положение, нет Городских депутатских собраний и на обязанности Городского Головы не лежит составление городской обывательской книги. Эта обязанность не возложена и на Городскую Управу. Поэтому ст.1132-1142 могли иметь применение только в немногих местностях, где не введено Городовое Положение. В этой связи полагали, что сохранению подлежала только ст.1132. Для городских обывателей местностей, где не введено Городовое Положение предлагалась разработка приложения, в которое перемешались ст.1133-1142¹.

Ряд затруднений не удалось решить кодификационным порядком. После усовершенствования законов уголовных в 1862 г. по докладу барона Корфа последовало соизволение Александра II на пересмотр Уложения о наказаниях уголовных и исправительных для исправления недостатков, обнаруженных на практике. Впоследствии это дело усложнилось потребностью коренного согласования Уложения с новыми Судебными уставами. Поскольку работа в этом объеме привела бы к полной переделке Уложения, а между тем практика нуждалась в ежедневном применении карательных законов, то было признано более удобным, отложить общий пересмотр Уложения и ограничиться до времени новым его изданием с изменениями, вызванными постановлениями Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями и Устава уголовного судопроизводства².

Изменения в уголовном законодательстве привели к несоответствию Устава о Содержащихся под стражей и о Ссылных, принятым новациям в части условий отбытия наказаний. Поэтому указанные уставы были подвергнуты переработке при содействии чинов Главного Тюремного Учреждения. Результатом согласования законов с действительным порядком исполнения наказаний, данные о котором испрашивались в соответствующих ведомствах, стала разработка новых изданий уставов 1886 и 1890 годов.

¹ РГИА. Фонд 1155. Опись 1. Дело 457. Журнал совещаний редакторов по проекту нового издания законов о состояниях (объяснительная записка и журналы Совещания по проекту новой редакции Свода законов о состояниях Кодификационного Отдела). – Л.134.

² РГИА. Фонд 1261. Опись 2. 1867 г. Дело 110. – Л.23-24.

Законодательные новации затронули и так называемые учредительные законы. В 1886г. были приняты новые издания Учреждения Государственного Совета, Совета и Комитета Министров и Правительствующего Сената. Данные изменения не только согласовывались с Председателем Комитета Министров, Министерством Юстиции, но и направлялись на Высочайшее соизволение. Помимо этого, Кодификационный Отдел занимался переработкой Учреждения Министерств, Учреждений Военного и Морского министерства. Перечисленные учреждения определяли действия различных ведомств, что требовало многочисленных согласований в соответствующих министерствах по вносимым изменениям¹.

Усложнение кодификационной работы привело к тому, что к составлению кодифицированных актов стали привлекать экспертов из соответствующих предмету акта ведомства. В частности, в ноябре 1882 г. для участия в работе по новому изданию Уставов Горного и о Соли был приглашен служащий в Горном Департамента Действительный Статский Советник Штоф. В марте 1883 г. к работе по новому изданию Свода Законов был привлечен заслуженный профессор Кранихфельд². В 1884 г. к работам по составлению Свода Законов по министерству народного просвещения привлекался статский советник Янкевич³.

Подводя итоги второй главы, сделаем ряд выводов.

Непосредственное участие Николая I⁴ и Александра II в деле кодификации не только демонстрировало заинтересованность власти в систематическом упорядочении и совершенствовании законодательства, способствовали ускорению хода кодификационных работ, но и давали императорам отчетливое представление об институциональном

¹ РГИА. Фонд 1162. Опись 1. Дело 8. – Л.68-70.

² РГИА. Фонд 1155. Опись 1. Дело 47. – Л.3-6.

³ РГИА. Фонд 733. Опись 194. Дело 285. Дело о командировании действительного статского советника Янкевича в кодификационный отдел при Государственном совете для участия в работах по составлению Свода законов по Министерству народного просвещения 11 декабря 1882 г. – 25 июня 1884 г. – Л.3-7.

⁴ Тельберг Г.Г. Участие императора Николая I в кодификационной работе его царствования // Журнал министерства юстиции. 1916. № 1 – С.233-244.

несовершенстве Российской империи и настоятельной необходимости преобразований суда и управления на новых буржуазных началах.

Деятельность Второго Отделения позволила накопить богатый эмпирический материал и опыт кодификационного порядка изменения законодательства. Его анализ и обобщение в аспекте соотношения кодификационного и законодательного порядка изменения законодательства демонстрирует наличие между ними определенных отличий. Они проявляются в разных целях, масштабах работы и ее социальной значимости. Основным приемом кодификации выступает системное изменение нормативного материала.

Из двух способов такого изменения: создания нового кодекса по лучшим современным образцам и обобщения принятых в разное время, несовершенных действующих узаконений был избран второй путь. Такой выбор объяснялся интересами практики, состоянием правовой и судебной системы России, нравов, привычек и понятий народа, низким уровнем юридической подготовки судебных чинов, недостатком квалифицированных исполнителей законов.

Второе отделение отказывало учреждениям, обращающимся к нему с просьбой о новой редакции статей Свода Законов. Данное изменение относилось к законодательному порядку и относилось к ведению Государственного Совета. Однако на практике сложился порядок, что по каждому законопроекту, подготовленному министерствами и центральными органами, Второе отделение, а впоследствии Кодификационный отдел давал заключение об их соответствии законам, включенным в Свод Законов.

Большинство проектов кодифицированных актов с 1826 по 1882 г. было составлено во Втором отделении, а с 1883г. в Кодификационном отделе или при их непосредственном участии в специально созданных комиссиях и комитетах. Во Втором отделении были подготовлены многие деятели Великих реформ, к примеру С.И. Зарудный. План составления проектов уложений утверждался Императором. Ревизией и проверкой проектов занимались

ведомственные органы по их предметной принадлежности к проекту. В отдельных случаях для суждения о частях проектов приглашались конкретные специалисты, оказывающие содействие успеху дела кодификации¹. И только после всех согласований проект поступал для окончательного исправления в Государственный Совет.

Участие императоров Николая I² и Александра II в проведении кодификации позволило им понять, что без системных институциональных изменений невозможно не только составление целостной и полной системы законодательства, но и решение актуальных задач, стоявших перед государством (сохранение монархического режима и дворянских привилегий, решение крестьянского вопроса, выход из экономического застоя, обострение социальных противоречий, рост протестарных настроений и др.). Однако противоречивость целей преобразований препятствовала возобладанию принципа законности и укреплению правового строя в государстве.

Для охраны государственных порядков законодательные меры отменялись или ограничивались административными распоряжениями и царскими указами. Как писал К.Д. Кавелин, «пока законы у нас не будут строго различены от правительственных распоряжений, до тех пор и применение и изучение законов останутся в том же неудовлетворительном виде»³. Незыблемым остался и судебный авторитет верховной власти. Отказ от последовательного осуществления законодательных актов Великих реформ, колебание правительственного курса в 80-х годах XIX в. в сторону возврата к старым дореформенным порядкам препятствовало проведению кодификационных работ и принятию отраслевых уложений. Тем самым была

¹ Краткое обозрение хода работ и предположений по составлению. – С.59.

² Корф М.А. Император Николай в совещательных собраниях (из современных записок статс-секретаря барона М.А. Корфа) // Сборник Русского исторического общества. Т.98. СПб., 1896. – С.101-283.

³ Кавелин К.Д. Собрание сочинений К.Д. Кавелина. Этнография и правоведение [исследования, очерки и заметки К. Д. Кавелина] / с примеч. проф. Д.А. Корсакова. Т.4. Санкт-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1900. – С.907.

затруднена реализация главной цели кодификации – приведение в единство разрозненных, а отчасти и противоречивых узаконений разных эпох.

Поведение Великих буржуазных реформ отразилось на ходе и технике осуществления кодификации. С одной стороны, реализация демократических принципов законодательных актов реформ требовала дальнейшего развития отраслей материального права и активизации работ по разработке проектов Гражданского, Уголовного и других отраслевых уложений. Устаревшие нормы Свода Законов препятствовали практическому осуществлению реформ. Подтверждением тому служит тот факт, что Судебные Уставы 1864 г. и Уставы о судопроизводстве гражданском и уголовном не были введены в систему Свода Законов. Они составили отдельный XVI том.

С другой стороны, ограничения новых демократических институтов посредством законов в 80-90-х годах XIX в. усугубляло противоречивость российского законодательства. Теперь помимо противоречий внутри Свода Законов возникали коллизии в Судебных Уставах 1864 г. и иных актах периода реформ. Многоукладность, территориальное, национальное, институциональное и сословное разнообразие Российской империи оказались настолько существенными, что привести их к единым юридическим основаниям в рассматриваемый период так и не удалось. Наиболее наглядно эти противоречия проявились в гражданском праве.

Это в первую очередь касается Свода Законов, который несмотря на усилия кодификаторов сохранил и закрепил все дефекты российского законодательства: противоречивость, отрывочность и разнородность. Система Свода создавалась в первую очередь для охраны законодательных полномочий императора и исправного их исполнения органами управления и судом. Законодательные неопределенности и разногласия между органами власти решались лично императором. Такая законность сохраняла самодержавный строй, но не могла обеспечить правопорядок в конституционном государстве.

Сохранение незыблемости авторитета верховной законодательной власти императора ставило и кодификационные работы в зависимость от его личных предпочтений. При Николае I это проявилось в выборе уголовного права в качестве приоритетного направления отраслевой кодификации. Незаинтересованность Александра III в деле кодификации привела к упразднению Второго отделения и сближению кодификационного органа с Государственной Канцелярией Государственного Совета. Последствия такого сближения для кодификации будут рассмотрены в третьей главе исследования.

Глава 3. Состояние техники российской кодификации в конце XIX – начале XX в.

3.1 Техника кодификационных работ в кодификационных органах при Государственном Совете в 1883-1906 гг.

Сближение дела законодательного с кодификацией имело место в Российской империи ещё в начале XIX столетия. После образования в 1810 г. Государственного Совета в число состоящих при нем учреждений была введена подведомственная Минюсту Комиссия составления законов. Однако в 1826 г. кодификационная работа перешла в непосредственное ведение Императора, а именно во Второе отделение СЕИВК.

Законодательно связь между Вторым отделением и Государственным Советом была установлена только в 1842 г. При рассмотрении новых законов, предполагающих отмену или изменение действующих законов, законосовещательный орган мог с Высочайшего разрешения обращаться во Второе отделение для консультаций. Департаменты Государственного Совета были обязаны взаимодействовать со Вторым отделением в случае разрешения частных споров, вытекающих из неполноты законов¹. С 60-х годов Главноуправляющий Вторым отделением присутствовал в Государственном Совете, Совете и Комитете Министров на правах министра.

Постепенно функционал Второго отделения сильно расширился, включая не только кодификацию, но и законосовещательные поручения, законодательные консультации по различным правовым вопросам. Только законодательная инициатива, по свидетельству сотрудников Второго отделения никогда не входила в его компетенцию². Указатель дел Второго отделения и Кодификационного отдела по законодательным вопросам и проектам с 1876 по 1894 г. был опубликован на 359 листах³.

¹ Полное собрание законов. Собрание второе. № 15518, ст.39,40.

² Корф М.А. Указ. соч. Т.2. – С. 337, 338.

³ Алфавит по делам второго отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии и кодификационного отдела при Государственном Совете (По законодательным вопросам и проектам) с 1876 по 1894 год. – 1901. – 359 л. // РГИА. Ф.1 Б Оп.1 Д.90532.

Для упорядочения работы Второго отделения в 1867 г. его Главноуправляющим князем С.Н. Урусовым было предложено сблизить Второе отделение с Государственной Канцелярией. Он подготовил записку, в которой предлагалась передача Второго отделения в ведение Государственного Секретаря. Предложение аргументировалось тем, что совместное выполнение чинами Второго отделения и Государственной Канцелярии редакционных и консультативных законопроектных работ ускоряло движение дел соединением усилий двух ведомств с однородными функциями.

Практическая потребность такого взаимодействия была очевидна. Приданием Своду Законов силы закона верховная власть создала ситуацию, при которой правоприменители получали два варианта одного законодательного акта: первоначальный и кодифицированный, включенный в Свод Законов. Загруженность кодификационного органа, длительность бюрократических согласований исходного и кодифицированного варианта закона затягивала процесс кодификации и включения законов в Свод. Так, по подсчетам Т.Ю. Борисовой только на публикацию законов уходило около двух месяцев¹.

Понятие о кодификации значительно изменилось. От кодификации как процесса создания на теоретических началах вечных и незыблемых систем права отказались. Как писал один из участников кодификационных работ, мы «отказались от притязаний создавать жизни» и сделали кодификацию одним из элементов, способствующих ее правильному развитию и движению вперед².

Единственно возможной задачей кодификации виделось стройное и систематическое построение отдельных законов, исключение повторений и противоречий, подведение частных положений к общим юридическим основаниям, согласование с общими началами, к выражению которых

¹ Борисова Т.Ю. Указ. соч. – С.92.

² Попов А.Н. Записка о девятом томе Свода законов. – Санкт-Петербург, 1867. – С.3.

стремится законодательство в известную эпоху, а также ясное и точное изложение законов. В этом изложении задачи кодификации действительно мало отличались от законотворчества.

В таких условиях сближение законодательного и кодификационного органа виделось реальным способом решения проблемы сокращения сроков кодификации. Как минимум упрощалась процедура передачи постановлений и мнений Государственного Совета для включения в Полное Собрание и в Свод Законов¹, облегчалось формирование совместных комиссий для создания и обсуждения законопроектов и вопросов, связанных с продолжением кодификации Свода Законов. Для более тщательной проработки этого вопроса в 1867 г. было создано Особое Совещание во главе с Председателем Государственного Совета. Однако вопрос решен не был.

Очередная попытка сближения деятельности Второго отделения и Государственного Совета была предпринята в апреле 1881 г. по инициативе Александра III. Новый состав Особого совещания, созданного для разработки проекта такого преобразования из числа чинов Второго отделения и Государственного Совета, предложил создание особого кодификационного органа при Государственном Совете.

К занятиям кодификационным примыкали некоторые труды законодательные, предпринимаемые с Высочайшего соизволения Вторым отделением с целью улучшения Свода Законов или замены отдельных частей новыми. Предполагалось, что такого рода работу следовало поручать комиссиям из чинов Второго отделения, Государственной канцелярии, а в случае необходимости и других ведомств под председательством Высочайше назначаемого члена Государственного Совета.

Деятельность консультативная во Втором отделении распадалась на исполнение двух задач. Ответы на вопросы, поступившие из

¹ РГИА. Ф.1162 Оп.1 7-1876 г. Д.22. Дела Отделения Дел Государственного Секретаря. 1876 г. О доставлении во II Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии постановлений Государственного Совета для внесения в Полное Собрание или в Свод Законов. Н. 11/II-1876 г. – 43 л.

Государственного Совета и Комитета Министров. Эти ответы содержали дополнения и разъяснения о связи вопроса с соответствующими узаконениями как отечественными, так и иностранными, об историческом развитии законоположений, к которым возбужденный вопрос относился и пр. В этом случае дело сводилось к составлению справки, необходимой для уяснения вопроса. Рассмотрение законодательных вопросов и проектов, сообщаемых на заключение Второго отделения Министерствами и Главными Управлениями нацеливалось на критический разбор проектируемых узаконений, как по существу, так и по форме.

Подобные вопросы планировалось поручать комиссиям из чинов Государственной Канцелярии и Второго отделения, под председательством Государственного Секретаря. Тогда возникающие по делу замечания могли докладываться соответствующему департаменту, в том числе и чинами Второго отделения, назначенными Государственным Секретарем и утвержденными Председателем Совета.

Такой порядок, по мысли членов совещания, с одной стороны упрощал взаимодействие Второго отделения и Государственной Канцелярии, с другой стороны соединял усилия обоих учреждений для выполнения порученных им трудов, зачастую однородных. Во главе этого отдела планировалось поставить лицо, назначенное Императором из числа членов Государственного Совета, обладающее высоким служебным и общественным положением.

Объем кодификационной работы, по мнению членов Особого Совещания, требовал, чтобы руководитель Кодификационного отдела был огражден от прочих обязанностей кроме кодификации. Кроме того предлагалось освободить отдел от законодательных и консультативных работ. Важность кодификационных работ связывалась с необходимостью переиздания Свода Законов и отсутствием переизданий с 1857 г¹.

¹ РГИА. Фонд 1162. Опись 1. Дело 8 О полном объединении кодификационной и законодательной частей в ведомстве Государственного Совета (5 марта 1893 – 31 декабря 1893 г. – Л.125-130.

Разработку законопроектов предлагалось возложить на соответствующие предмету проекта закона министерства и главные управления. Такое мнение, в частности, высказал Статс-Секретарь Набоков. Рассмотрение внесенного в Государственный Совет законопроекта должно осуществляться в Государственной Канцелярии. Её усиление за счёт средств и кадров Второго отделения могло привести к качественному улучшению предварительных законодательных работ.

Консультативную деятельность, по мнению Особого Совещания, следовало поручить соответствующим министерствам и главным управлениям. Главная роль в этом вопросе отводилась Министерству Юстиции.

Меры, предложенные Особым Совещанием, получили Высочайшее утверждение 23 января 1883 г. Второе отделение было преобразовано в Кодификационный Отдел Государственного Совета. В марте 1883 г. этот отдел стал частью Государственной канцелярии. В декабре 1885 г. был утвержден его штат¹. Кодификационный Отдел состоял из 31 штатных чинов, не считая причисленных лиц (приглашенных из других ведомств для содействия разработке нового издания Свода Законов, чиновников для письма и вольнонаемных писцов). В смете Кодификационного отдела на 1894 г. сумма на содержание Главноуправляющего, его Товарища и Кодификационного Отдела равнялась 134480 рублей².

Кодификационный отдел в целом сохранил самостоятельность, присущую Второму отделению. За десять лет его работы был подготовлен целый ряд кодификационных изданий. Они следовали по годам в следующей последовательности. В 1883 г. издано продолжение к Своду Законов 1883 г., Судебные Уставы Александра II. В 1884 г. изданий не было. В 1885 г. издана 1 ч. XV т. В 1886 г. составлено Сводное Продолжение, входящие в состав 2 части I тома Учреждения Государственного Совета, Совета Министров,

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр.3: Т.5. 1885. № 3344.

² РГИА. Фонд 1162. Опись 1. Дело 8. Л.120.

Комитета Министров и Правительствующего Сената, а также Временные правила о порядке принятия и направлений прощений и жалоб, на Высочайшее Имя приносимых, двадцать два отдельных Уставов и Положений, относящихся к различным томам Свода Законов.

В 1887 г. отделом были изданы Очередное продолжение 1887 г., Устав о питейном сборе (XV т.), Общий таможенный тариф по европейской торговле (VI т.), Устав о соли VII т.), 1 часть X тома, 2 часть XI т. (Уставы: кредитный, о векселях, торговый, судопроизводства торгового, консульский и о промышленности), Положения о подъездных путях к железным дорогам (XII т. Часть 1). В 1888 г. изданий не было. В 1889 г. издано очередное продолжение 1889 г., Правила об акцизе с осветительных нефтяных масел (V т.), Устав о народном продовольствии (XIII т.).

В 1890 г. издано Сводное продолжение 1890 г. в двух томах, в состав которого вошло Положение о Земских участковых начальниках; том XIV (Уставы о паспортах и беглых, о цензуре и печати, о предупреждении и пресечении преступлений, о содержащихся под стражей и о ссыльных); Правила об устройстве судебной части и о производстве судебных дел в местностях, в которых введено Положение о Земских участковых начальниках; Продолжение к части 3 Свода местных узаконений губерний Прибалтийских. В 1891 г. изданы очередное продолжение 1891 г.; Положение о Земских Учреждениях (II т., часть I Свода Законов). В 1892 г. изданий не было¹.

Для скорейшего приведения вновь утвержденных обширных законов в систему Свода Законов Кодификационный Отдел составлял новые издания томов Свода Законов. И здесь возникали трудности. Так, переработка обширного по объему Таможенного Устава осложнялась ввиду включения в него Высочайше утвержденного 18 марта 1886 г.² мнения Государственного Совета, а также циркуляров Министерства Финансов.

¹ РГИА. Фонд 1162. Опись 1. Дело 8. – Л.115.

² Полное собрание законов. Собрание третье. Т.6. № 3881.

По входящим в состав XII тома Уставам Путей Сообщения и Строительному соответствующими ведомствами произведен при участии чинов Кодификационного Отдела их законодательный пересмотр. Однако поскольку эти проекты были новыми и требовали законодательного рассмотрения, то Кодификационный Отдел вынужден был ограничиться составлением новых изданий этих уставов кодификационным порядком на основании действующего законодательного материала.

Помимо этого, Кодификационный Отдел занимался пополнением Свода Законов уставами ученых и учебных заведений. Первая книга, включающая уставы учебных заведений, подведомственных Министерству Народного Просвещения,полнила XI том. Его проект был сообщен на заключение Статс-Секретаря Делянова и особо рассмотрен вместе с командированными им в Кодификационный Отдел чинами Министерства Народного Просвещения.

Помимо этого Кодификационный отдел вносил в Государственный Совет представления по вопросам, возникавшим в ходе кодификации, а также делал отзывы по некоторым законодательным предположениям, которые препровождались ведомствами на заключение Отдела. Кодификационным Отделом были разработаны правила издания Свода Законов, рассмотренные в Государственном Совете и Высочайше утвержденные 5 ноября 1885 г¹.

Для упорядочения кодификационной деятельности в направлении дополнения Полного собрания и переиздания Свода Законов в 1885 г. были изданы акты, определявшие порядок работы кодификационного органа. Содержанием данных актов стало мнение департаментов Законов и Государственной экономии Государственного Совета, утвержденное Императором. Законы, закрепившие правила совершенствования Полного Собрания и Свода законов, содержат важные сведения о достигнутом уровне техники кодификации.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. 5 ноября 1885. № 3261.

Составление новых изданий Полного собрания определялось актом 11 июня 1885 г¹, которым были внесены некоторые изменения в технику составления Полного собрания. Так, в Полное собрание включались только обнародованные в установленном порядке Правительствующим Сенатом узаконения, издаваемые по гражданским и военным ведомствам, и Высочайшие повеления.

Список исключений из данного правила, закрепленный в п.4, даёт основание утверждать, что чётких критериев для определения закона в рассматриваемый период выработано не было. Единственный определенный признак закона его утверждение императором имел определенные изъятия. Концентрация власти в руках императора приводила к тому, что не только общие узаконения, но и отдельные правительственные и частные распоряжения подлежали Высочайшему одобрению.

В случае необходимости рассмотрения вопросов кодификации законодательным порядком Главноуправляющий Кодификационным отделом или профильный Министр вносили на рассмотрение Государственного Совета такие вопросы. Утвержденные правила применялись и при составлении по мере надобности очередных сводных продолжений к Своду Законов.

Законом от 5 ноября 1885 г. устанавливались некоторые новые правила для переработки Свода Законов². Прежде всего сохранялась его прежняя структура. Исключение составили Судебные уставы 1864 г., выделенные в 16 том. Уставы, Положения и иные узаконения включались в Свод Законов с сохранением их самостоятельности, в том числе их оригинальной внутренней нумерации.

Важное историческое значение имел п.3 вышеназванного закона. Им устанавливался приоритет новейших узаконений над законоположениями прежнего времени. Последние помещались в приложения к действующим учреждениям и уставам. Их сохранение в Своде Законов допускалось только

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр.3: Т.5: 1885. № 3050.

² Полное собрание законов Российской империи. Собр.3: Т.V: 1885. № 3261.

в том случае, если они действовали в отдельных местностях империи и применялись на практике.

Исключению из Свода Законов подлежали акты, утратившие обязательную силу и обладавшие только исторической значимостью; повторяющиеся в разных частях Свода Законов акты (за исключением тех, повторы которых требовала практика); правила, не отменённые в законодательном порядке, но фактически утратившие силу в связи с принятием новых узаконений; соображения, раскрывающие основы узаконений; специальные военные узаконения, не относящиеся к общему законодательству Российской империи.

Кроме того, из Свода Законов предполагалось исключить акты, не имевшие свойства и значения законодательных предписаний. Все узаконения (уставы, положения, правила и пр.), вносимые в Свод Законов, должны быть обнародованы установленным порядком Правительствующим Сенатом на основании Высочайшего повеления¹.

При новом издании подлежали включению в Свод Законов уставы и учреждения, относившиеся к отдельным сферам, но имевшие характер общих законов. Из текста рассматриваемого акта становится понятным, что законом считались Высочайшие Собственноручно подписанные повеления и Высочайше утверждённые мнения Государственного Совета.

Ряд актов, не относившихся к законам, вносились в Свод Законов с разрешения Главноуправляющего Кодификационным отделом. В их числе Высочайшие повеления, принятые в порядке верховного управления по предметам Свода Законов и при отсутствии соответствующих законов, а также пояснительные постановления, удостоенные Высочайшего утверждения. Сенатские указы включались только с Высочайшего соизволения и по докладу Главноуправляющего Кодификационным отделом.

¹ Васьковский Е.В. Правотворческая деятельность новых судов в сфере процесса и права гражданского // Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. – Пг.: Сенат. тип., 1914. – Т. II. – С.375-413.

В законе от 5 ноября 1885 г. разграничивается кодификационный и законодательный порядок внесения изменений в Свод Законов. Кодификационным порядком обнаруживались ошибки, неполнота или недостаточность действующих узаконений. Некоторые ошибки исправлялись по распоряжению Главноуправляющего Кодификационным отделом по соглашению с соответствующими ведомствами в случае необходимости.

Изменения или дополнения статей Свода Законов в основном осуществлялись законодательным порядком. Главноуправляющий Кодификационным отделом или министр, к чьему ведению относился закон выходил с представлением в Государственный Совет. Новое издание Свода законов производилось полным составом или отдельными томами и частями.

Дополнение Свода Законов осуществлялось посредством очередных и сводных продолжений. Свод способствовал совершенствованию законодательного порядка изменения законов. Теперь вновь принимаемые законы должны были содержать чёткие указания на те изменения, которые они вводили в прежние законы, что облегчало работу правоприменителей. Соответствующие узаконения, включенные в Свод Законов, считались образцом структуры для новых законов¹.

Таким образом, развитие Свода Законов шло в направлении удобства его практической применимости и устранения любых затруднений в работе с ним. Свод Законов планировали освободить от актов, не обладавших свойствами законов. Для усовершенствования Свода Законов решался ряд теоретических вопросов, например, о разграничении закона и административного распоряжения, обнародования законов и их кодификации, законодательного и кодификационного порядка изменения законов.

К началу 1893 г. Свод Законов содержал следующие принятые в разное время кодификационные акты: 1857 г. (23 устава и учреждения); 1876 г. (13 уставов и учреждений), 1883 г. (Судебные Уставы), 1885 г. (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных); 1886 г. (22 устава и учреждения),

¹ Лозина-Лозинский М.А. Указ. соч. – С.34, 36.

1887 г. (12 уставов и учреждений), 1889 г. (2 устава), 1890 г. (9 уставов и учреждений) и 1891 г. (1 положение). Качество подготовленных кодифицированных актов не дает возможности согласиться с исследователями, полагающими, что техника механической переработки законов в Свод Законов в начале XX века унаследована у Второго отделения и не менялась на всем протяжении кодификационных работ¹.

В Кодификационном отделе оттачивались как приемы кодификации, так и апробировались новые форматы кодификационных изданий. Вновь изданные книги Свода Законов и Продолжений к нему печатали в обыкновенном формате. Для их более широкого распространения были приняты меры к тому, чтобы, оставаясь в пределах сметы на расходы Государственной Типографии, сделать эти книги общедоступными не только по цене, но и по их объему. С этой целью были изданы в малом формате некоторые, наиболее важные при практическом их применении части Свода Законов. В их числе: 1 часть т.X (Свод законов гражданских и Положения о казенных подрядах и поставках), 2 часть XI тома Свода Законов (уставы Кредитный, о Векселях, Торговый, Судопроизводства Торгового, Консульский и о Промышленности) и 1 часть т.XV (Уложение и Устав о наказаниях), а также Судебные Уставы.

Жизнь выдвигала все новые вопросы, требовавшие точного определения законом. Поэтому эти издания вследствие большого запроса на них были повторены с включением в них статей по вновь обнаруженным Продолжениям. Всего изданий малого формата было отпечатано часть 1 т.X (Свод законов гражданских и Положения о казенных подрядах и поставках) – 20 тыс. экз., 2 часть XI тома Свода Законов – 10 тыс. экз., 1 часть т.XV (Уложение и Устав о наказаниях) – 51560 экз., Судебные Уставы – 35 тыс. экз.².

¹ Борисова Т.Ю. Указ. соч. – С.93.

² РГИА. Фонд 1162. Опись 1. Дело 8. Л.78.

О масштабах работы, проведенной Кодификационным отделом свидетельствуют следующие цифры об издании книг Свода Законов. В 1878 г. изданий некоторых томов Свода и Сводного Продолжения было отпущено ведомствам и лицам 52686 экз. В 1879 г. эта цифра составила 34069 экз. В 1887 г. количество изданий увеличилось до 323710 экз. в большом и малом формате. В 1888 году – 132128 экз., в 1889 г. – 93707 экз., в 1890 г. – 142060 экз., в 1891 г. – 117579 экз., и в 1892 г. – 221091 экз. Всего за время с 1883 по 1892 гг. было отпущено 1133379 экземпляров книг Свода Законов¹. Статистические данные подтверждают востребованность Свода Законов в практике государственного управления и возрастание спроса правительственных установлений и частных лиц на его издания.

Представленная статистика доказывает и тот факт, что Свод Законов выполнял свое предназначение. Оно, по мнению Р.С. Тараборина, состояло в том, чтобы стать «кодификационной формой» на основе которой достигалась преемственность и относительное равновесие правовых норм старого и нового социальных порядков². Учёный полагает, что Свод Законов стал законодательной системой переходного типа, так как в нём соединялись нормы разных исторических эпох³.

Кодификационный отдел продолжил издание Полного Собрания Законов по правилам, утвержденным 11 июня 1885 г.⁴. В частности, был издан LV том Второго Полного Собрания, содержащий узаконения с 19 февраля 1880 г. по 28 февраля 1881 г. Чины Кодификационного Отдела разработали обширный в четырех томах Алфавитный указатель ко Второму Полному Собранию, что облегчило пользование этим многотомным изданием. Кроме того, были изданы I-X тома Третьего Полного Собрания Законов, включавшие

¹ РГИА. Фонд 1162. Опись 1. Дело 8. Л.79.

² Тараборин Р.С. Формирование системы гражданского права Российской империи в эпоху модернизации общества (XVIII – первая треть XIX в.) – Москва, 2022. – С.56.

³ Там же. – С.57.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. № 3050.

законоположения со дня восшествия Александра III на престол до 31 декабря 1889 года.

Кодификационный отдел участвовал в разработке законодательных предположений. Так, в отделе подробно обсуждался разработанный особым Комитетом проект кодификации основных законов Великого Княжества Финляндского и были подготовлены отзывы по некоторым отдельным вопросам законодательного регулирования. Чины Отдела откомандировывались во многие учреждения, министерства, законодательные Комиссии и совещания для участия законопроектной работе.

В отличие от первых кодификационных органов деятельность Кодификационного отдела регулировалась законами. В их числе: Учреждение Государственного Совета ст.8, 10, 16, 21, 114, 116, 158, 139, 140, 141, 142-152, 160, 173, 176, 184, 193-196¹; Учреждение Совета Министров и Комитета Министров ст.14, 65²; Учреждение Правительствующего Сената ст.186³; Учреждение Министерств, в ст.200 определялся порядок взаимодействия кодификационного органа с министерствами⁴; Уставы таможенные ст.960⁵; Уставы счетные ст.27; Устав Гражданского Судопроизводства ст.89.1, 380.1⁶; Устав Уголовного Судопроизводства ст.57, примечание; ст.378, примечание⁷.

К началу 1893г. по сведениям Кодификационного отдела, производимые им работы по изданию Свода Законов находились в следующем положении: окончательно подготовлены к печатанию и представлению на Высочайшее благоволение в первой половине 1893 г. Тома I, II, VI, 2 часть X, XII, 2 часть XV. До окончания 1893 г. планировалось обнародовать в новых изданиях тома IV, V, VII и 3 часть X тома.

¹ Свод Законов Российской империи. т.I, ч.2. Издание 1892 г. – СПб., 1892.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. Издание 1857 года. – СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. – Т.I. Ч.2.

⁵ Свод Законов Российской империи. т.VI. Издание 1892 г. – СПб., 1892.

⁶ Свод Законов Российской империи. т.XVI, ч.1. Издание 1892 г. – СПб., 1892.

⁷ Там же.

Новые издания отдельных частей Свода Законов, обнимающие период времени с 1883 по 1894 год предполагалось завершить в 1895 г. Затем планировали приступить к новому полному изданию Свода Законов, на что требовалось по приблизительному расчету Кодификационного Отдела около года и до 300 000 рублей новых ассигнований из средств государственного казначейства.

Сравнительный анализ деятельности Второго отделения и Кодификационного отдела показывает наличие общих и отличительных черт в их работе. Организационная структура и штатный состав кодификационного органа не менялись¹. Сохранение должности Главноуправляющего отделом в положении приравненном к министру и его полномочия позволили обеспечить самостоятельность Кодификационного отдела, присущую и Второму отделению².

Изменения касались положения и порядка работы Кодификационного отдела. В именном Высочайшем указе от 12 мая 1858 г., сопровождавшем передачу подготовленного третьего издания Свода Законов в Правительствующий Сенат, было подчеркнуто непосредственное участие Императора в его составлении³. На Высочайшее одобрение препровождались все продолжения к Своду Законов⁴. Сила законов заключалась в том, что они исходили от Императора. Обнародование Правительствующим Сенатом было лишь формой придания законам общеизвестности, но не юридической силы закона.

Перевод кодификационного органа из сферы непосредственного ведения Императора, по мнению М.А. Лозина-Лозинского, понизил юридическую силу кодификационных изменений законодательства, лишил кодификационные издания презумпции Высочайшего одобрения, требовал законодательного определения его функций и места в системе управления. Из

¹ Полное собрание законов. Собрание третье. № 3344.

² Градовский А.Д. Начала русского государственного права. Т.2. СПб., 1887. – С.219.

³ Полное собрание законов. Собрание второе. № 33140.

⁴ Полное собрание законов. Собрание второе. № 33640, 34267, 34554, 34830 и др.

системы высочайшего управления кодификационный орган был переведен в управление подзаконное¹. Поэтому теперь Кодификационный отдел формально подчинялся Сенату², а фактически находился в ведении Государственного Совета.

Подзаконное положение Кодификационного отдела актуализировало принятие и законодательное закрепление правил его работы над составлением Полного собрания и Свода Законов³. В Полное собрание и Свод Законов кодификационный орган мог вносить не только обнародованные (за исключением актов частного характера), но и с Высочайшего соизволения необнародованные законы, сенатские указы. Сила законов подтверждалась утверждением и собственноручным подписанием Императором.

В отношении исправлений, дополнений и продолжений Свода Закона у Главноуправляющего Кодификационного отдела сохранялось право самостоятельного распоряжения в кодификационном порядке и в пределах установленных законом правил. Так, по усмотрению Главноуправляющего в Свод Законов могли быть внесены Высочайшие повеления, принятые в порядке верховного управления и акты, удостоенные Высочайшего утверждения. Тем самым Высочайше утвержденным актам Комитета и Совета Министров придавалась сила законов решением Главноуправляющего Кодификационного отдела.

По меткому замечанию М.А. Лозина-Лозинского такое правило не соответствовало ни значению названных актов, ни власти Главноуправляющего⁴. По его мнению правила, нацеленные на упорядочение кодификации и исключение устаревших законоположений, давали слишком большой простор действиям кодификаторов⁵.

¹ Полное собрание законов. Собрание третье. № 3050.

² Учреждение Правительствующего Сената. Ст. 1, 2, 187. Изд. 1886.

³ Полное собрание законов. Собрание третье. № 3261.

⁴ Лозина-Лозинский М.А. Кодификация законов по русскому государственному праву. – СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1897. – С. 34.

⁵ Там же. – С. 35, 36.

Главноуправляющий мог взаимодействовать с министрами и соответствующими ведомствами по всем вопросам относительно издания Свода, но это не было его обязанностью, а только правом. Порядок обращения в Государственный Совет в случае затруднений с изменением или дополнением отдельных статей Свода был аналогичным и тоже не обязательным. Только волей законодательной власти по убеждению Н.С. Таганцева может отменяться закон. В ходе пересмотра Свода Законов нередко обнаруживалась потребность отмены устаревших законов и она происходила в кодификационном порядке¹.

Позицию о необходимости законодательного порядка отмены законов занимал и Правительствующий Сенат. В ряде решений Гражданского Кассационного департамента разъяснялось, что «из одного кодификационного изменения нельзя выводить перемены закона»². Позиция различных департаментов Сената о том, что законы прямо не отмененные, следует считать сохранившими силу, была устойчивой³. При этом Высочайшие повеления и правительственные распоряжения могли быть изменены и даже отменены в кодификационном порядке на основании словесных Высочайших повелений.

Таким образом, попытка перейти от кодификации в порядке Высочайшего (надзаконного) управления к подзаконной, подчиненной правилам кодификации, в целом оказалась мало успешной. Главной проблемой оставались широкие дискреционные полномочия кодификаторов прежде всего Главноуправляющего Кодификационным отделом.

На усмотрение кодификаторов оставляли придание широкому кругу подзаконных и правоприменительных актов силы закона, изменение общего смысла законов при их толковании для включения в Свод Законов, фактически

¹ Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Вып.1.– СПб., 1887. – С.134.

² Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената. за 1880 год №№ 86-245. – 1912. – 241-720 с. // Решения Гражданского Кассационного департамента. 1880 № 142; 1882 № 128.

³ Определение Правительствующего сената 5-го Департамента. 29 апреля 1891 г. № 578. СПб., 1891.

бесконтрольное распоряжение узаконениями при исправлении свода и исключении из него в кодификационном порядке устаревших законов. В 80-90-е годы Сенату нередко приходилось восстанавливать смысл закона, измененный в кодификационном порядке¹.

Анализ содержания правил кодификации позволяет утверждать, что кодификационный порядок законом был поставлен над законом. Такое положение как представляется обусловлено целью проведения кодификации. Она стала юридическим инструментом охраны самодержавно-абсолютистской формы Российского государства. Для этого был сформирован Свод Законов как средство монархического управления. С его помощью обеспечивалась практика единообразного администрирования и государственного контроля во всей империи.

Улучшение техники кодификации по правилам 1885 г. связано с подходом к кодификационному размещению новых законов. Основой свода законов должны были выступать узаконения, принятые после 1857 г. Новые кодифицированные законы при включении в Свод следовало сохранять как самостоятельные. Узаконения, имеющие локальное действие, предписывалось размещать в приложениях свода закона.

Неопределенное переходное положение кодификационного отдела и итоги его работы демонстрировали два возможных направления развития кодификации. Пассивность департаментов Государственного Совета в деле кодификации, что следует из журналов их заседаний и накопленный опыт осуществления кодификации позволял сформировать самостоятельный кодификационный орган под контролем Правительствующего Сената².

Второй путь предполагал включение кодификационного органа в состав Государственного Совета. Отсутствие заинтересованности Александра III к кодификации и активное лоббирование Государственным Секретарем

¹ Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. За второе полугодие 1896 года. СПб., 1897. № 100, ст. 1101.

² Лозина-Лозинский М.А. Указ. соч. – С.42.

Н.В. Муравьевым перехода дела кодификации под его управление предопределило политический выбор в пользу второго пути¹.

Целью передачи дела кодификации в Государственный Совет было установление ее тесной взаимосвязи с законоизданием. Тем самым рассчитывали облегчить работу кодификационного учреждения приближением к нему всех законодательных материалов для уяснения истинного смысла законов. Для законодательного учреждения открывалась возможность использования опыта кодификационного органа в вопросах о взаимоотношении законов и их согласованности.

Исторической датой объединения кодификационной и законодательной деятельности в России стало 18 сентября 1893 г. Высочайшим указом Александра III кодификация была возложена на Государственную Канцелярию Государственного Совета, возглавлять кодификационную часть было поручено Государственному Секретарю².

По предметам кодификационной части Государственному Секретарю поручалось делать всеподданнейшие доклады, вносить в Государственный Совет представления по кодификационной части, требующие законодательного утверждения. При рассмотрении дел в Государственном Совете Государственный Секретарь должен был давать надлежащие объяснения по предметам кодификации и вопросам об отношении представленных законопроектов к действующему законодательству, присутствовать в Комитете Министров.

Необходимость вышеназванного участия во всеподданнейшем докладе Государственного секретаря Н.В. Муравьева от 15 сентября 1893 г. объяснялась чрезвычайным значением участия представителя кодификации как в Государственном Совете, так и в Комитете Министров. На его заседаниях нередко возникали серьезные сомнения о том, не имеет ли то или другое из поступивших дел законодательного характера или о том, какое

¹ РГИА. Фонд 1162. Опись 1. Дело 8. – Л.1-24.

² Полное собрание законов Российской империи. Собр.3: Т.15. № 9949.

отношение будет иметь заключение Комитета к действующим законам. Это обязательное и постоянное соображение кодификационных сторон каждого дела при самом его рассмотрении не могло быть устранено без ущерба для правильного решения, ни восполнено участием каких-либо других членов Комитета, из которых никто близко не стоял к формулированию текста узаконений¹.

Указом от 5 июня 1893 г. Император повелел упразднить должности Главноуправляющего и Товарища Главноуправляющего Кодификационным отделом. До определения устройства кодификационной части в составе Государственного Совета руководство Кодификационным отделом поручалось Государственному Секретарю под высшим руководством Председателя Государственного Совета. С 1 января 1894 г. Кодификационный отдел окончательно был окончательно упразднен, а его полномочия переданы отделению Свода законов в составе Государственной Канцелярии².

Данная реструктуризация привела к тому, что фактически до конца XIX в. кодификационный процесс в России замедлился и превратился в механическую переработку принимаемых законов. Опытные в деле кодификации чиновники, по свидетельству П.М. Майкова, были рассредоточены по различным ведомствам³.

На Государственного Секретаря возлагались обязанности и предоставлялись права Главноуправляющего кодификационным отделом⁴. Такое решение противоречило консолидированному мнению всех комиссий по преобразованию кодификационной части. Члены комиссии высказывались в пользу освобождения руководителя кодификационного отдела от прочих обязанностей в связи со сложностью предстоящих задач по кодификации.

¹ РГИА. Фонд 1162. Опись 1. Д.8. Л.35.

² Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1894 год. Первое полугодие. СПб., Типография Правительствующего Сената, 1894. № 15. Ст.101. – С.257-261.

³ Майков П.М. Второе отделение. – С.610-613.

⁴ Государственная канцелярия 1810-1910: [исторический очерк] / сост. в Государственной канцелярии. – Санкт-Петербург, 1910. – С.366.

В помощь Главноуправляющему учреждалась должность Товарища Государственного Секретаря с правами и обязанностями Товарища Министра. Как показала практика он фактически осуществлял руководство делом кодификации. Товарищем Государственного Секретаря указом Императора, опубликованным 28 сентября 1893 г. был назначен Н.А. Неклюдов.

Государственному Секретарю поручалась разработка устройства кодификационной части и внесение соответствующих предложений на утверждение в установленном порядке. Соображения Государственного Секретаря Н.В. Муравьева о структуре кодификационной части предусматривали вхождение должностных лиц Кодификационного отдела в состав Государственной Канцелярии. Для проведения кодификации предложили создание отдельного Департамента.

Кодификационные работы должны были охватывать весь Свод Законов и их приурочивание к одному из трех законодательных департаментов оказалось невозможным. Разделение кодификационных работ между тремя законодательными отделениями канцелярии не допускалось в интересах дела кодификации и сохранения его единства. Вследствие этого было сформировано Отделение Свода Законов. Непосредственное руководство Отделением осуществлял Статс-Секретарь.

Кодификационное учреждение, состоящее из лиц, специально посвятивших себя делу разработки Свода Законов сочли наиболее подходящим для работ по объединению и взаимному согласованию правил, содержащихся в том или другом Уставе, чем их согласование в отдельных ведомствах. Ведомства, занимаясь практическими задачами по отдельным отраслям управления, лучше могли понять необходимость и своевременность того или другого преобразования, той или другой законодательной меры и внести по этому вопросу в установленном порядке представление. Однако составление целого Устава в том случае, когда он лишь в небольшой части своей состоит из новых правил, не соответствовало условиям деятельности административных ведомств. Примеры продолжительности, а нередко и

совершенной бесплодности порученным ведомствам работ по кодификационному или законодательному пересмотру некоторых уставов служили тому подтверждением¹.

После поступления на «уважение» Государственного Совета представления оно должно было рассматриваться в Отделении Свода Законов для подробной и всесторонней справки. Отделение обязывалось докладывать Государственному Секретарю или его Товарищу о тех соображениях кодификационного свойства, вызываемых данным представлением, то есть об отношении внесенного законопроекта к общему содержанию установленных в действующем законодательстве правил и о связи его с разработкой Свода Законов².

Такие справки должны были содействовать достижению возможной стройности и систематичности законодательства. Считалось, что они будут содействовать кодификации. Редактор части Свода, ознакомившись с известным делом с самого момента поступления его в Совет, имел возможность при разрешении дела правильно и в согласии с намерениями законодательной власти поместить закон в системе подлежащего Устава или Учреждения и правильно произвести в нем изменения, вызванные его изданием. Однако на практике составление справок облегчило только положение министерств. Им не приходилось обращаться в кодификационное учреждение до внесения законопроекта в Государственный Совет³.

Структура Отделения Свода Законов определялась строением самого Свода. Н.В. Муравьев полагал, что тщательное со стороны подлежащих чинов знание Свода Законов во всех подробностях и историческое изучение происхождения отдельных его постановлений могут быть достигнуты, если по примеру Второго Отделение и Кодификационного Отдела отдельные,

¹ Золотова О.И. Проект новой редакции Устава гражданского судопроизводства, разработанный комиссией Н.В. Муравьева: историко-правовой анализ // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – № 2(7). – С.264-269.

² Учреждение Государственного Совета. Ст.114. // Свод Законов Российской империи Т.1. Издание 1892.

³ Лозина-Лозинский М.А. Указ. соч. – С. 120.

входящие в состав Свода тома и части буду распределены между редакциями. Редакторами были помощники Статс-Секретаря, а помощниками редакторов – старшие и младшие делопроизводители. Количество редакций (восемь) также определялось структурой Свода, по два тома на редакцию.

Не только полномочия, но правила кодификации для Отделения Свода Законов не изменились и по-прежнему определялись законами 1885 г. Незначительные поправки касались порядка разрешения законодательных вопросов, связанных с расположением или изложением статей законов при новых переизданиях Свода Законов¹. В этом случае изменения согласовывались Государственным Секретарем с соответствующими ведомствами, а затем в порядке представления подлежали внесению на рассмотрение Государственного Совета. Такой порядок несколько ограничивал дискреционные полномочия кодификационного органа, но существенно не влиял на возможности кодификационного изменения законодательства.

Содержание кодификационной работы в Отделении Свода Законов позволяют раскрыть журналы совещаний редакторов. Журналы свидетельствуют, что обсуждение производилось по отдельным статьям. Предложенные правки в основном касались правил юридической техники. К примеру, в ст.1 нового издания законов о состояниях посчитали необходимым убрать примечание, так как оно носит отсылочный характер и объясняет то, о чём говорится в ст.835. К ст.41 предлагалось добавить отсылку на ст.704².

Редакторы учитывали интересы практики. Так, хотя редакция ст.8 закона вызывала у них сомнения. Однако тот факт, что эта статья претерпела два издания, не вызывала никаких сомнений у правительственных учреждений, не поступило положительного указания на необходимость

¹ Полное собрание законов. Собрание третье. № 2719.

² РГИА. Фонд 1155 опись 1 Дело 457. Журнал совещаний редакторов по проекту нового издания законов о состояниях (объяснительная записка и журналы Совещания по проекту новой редакции Свода законов о состояниях Кодификационного Отдела. – Л.1-100.

сделать в этой статье изменение, то Собрание решило оставить статью в прежней редакции.

Изменения носили не только технический характер (добавлялись ссылки, корректировались, соединялись и исключались примечания, объединялись статьи, менялась их очередность и структура, отдельные части статей и целые статьи переносили в примечание к этим же или другим статьям и пр.). В статье 56 меняли концовку, аналогичные изменения предлагались для ст.93, ст. 293 п.17. В отдельных статьях исключались или добавлялись слова (ст.203, 260, 261 прим., 714 и др.). К другим статьям добавляли примечания (ст.506 п.13).

Отдельные статьи исключались из текста в связи с изданием по этому предмету отдельных законов, например ст.367 в связи с изданием закона об усыновлении. Ст.656-660 относились к устройству шестигласных дум, которые были введены только в Петербурге и Москве, а в других городах никогда не существовали. В связи с введением в столицах Городового Положения означенные статьи признали утратившими значение и подлежащими исключению. Ст.762 исключили в связи с преобразованием в 1871 г. устройства колонистов. Статьи исключались и в случае повторов или специальных законов по этим предметам. В отдельных случаях примечания таких статей переставлялись в другие статьи (см., ст.731, 748, 749).

Обсуждение проектов свидетельствует о динамичном развитии системы российского законодательства. В частности, ряд статей, отнесенных по предмету к закону о состояниях, теперь переносились в специальные уставы. К примеру, ст.759-761 из закона о состояниях переносили по принадлежности в Устав Духовных Дел Иностранных исповеданий.

В целом утрата самостоятельности кодификационного органа и его встраивание в структуру Государственного Совета не привело к улучшению качества кодификационных работ. В числе наиболее серьезных нарушений правил кодификации выделим отсутствие указаний в законопроектах

отменяемых статей Свода Законов¹, их необходимость была установлена правилами 1885 г. Тем самым обязанности законодателя перекладывались на кодификаторов.

Совершенствование редакционно-технических приемов включения новых законов в Свод не могло изменить содержания кодификации и природу особого порядка кодификационного изменения законодательства. Все российские законы по-прежнему применялись по статьям Свода Законов, а их переработкой для включения Свод занимались кодификаторы. Переработка затрагивала даже название законов. Так, Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. получили в апреле 1884 г. по Высочайшему указу наименование Судебные Уставы Александра II². При их переиздании Кодификационным отделом в 1892 г. упоминание об Александре II было опущено³.

Постоянное увеличение кодификационных ошибок не отменяло правило об обязательности его текста и приоритет перед подлинным текстом закона. Правила, принятые для исправления ошибок в 1836 и 1885 г., определяли лишь действия кодификаторов и их взаимодействие с ведомствами и Государственным Советом, но не давали рекомендаций практикам на этот случай.

Таким образом, перестав быть структурой в системе верховного управления кодификация осталась инструментом законодательной политики, предназначенным для сохранения «надзаконного» положения Императора и осуществления нормотворчества в порядке Высочайшего управления. Высочайшее соизволение требовалось для издания продолжений и отдельных частей Свода Законов и его обнародования Правительствующим Сенатом⁴. Императором утверждались планы кодификационных работ, структура

¹ См.: Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1895 год. Первое полугодие. – СПб., Типография Правительствующего Сената, 1895. Ст.52, 65, 110, 116, 118, 119 и др.

² Полное собрание законов. Собрание третье. № 2153.

³ Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1893 год. Первое полугодие. – СПб., Типография Правительствующего Сената, 1893. № 79, ст.663.

⁴ Полное собрание законов. Собрание третье. №№ 2269, 3468, 4078, 7301.

кодификационного органа и существенные кодификационные изменения законодательства.

Неизменность цели кодификации определила развитие ее техники в направлении дальнейшей бюрократизации и формализации. Кодификационные работы осуществлялись средствами редакционной переработкой законодательства для встраивания в систему Свода Законов. Реализация задачи по сохранению практической применимости Свода ставила законотворчество в зависимость от кодификационного порядка изменения законодательства. Наиболее отчетливо эта тенденция проявилась после передачи кодификации в Государственную Канцелярию. Анализ техники кодификационных работ с 1893 г. позволяет говорить о появлении ее новой разновидности «канцелярская кодификация». Эта техника придавала своеобразие российской кодификации и не имела аналогов в Западной Европе.

3.2 Организация и техника кодификационных работ после принятия Основных законов от 23 апреля 1906 г.

Укрепление законности в Российской империи путём проведения кодификационных работ имело цель защитить основы абсолютистского государства и сохранить «надзаконное» положение российского монарха. Даже в условиях политического кризиса и нарастания революционной напряженности телеологическая направленность кодификации оставалась неизменной. Примером тому служит высочайший указ принятый накануне революции 1905-1907г. В нём закон рассматривался как важнейшая опора престола. Свод Законов рассматривался как проверенное средство управления государством¹.

Вместе с тем институциональные изменения государственного строя, связанные прежде всего с проведением реформ сословного строя, судоустройства и местного самоуправления на буржуазных принципах показали невозможность такого одностороннего подхода к правопорядку.

¹ Полное собрание законов. Собрание третье. Т.24. № 25495.

Буржуазный правовой строй и конституционная модель государства, которую отстаивали оппозиционные власти слои гражданского общества, определяли наличие системы народного представительства.

Рост и радикализация оппозиционных настроений в обществе, перешедших в 1905 г. в вооруженное противостояние режиму, вынудили Николая II к существенным изменениям в организации власти. Они выразились в формировании двухпалатной системы народного представительства, включавшей Государственную Думу и преобразованный Государственный Совет.

Основательная научная проработанность вопроса о юридико-технических аспектах работы обеих палат законодательного органа в юридической литературе избавляет нас от подробного изложения этого вопроса¹. В рамках данного исследования важно следующее. Попытки самодержавной власти сохранить законодательные полномочия в условиях не просто совещательного функционирования, а обязательного участия Государственной Думы и Государственного Совета в законодательной деятельности на что указывают ст.7-9, ст.47, ст.86 Основных законов² не позволяют говорить об отсутствии существенных изменений в российском правопорядке, как это делали многие юристы.

Закрепление в Основных законах лазеек (ст.10, 87), позволяющих императору обходить народное представительство (по подсчетам В.С. Дякина с июня 1906 по февраль 1907 г. на их основе было принято 60 чрезвычайных постановлений³) не отменяют того факта, что в России впервые появился орган, разделяющий с императором законодательные полномочия и дающий

¹ См.: Кочеткова И.В. Законодательная деятельность Государственной Думы Российской империи (1906-1917): Юридико-технические аспекты. диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01. – М., 2004. – 176с.; Чинарян Е.О. Становление и развитие законодательной техники в дореволюционной России: историко-теоретическое исследование: дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01. – Москва, 2009. – 174 с.

² Свод законов Российской империи. Т.1. Свод Основных государственных законов. Издание 1906. – СПб., 1906.

³ Дякин В.С. Чрезвычайно-указное законодательство в России (1906 – 1914) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т.7. Ленинград, 1976. – С.253, 254.

по словам С.А. Беляцкого «возможность массе непосредственно влиять на законодательство»¹.

Всякое новое законоположение переходной эпохи законодательства, соединенное с преобразованием действующего порядка Свода Законов, затрудняло ход кодификации. В начале XX в. изменения затронули начала Основных законов государства. Помимо Свода Законов действовали временные и переходные правила, имевшие силу закона на определенное время. Отдельные меры чрезвычайного характера принимались с Высочайшего соизволения в порядке верховного управления.

Изменения в организации законодательных органов разрушали основную идею Свода Законов. Новое постановление должно было войти в его систему. Однако эта система по первоначальному замыслу «единожды навсегда устроенная» неоднократно менялась и обветшала, а содержание новых законов противоречило порядку государственной жизни, изложенному в Своде Законов.

Согласование новых постановлений со старыми стало весьма сложной задачей, так как оно переставало быть простым редакционным делом. Много примеров такого рода неудачной кодификации приведено в докладе И.В. Гессена². Эти обстоятельства не просто затрудняли приведение Свода Законов в стройный вид и поддержание его практической применимости, но и наносили существенный вред практике. Как полагал И.В. Гессен, хорошие законы вообще не применимы при абсолютизме, так как в нём заключено отрицание законности.

Для понимания проблем проведения кодификации, возникших в обновленном государственном строе Российской империи, необходимо акцентировать внимание и на изменении статуса Государственного Совета. Из органа при императоре он стал верхней палатой законодательного органа.

¹ Труды Юридического общества при императорском С.-Петербургском университете / под ред. М.М. Винавера [и др.]. Т.1 (1908-1909 г.) – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1910. – С.297.

² Там же. – С.492.

И наличие в структуре одной из палат кодификационного учреждения, имевшего значение исполнительного органа, но обладавшего широкими дискреционными полномочиями по истечении более семидесяти лет после принятия Свода Законов не имело разумного оправдания¹.

Переустройство высших органов власти вызвало два важных вопроса в отношении кодификации. Один содержательного, другой организационного свойства. В содержательном плане возобновилась дискуссия о значении кодификации в условиях обновленного государственного строя.

Так, на заседании Юридического общества 27 февраля 1909 г. И.В. Гессен поднял вопрос о значении понятия «кодификация». Он полагал, что под кодификацией в западноевропейской правовой науке принято понимать «переработку действующего законодательства страны в одно стройное целое, создание кодекса, уложения, которое проникнуто общей мыслью и в систематической форме представляло все или часть законодательства, регулирующего юридическую жизнь страны»².

По мнению И.В. Гессена, кодификация предназначена для свободного развития права. Она позволяет сформировать общие начала действующего права. При наличии стройного систематического кодекса судьи и другие правоприменители избавлены от использования отрывочных законоположений для разрешения возникающего правоотношения³.

Европейский опыт кодификации И.В. Гессен подразделил на два пути: революционный, заключающийся в полной смене старых начал и выработке новых; второй путь состоял в переработке действующего права, сводя его в единое целое и исключая из него противоречия. Сходная позиция высказывалась Н.К. Ренненкампом⁴. Именно второй путь был избран в России и реализовывался до 1857 г. После этого планируемое изначально каждые десять лет полное переиздание Свода Законов прекратилось.

¹ Лозина-Лозинский М.А. Указ. соч. – С.100.

² Там же. – С.480.

³ Там же. – С.481.

⁴ Ренненкампф Н.К. Указ. соч. – С. 18-20.

Сложно согласиться с исследователями, полагавшими, что выбор второго пути предопределил неизменность техники кодификации. В диссертации Т.Ю. Борисовой высказана позиция о том, что во Втором отделении и в органах кодификации при Государственном Совете вплоть до 1918 г. техника кодификации не менялась¹. Аргументы в пользу того, что деятельность Второго отделения по созданию Свода Законов не была «механической переработкой» действующих узаконений приведены нами во второй главе исследования. «Переплавкой накопившегося материала законодательства» называл каждое новое издание томов Свода Законов К.И. Малышев².

Деятельность Второго отделения, по верному замечанию М.А. Лозина-Лозинского, привела к появлению нового, так называемого «кодификационного порядка» изменения законодательства, имеющего отличительные черты³. В текст кодификационных изданий включали не только обнародованные законы, но и неопубликованные узаконения, не размещенные в Полном Собрании, к примеру мнения Государственного Совета и Высочайшие повеления.

Практику составления продолжений Свода Законов И.В. Гессен считал противоречившей задачам кодификации. Он полагал, что «каждая законодательная новелла» представляет собой единое целое. Она связана общим началом и проникнута определенной идеей. Разделение закона на части, уничтожает его внутреннюю связь и возможность его систематического толкования. Продолжения, по его мнению, не имели никакого общего плана, их издание не содержало определенной идеи.

Включение новых статей рядом со старыми нормами, не связанными между собой по смыслу, приводило к абсурдным выводам при их толковании. Так, в переходных законодательных актах, принятых в Государственной Думе

¹ Борисова Т.Ю. Указ. соч. – С.93.

² Малышев К.И. Курс общего гражданского права России. Т.1. – СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1878. – С.293.

³ Лозина-Лозинский М.А. Указ. соч. – С.17.

закреплялись свобода совести, свобода слова, собраний, союзов. Новые элементы правопорядка противоречили по смыслу началам сословно-крепостнического строя, на нормативной базе которого был составлен Свод Законов. Появление многочисленных новаций не позволяло сохранять единство и целостность структуры Свода Законов.

Наглядно эта двойственность проявилась в XVI томе. В нём объединили Судебные Уставы 1864 г. с дореформенным законодательством о судоустройстве¹. Вследствие этого законодательство периода Великих реформ существенно не изменило систему законодательства в целом, но усилило ее противоречивость, неоднородность и несовершенство.

Механическая эклектика старых и новых узаконений в одном Своде Законов делала его тома, не связанными внутренним единством периодически пополняемыми сборниками действующих отраслевых законов. Так, т.Х ч.1 Г.Ф. Шершеневич называл «негодным и предназначенным к сломке»². Этот факт, по его мнению подтвержден самим законодателем, практикой и наукой.

Отметки в примечаниях под статьями или в продолжениях Свода об издании нового закона в дополнение, изменение или отмену статей Свода, по мнению К.И. Малышева, не избавляли учёных и судей от изучения нового закона и определения его места в системе законодательства³. Вывод о необходимости изучения подлинного текста закона после его кодификационной переработки и включения в Свод Закона при применении поддерживал и Н.М. Коркунов⁴.

Такая своеобразная, присущая исключительно России техника кодификации, была допустима до проведения Судебной реформы 1864 г. До принятия Судебных Уставов судьям запрещалось толковать закон. Его смысл в случае необходимости устанавливала вышестоящая инстанция. После

¹ Джаншиев Г.А. Основы судебной реформы. (К 25-летию нового суда): Историко-юридические этюды – М.: Тип. М. П. Щепкина, 1891. – С.36-46.

² Шершеневич Г.Ф. История кодификации гражданского права в России. – Казань: тип. Имп. ун-та, 1898. – С.21.

³ Малышев К.И. Указ. соч. – С.293.

⁴ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. – СПб., 1914. – 331, 332.

принятия Устава гражданского (ст.10) и Устава уголовного судопроизводства (ст.13) судьи не могли приостановить решение по причине неясности или иного недостатка закона.

Поэтому если до 1864 г. кодификация была призвана помочь судье или иному правоприменителю найти закон, то теперь судье надо было самостоятельно осуществить точное грамотное систематическое толкование закона¹. Об утрате практической значимости и начале распада структуры Свода Законов после Судебной реформы 1864 г., закрепившей судебное толкование законов, писали М.А. Корф, Н.М. Коркунов, М.А. Лозина-Лозинский. Свод перестал быть удобной «машиной» для обращения с законами, не требовавшей серьезных юридических знаний².

По этой причине Свод Законов следовало избавить от актов мелочной регламентации и развить его общие начала, принципы как руководство к действию по собственному усмотрению. О такой эволюции Свода Законов М.А. Корф писал еще в 60-х годах XIX в³. Однако реформы кодификационных учреждений, дважды проводимые после упразднения Второго отделения, не затронули порядка кодификации в виде продолжений.

Бюрократический подход к кодификации не упрощал задачи кодификаторов, так как по словам М.А. Лозина-Лозинского «кодификация Свода приняла хронический характер»⁴. Кодификация усложнялась в связи с увеличением законодательного массива. Его включение в Свод Законов занимало много времени.

Длительность кодификационных работ была связана не только с количеством законов, но и их новизной. Разделение закона для разнесения его статей по разделам Свода требовало профессионализма кодификатора для избежания искажения смысла, заложенного законодателем. Этот разрыв

¹ Труды Юридического общества при императорском С.-Петербургском университете. – С.484, 485.

² Коркунов Н.М. Значение Свода Законов. – С.113-115.

³ Корф М.А. О продолжениях и будущем новом издании Свода. – СПб., 1862.

⁴ Лозина-Лозинский М.А. Кодификация законов по русскому государственному праву. – СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1897. – С.17.

нарушал внутренние связи и раздробленного закона, и Свода Законов. Трудности вызывало определение статей Свода Законов, подлежащих изменениям и мере этих изменений.

Структура кодификационного учреждения существенно не изменилась со времен Второго отделения. Отделение Свода Законов подразделялся на редакции каждая из которых занималась отдельными томами Свода Законов, Полным собранием или сборниками местных узаконений. Неравномерность объема законодательного материала, включаемого в Свод, приводила к временному переводу чинов в другие редакции. В целом штат редакций сохранялся. Фактически им управлял Статс-секретарь. В 1893 г. эту должность занял К.И. Малышев. В 1907 г. Статс-секретарем стал С.В. Безобразов. В зависимости от объема тома полагалось определенное число помощников (от одного до трёх).

Помощники в сотрудничестве с делопроизводителями отслеживали изменения законодательства по соответствующему тому, внесенные изменения включали в указатель, готовили необходимый для изменения законодательства материал и составляли справки по запросам различных ведомств. К обязанностям помощников относилось и составление проектов объяснений, замечаний, справок, заключений об отношении обсуждаемых в Государственном Совете законодательных вопросов к постановлениям действующего законодательства и Своду Законов.

Содержание этих документов как правило включало ответ на вопросы об отношении рассматриваемого вопроса к прежнему законодательству в его историческом развитии, об изменениях и дополнениях вносимых законопроектом в действующее законодательство и об определении его места в Своде Законов. Эти объяснения, которые делал в Государственном Совете Государственный Секретарь, влияли на изложение законопроекта¹.

Численный состав Отделения Свода законов при общем увеличении численности служащих Государственной Канцелярии почти в два раза

¹ Государственная Канцелярия. – С.369.

сократился с 53 до 45 человек в 1906 г.¹. Только к 1912 г. штатная численность отделения была восстановлена, а затем увеличилась – в 1916 г. составляла 73 человека.

Использование техники продолжений Свода Законов увеличивало возможность совершения кодификационной ошибки. Как точно подметил М.А. Лозина-Лозинский, возрастала угроза оставления в Своде измененной или отмененной новым законом статьи. Более грубым нарушением законодательного порядка он называл согласование кодификатором статей старого и нового закона для их включения в Свод.

Такой кодификационный прием менял смысл закона без участия законодательного органа. В период работы Второго отделения этот вопрос решался путем Высочайшего утверждения по докладу Главноуправляющего окончательных редакций статей Свода Законов или иных его исправлений². Утверждение узаконения Императором и после образования Государственной Думы считалось способом придания акту юридической силы закона. Однако положение Отдела Свода Законов не давало такой возможности.

В результате измененный в кодификационном порядке новый закон зачастую не отменял несогласные с ним прежние узаконения, а напротив ассимилировался с ними. Дальнейшее искажение первоначального смысла закона происходило на практике. Правоприменитель устанавливал общий смысл не из статей нового закона, а из совокупности статей Свода рядом с которыми эти статьи были размещены³.

Дискуссионным оставался вопрос об органе кодификации в условиях обновленного государственного строя. Ряд юристов (например С.А. Друцкой, В.Д. Кузьмин-Караваев) считали, что кодификационная работа должна быть сконцентрирована в одном законодательном учреждении. Их также не устраивала «канцелярская кодификация» в виде сводных продолжений, но для

¹ РГИА. Фонд 1162. Оп.12. Дело 23, 34.

² Полное собрание законов. Собрание второе. № 49361, 49595, 52317, 54511.

³ Лозина-Лозинский М.А. Указ. соч. – С.21, 22.

кодификаторов-частных лиц процесс согласования проектов новых законов они считали невозможным. Поэтому предлагали перенести кодификационную работу в Государственную Думу.

Другие, к примеру М.Б. Горнберг, А.Ф. Мейендорф полагали, что кодификационная работа не соответствует задачам и средствам законодательных учреждений. Кодификационная работа будет затруднена порядком голосования в Государственной Думе. Они предлагали обратиться к западному опыту, где этой работой занимались представители научного сообщества. Научная непроработанность многих вопросов кодификации не могла быть в России исправлена Государственной Канцелярией. Поэтому ее труды были полны ошибок, искажений смысла кодифицируемых законов¹.

Решить эти проблемы в Государственной Думе также не представлялось возможным. Первые два состава думы представляли собой бурлящий котел противоречий, что привело к их роспуску Императором. Третий состав напротив принимал все законодательные инициативы правительства без сдержек и всестороннего обсуждения.

Кодификационные проблемы требовали серьезного научно-практического осмысления и предварительной подготовки на уровне проекта. Полагаем, что в монархическом государстве такие задачи мог решать самостоятельный кодификационный орган, тесно связанный с верховной властью. Примером тому служил опыт Второго отделения, раскрытый в параграфе 2.2 данного исследования.

По факту состоявшееся в 1906 г. преобразование Государственного Совета в верхнюю законодательную палату существенно не отразилось на деятельности кодификационной части, которая продолжала быть обязанностью Государственной Канцелярии под руководством Государственного Секретаря.

¹ Труды Юридического общества при императорском С.-Петербургском университете. – С.496, 497, 498.

В ст.135 Учреждения Государственного Совета кодификаторов ограничивали необходимостью законодательного утверждения существенных изменений в расположении и изложении узаконений при внесении в Свод Законов. Однако такие обращения Государственного Секретаря в Государственный Совет были редки. Практика включения противоположных по смыслу статьям Свода Законов законоположений только подчеркивала наличие глубоких противоречий между старыми и новыми законами.

Неизменным оставалась обязательность использования Свода Законов всеми подвластными императору органами власти и управления. При этом механизм его использования постоянно усложнялся. Его кратко удалось охарактеризовать Н.И. Лазаревскому: найти соответствующий том Свода Законов в последнем издании, выделить в нем соответствующие вопросу статьи, обратиться к продолжениям Свода для проверки изменений или отмены правил по этому вопросу в действующем законодательстве¹.

С конца XIX в. Свод Законов стал объектом постоянной критики юристов². Главным замечанием оставалось отсутствие коренных юридических начал, общих положений, юридических аксиом. В этом К.Д. Кавелин упрекал М.М. Сперанского³. Однако по прошествии семи десятилетий после смерти великого кодификатора российские юристы не смогли предложить по этому вопросу ничего нового прежде всего руководящих начал по исправлению системы законодательства и новых кодификационных техник.

Так, для включения новых законов в Свод использовались примечания и приложения. Если при Сперанском эти приемы носили информационно-вспомогательный характер⁴, то теперь с их помощью решали задачу соединения противоположных по смыслу узаконений в Своде. Ряд примеров

¹ Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. – С.455.

² Березкин С.Ф. Сперанский как кодификатор. Речь, читанная С.Ф. Березкиным в заседании Одесского юридического общества 11 февраля 1889 года. – Одесса: Экономическая тип. (Б. Одесского вестника), 1889. – С.2-12.

³ Кавелин К.Д. Указ. соч. – С.910.

⁴ Сперанский М.М. Обзорение исторических сведений. – С.134.

использования этой техники привела Т.Ю. Борисова¹.

Хроническая смена основных начал законодательства, его текучесть делала кодификационные издания необходимыми для правительственных учреждений, для граждан, защищающих на основе закона свои права и требования. И юристы, и представители бюрократии признавали необходимость продолжения кодификационных работ над Сводом Законов. Пожалуй, только цивилисты ратовали за полную отмену т.Х и составление нового Гражданского Уложения².

Однако о необходимости приведения кодификационной деятельности в соответствие с принципом законности писали все юристы. Прежде всего настаивали на необходимости лишения кодификатора права по своему усмотрению менять смысл законов и исключать отдельные статьи из Свода Законов. В числе новых задач кодификации называли анализ судебной и административной практики для уяснения конкретных постановлений, требующих технического усовершенствования. На этой основе должны составляться законопроекты, направленные на улучшение Свода, для внесения в Государственный Совет. Кодификационные изменения и дополнения должны устанавливаться законодательным порядком³.

Однако нежелание Александра III и Николая II привести государственные институты и систему законодательства в соответствие с требованиями времени, восприятие ими Свода Законов как опоры самодержавной власти монарха тормозило обновление техники и переход к отраслевой кодификации. В условиях сохранения консервативной законодательной политики государства даже оппозиционно настроенные к власти юристы не видели возможности отмены Свода Законов.

Трудности в кодификационной деятельности все более возрастали. Так, в связи с введением в действие новых Основных государственных законов и

¹ Борисова Т.Ю. Указ. соч. – С.127-131.

² Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. – С.28; Пахман С.В. История кодификации. Т.2. – С.27.

³ Лозина-Лозинский М.А. Указ. соч. – С.110-112.

нового порядка законотворчества у редакторов Отделения Свода законов возник вопрос о дальнейшем внесении в Свод Законов постановлений, издаваемых в порядке верховного управления и о юридической силе этих актов. Этот вопрос рассматривался на Совещании Редакторов Отделения Свода Законов в мае 1907 г¹.

Совещание прежде всего обратилось к рассмотрению Высочайше утвержденного 5 ноября 1885 г². мнения Департамента Законов Государственного Совета о переработке Свода Законов. Согласно ст.7,10, 17 помимо законов в Свод Законов следовало вносить высочайшие повеления, состоявшиеся в порядке верховного управления по тем вопросам, которые не урегулированы законами и пояснительные постановления.

Такие акты вносили в Свод с особого разрешения Главноуправляющего Кодификационным Отделом. Позднейшим законодательством в эти правила были внесены изменения: установлено новое понятие о законах по смыслу статей 7, 9, 86 Основных законов 1906 г., а полномочия Главноуправляющего вследствие реорганизации кодификационного учреждения перешли Государственному Секретарю.

В ходе обсуждения участники Совещания высказали позицию, что если помещать в Свод только правила, состоявшиеся в законодательной порядке, то Свод лишится своего исторически сложившегося вида и станет иным собранием законов. Участники Совещания усомнились в преимуществах такого сборника, так как правовой быт государства и отдельных его членов определяется не только законами в тесном смысле, но и постановлениями, издаваемыми в порядке управления. Свод Законов как систематический сборник норм действующего права должен служить и практическим целям. Отнять у Свода его полноту, по мнению большинства редакторов, значило нарушить его соответствие с действительностью и уменьшить его

¹ РГИА. Фонд 1162. Опись 5. Дело 17 – 1908. – Л.4-6.

² Полное собрание законов. Собрание третье. № 3261.

практическую ценность¹.

Другим вопросом, обсуждаемым кодификаторами было выстраивание ограничительных выводов о невключении узаконений в Свод Законов, построенных на заглавных буквах. Этот прием они считали ошибочным. Во-первых, заглавие не всегда точное. Во-вторых, в Своде, кроме законов в узком смысле содержится множество правил, установленных Верховной властью вне законодательного порядка. Такое содержание они не рассматривали как результат отсутствия в прежнее время различий между актами законодательного и не законодательного свойства². Эти различия прослеживаются и в законодательстве, в частности в статьях 50, 54, 73 Основных государственных законов издания, в статьях 1, 31, 124-129 Учреждения Государственного Совета издания³.

Новые Основные Законы не создали различий, но точнее определили предел области верховного управления. Собственной властью согласно ст.11 Император издавал указы в соответствие с законами «для устройства и приведения в действие различных частей государственного управления» и «повеления необходимые для исполнения законов». По ст. 13 заключал договоры с иностранными государствами, а также устанавливал целый ряд других правил в соответствие со ст.14, 18, 19, 20, 22, 23, 96, 97.

Председатель и большинство членов Совещания пришли к мнению, что в отношении высочайших повелений, состоявшихся в порядке верховного управления при новом законодательном строе кодификационному установлению не надлежит более удостоверяться в том, что по содержанию их не существует правил, изданных в порядке законодательном.

Право такой проверки актов верховного управления в отношении признания их законного характера было дано Правительствующему Сенату. В

¹ РГИА. Фонд 1162. Опись 5. Дело 17 – 1908. – Л.6-8.

² Сергеева Н.В. Закон и указ в структуре актов законодательства Российской империи XIX- начала XX века // Закон и право. 2024. № 6. – С.28-41.

³ Учреждение Государственного Совета // Свод законов Российской империи. Т.1. Ч.II. – СПб., 1901.

его обязанности входило не разрешать обнародования постановлений, если порядок их издания не соответствует правилам Основных законов. Такие постановления Сенат возвращал по принадлежности с указанием, что они могут быть изданы только в законодательном порядке, установленном Основными законами (ст.92). По силе ст.91 законы не вступали в силу до обнародования. Обнародование постановления Правительствующим Сенатом и его отношение к содержанию Свода Законов было основанием для внесения его в Свод с разрешения Государственного Секретаря¹.

Только два члена Сопровождающего С.М. Латышев и барон А.А. Икскуль не согласились с сохранением прежнего порядка составления Свода и подали особое мнение. Его суть состояла в том, что внесение актов в порядке верховного управления приведет к толкованию законов на их основании. В то время как по юридической силе возможно лишь толкование актов верховного управления на основании законов. Контроль Сената, по их мнению, не мог помочь в этом вопросе. Так как Сенат по закону проверял только порядок их издания. Кроме того, они справедливо указывали на большую подвижность подзаконных актов.

Ряд практических замечаний был высказан и в отношении техники кодификации. При внесении законов в Свод переработка и изменения представлялись прямым последствием этих законов и взаимного соотношения этих законов по их логической взаимосвязи между собой. Вносимый кодификационным учреждением в этих случаях субъективный элемент заключался в определении соотношения между законами и присущей всякому толкованию неизбежной субъективности. Материал, которым оперировало кодификационное учреждение состоял исключительно из текста закона.

В новых условиях путь изменения Свода Законов, по мнению С.М. Латышева и барона А.А. Икскуль был только законодательным, исходящим от кодификационного учреждения путем представлений. В остальных случаях, без всякой замены новым постановлением исключение

¹ РГИА. Фонд 1162. Опись 5. Дело 17 – 1908. – Л.9.

внесенных в Свод прежних актов или основанных на них статей в случае замены их или изменения новыми актами.

На волне дискуссий в кодификационном учреждении возник вопрос о том, должен ли Свод Законов быть практическим сборником, полным и действительным. В особом мнении высказывалась точка зрения, что не закон должен соответствовать действительности, а действительность закону. Фактическое содержание Свода соответствовало тому, что по новым Основным Законам быть не должно¹.

Для того, чтобы Свод Законов привел в систему весь законодательный материал как юридическое основание, источник и мерило закономерности в действительности требовалось по мысли авторов особого мнения решить в законодательном порядке следующие кодификационные вопросы:

- вопросы о всеподданнейших докладах и законодательных представлениях, в связи с этим и вопрос о возможности образования «кодификационных статей»;

- вопросы об исключении узаконений из Свода в кодификационном порядке и о термине «исключение статей в порядке законодательном»;

- термины в цитатах или в ссылках, насколько в них выражается юридическая квалификация цитируемого акта, а также признание такой квалификации правильной.

В ст.119 Учреждения Государственного Совета указывалось, что кодификация совершается на основании особых правил, без указания на то, каковы эти правила. Из этой статьи неясно будет ли кодификационная деятельность определяться в законодательном порядке или в инструктивном.

В виду того, что неизбежным последствием кодификации будет изменение в тексте законов, то основные правила кодификации и определение ее сущности, пределов и полномочий кодификационного учреждения должны быть установлены законом. В итоге всех дискуссий прежний порядок

¹ Макаров А.Н. К истории кодификации Основных законов // Журнал министерства юстиции. 1912. № 10. – С.269-270.

составления Свода Законов в целом сохранился¹, что вызвало массу критических откликов среди депутатов Государственной Думы и в прессе².

При новом составе и строе законодательных учреждений изменилась роль Государственного Секретаря. Кодификационное учреждение стали активно привлекать к предварительной разработке законопроектов. В 1908г. Отделение Свода Законов особым распоряжением Совета Министров было непосредственно привлечено к сообщению заключений по всем затрагивающим постановления Свода Законов проектам и к участию в лице представителей Государственной Канцелярии в междоведомственных совещаниях, разрабатывающие такие законопроекты. Со временем такого рода консультационная деятельность стала основной для старших чинов Отделения Свода Законов.

Таким образом, функции Отделения Свода Законов состояли в разработке и издании Полного Собрания и составлении заключений по вырабатываемым ведомствами законодательным предположениям – участие в межведомственных комиссиях, образуемых для разработки особо сложных законопроектов. Деятельность Отделения Свода Законов не находилась в тесной связи с Государственным Советом.

Необходимость продолжения Полного собрания после начала издания в 1862 г. Собрания узаконений Сената у юристов вызывала сомнения. К примеру, Н.М. Коркунов считал Полное собрание вредным для практики, так как в него включали и неопубликованные законы³. По мнению М.А. Лозина-Лозинского, хронологию утверждения законов Верховной властью позволяло понять Собрание Узаконений. Проблема наличия в этом собрании материала, не имеющего законодательного характера могла быть

¹ РГИА. Фонд 1162. Опись 5. Дело 17. Порядок кодификационных работ по Своду Законов Российской империи. Л.12.

² См.: Г.Г. // газета Россия. 13, 14 ноября 1910 г. № 1531, 1532 – на высказанные в этой и других статьях критические замечания пришлось отвечать в Государственном Совете Статс-секретарю С.В. Безобразову.

³ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. – С.317, 318.

решена его редактированием¹. Сохранение исторической значимости, но отсутствие юридической силы у Полного собрания не давали, по мнению названных учёных, оснований обременять этой работой кодификационное учреждение.

В целом анализ деятельности Отделения Свода Законов позволяет сделать ряд выводов и выделить следующие особенности техники кодификации в период с 1906 по 1917 г.:

- *охранительный характер*, проявивший в неременном сохранении законной силы Свода Законов и «ассимиляции» новых законов при включении их в Свод, бюрократизации кодификационного учреждения, не стремившего стать опорой законности. Доминирование политических целей в ходе проведения кодификации препятствовало развитию ее юридической техники;

- *консервативный подход*, выражавший в использовании канцелярско-редакционных приемов к кодификации в виде продолжений в Своду Законов, сохранении неизменными цели, задач, правил, инструкций и способов проведения кодификации при переходе к системе народного представительства;

- *противоречивость*, обусловленная необходимостью включения в Свод Законов разных по природе и смыслу узаконений, быстрым устареванием законодательства и наличием бюрократических препон для осуществления законного порядка его обновления;

- *дефектность* кодификационных работ связана с противоречивостью выполняемых задач, резким увеличением нормативного материала, возрастанием сложности кодификации, отсутствием научных исследований в области техники кодификации;

- *политический характер*, определяемый приоритетом политических решений над юридическими при проведении кодификационных работ, использованием кодификации как средства управления и сохранения самодержавного строя;

¹ Лозина-Лозинский М.А. Указ. соч. – С.102, 103.

- *надзаконное состояние* техники кодификации определялось приоритетом нормотворчества в порядке управления над законным порядком принятия узаконений, уравниванием Высочайших указов с законами, наличием двух альтернативных путей принятия законов, недоработанностью законодательного и привычностью указного порядка изменения законодательства, широкими дискреционными полномочиями кодификаторов;

- *практикоориентированность* техники кодификации выражалась в обеспечении практической применимости и удобства свода законов для решения управленческих задач. Интересы управления при выборе подхода к кодификации всегда стояли выше интересов законности.

После февральской революции 1917 г. вновь возник вопрос о дальнейшей судьбе кодификационного органа. Он был связан с прекращением деятельности Государственного Совета и соответственно возможным упразднением Государственной Канцелярии. Деятельность Государственной Канцелярии 9 марта 1917 г. по словесному распоряжению Председателя Временного Правительства была приостановлена в связи с изменением государственного строя. Для разработки вопроса о ее упразднении образовали совещание под председательство товарища Государственного Секретаря Сенатора Дерюжинского.

Однако 24 марта 1917 г. Комиссар Временного Правительства по Государственной Канцелярии Д.Д. Гримм обратился к Временному Правительству с просьбой о возобновлении ее деятельности. Основанием тому были тысячи дел, находившиеся в производстве и продолжавшие поступать к власти прошения от населения. Отсутствие нового порядка обращения к Верховной власти вынудило Временное Правительство возобновить делопроизводственные обязанности Государственной Канцелярии с 28 марта 1917 г., не приостанавливая деятельности совещания¹.

¹ РГИА. Фонд 1162. Опись 2 – 1917. Дело 3. – Л.3-6.

Отделение Свода Законов Государственной Канцелярии продолжило кодификационную работу. Теперь предметом систематизации становились акты Временного Правительства¹. В сборник актов первого состава Временного Правительства помимо указов и постановлений законодательного характера были включены некоторые меры отдельных ведомств во исполнение решений Правительства. Источником сборника стали для Отделения Свода Законов сенатское издание «Собрания узаконений и распоряжений Правительства» и «Вестник Временного Правительства».

При распределении материала к отделу законодательных актов выделили те из них, которые имели ближайшее отношение к Своду Законов. Для облегчения поиска новейших постановлений, существенно затронувших текст Свода Законов, была составлена таблица в составе указателей Сборника. В ней перечислялись по томам Свода Законов названия постановлений и указов Временного Правительства, которые следует иметь в виду при обращении к статьям Свода. Задержки в опубликовании актов Временного Правительства привели к тому, что в сборниках нарушался, избранный кодификаторами хронологический принцип. Такие акты помещались в конце соответствующих отделов.

Внутренняя структура первого сборника включала семь отделов: акты об образовании, организации Временного Правительства и его программные документы; акты законодательного свойства; меры верховного управления; акты церковного управления; постановления в сфере военного и морского управления, меры и административные распоряжения по отдельным ведомствам; воззвания и заявления Временного Правительства. Сборник сопровождался азбучно-предметным и хронологическим указателем. Отдельно выделен перечень актов Совета Министров, изданных в порядке ст.

¹ Сборник указов и постановлений Временного Правительства. Выпуск № 1. 27 февраля – 5 мая 1917 год. Составлен Отделением Свода Законов Государственной Канцелярии. – 1917. – 565 л. // РГИА. Ф.1 Б Оп.1 Д.12534.

87 Основных законов, отмененных или измененных постановлениями Временного Правительства¹.

Тем самым Отделение Свода Законов продолжило кодификационную практику, начатую еще в 1906 г. Она определялась ст.87 Основных законов, позволявшей Императору обходить противодействие Государственной Думы в отношении отдельных законодательных мер. Чрезвычайно-указные постановления не только действовали наравне с законами, но и были кодифицированы в пяти сборниках².

Вследствие этого Отделение Свода Законов разработало специальные приёмы кодификации. Сборник начинался предисловием, в котором разъяснялись используемые в нем юридические термины, в том числе вводились новые термины, к примеру «приостановлено» и «продлено» в отношении законодательных мер временного характер. Постановления, включенные в сборник, располагались в хронологическом порядке в первой части с указанием номера статьи Собрании Узаконений как первоначального источника опубликования. Во второй части приводилась таблица изменений статьями постановлений статей Свода Законов. Сборник сопровождался хронологическим и предметным указателем. И факт появления такого сборника и техника кодификации была высоко оценена юристами³. Сохранение чрезвычайного характера нормотворчества при Временном правительстве обусловило востребованность этой техники кодификации.

Во втором выпуске Сборника указов и распоряжений Временного Правительства (5 мая – 24 июля 1917 г.) Отделение Свода Законов изменило систему распределения нормативного материала. Акты сгруппированы и распределены по 24 отделам. В отличие от первого сборника акты, относящиеся к отдельным делам и случаям не вносились. Их реквизиты

¹ Сборник указов и постановлений Временного Правительства. Выпуск № 1. – С. I-III.

² Сборник постановлений, изданных в порядке статьи 87 Основных государственных законов, с указанием отношения этих постановлений к правилам действующего Свода Законов. 1906-1907 гг. – СПб., 1907.

³ Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских Основных законов. – М., 1912. – С.61.

указывались в подстрочниках к соответствующим общим постановлениям выпуска. Важные акты распорядительного характера (наказы, инструкции, распоряжения), изданные отдельными министрами были помещены в приложения. В связи с увеличением количества актов для удобства пользования их распределили на три непоименованные части, подразделенные на отделы.

В первой части располагались акты, регулирующие деятельность высших, центральных, местных органов управления и самоуправления, а также судебной части. Во вторую часть поместили отраслевые акты по различным сферам деятельности. Третья часть состояла из четырех указателей, в том числе указатель отношения постановлений Временного Правительства, помещенных в обоих выпусках, к правилам Свода Законов¹.

Отделение Свода Законов планировали перевести в состав Сената, с деятельностью которого оно стоит в непосредственной связи. С декабря 1862 г. Сенат был не только исполнителем, но и хранителем законов. Речь идет об издании Собраний узаконений при Сенате². В его состав подлежало включать все законы и общеобязательные распоряжения центрального правительства. Это собрание по требованиям закона оказалось полнее Полного собрания, но в отличие от него в Собрание узаконений включали только обнародованные в установленном порядке законы.

Несогласованность между Сенатом и кодификационным учреждением создавала проблемы при обнаружении неясности закона вследствие кодификационной ошибки. Сенат при разъяснении закона обнаруживал кодификационную ошибку и устанавливал невозможность его применения. Кодификационное учреждение зачастую игнорировало разъяснения Сената в своих изданиях. Способов разрешения этих противоречий в законе не было, что затрудняло применение Свода на практике³.

¹ Сборник указов и постановлений Временного правительства: Вып.2: 5 мая – 24 июля 1917 г. Ч.1. Отд. I-VIII / Сост. Упр-нием Кодификационной частью. – 1918. – С.I-VII.

² Полное собрание законов. Собрание второе. № 39 070.

³ Лозина-Лозинский М.А. Указ. соч. – С.100.

Ввиду особо важного значения кодификационной деятельности, при Сенате было образовано особое присутствие по вопросам, связанным с кодификацией. Обнародование законов считали необходимым производить при ближайшем участии кодификационного отдела.

Заключениями отдела Свода Законов постоянно пользовались как Канцелярия Временного Правительства, так и различные ведомства. Значение принимаемых правительством актов велико. С их изданием исключались отделы, рушились иногда целые части Свода Законов, коренным образом менялись многие статьи Свода. Поэтому приведение законов в ясность, изложение их в удобопонятной форме, то есть кодификация законов, являлась крайне необходимой.

Для быстрого и успешного хода дел в Канцелярию Кодификационного отдела предполагалось включить в каждую редакцию кроме редактора, не менее двух, а в более сложных редакциях и трех помощников. Редакторами назначали только лиц, опытных в кодификации и сведущих в законах.

Новый государственный строй предполагал переработку всей системы Свода Законов, неудовлетворительной во многих отношениях. Как писал Г.Ф. Шершеневич, «право настолько разошлось с жизнью, что каждый из этих элементов идет своим путем»¹. Жизнь стала пробивать новые пути помимо правовых форм. И такое положение вещей вело к подрыву уважения со стороны общества к закону.

Так, неудовлетворительной была система расположения законов в шестнадцати томах Свода. Она была вызвана стремлением уложить разные уставы в рамки существующего подразделения Свода на шестнадцать томов. Так, например, т. XI, ч.1 содержал Уставы Духовных Дел Иностранных Исповеданий (изд. 1896 г.), и Свод Уставов Ученых Учреждений и учебных заведений Министерства Народного Просвещения (изд. 1893 г.), не имевшими ничего общего с первыми. В отдельных томах Свода Законов сохранилось

¹ Шершеневич Г.Ф. История кодификации гражданского права в России. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1898. 128 с. – С.114.

немало архаических постановлений, отживших правил, утративших значение и смысл слов и выражений и пр.

Проведенное в третьей главе исследование позволяет сделать следующие выводы. Объединение кодификации и законотворчества в Государственной Канцелярии Государственного Совета привело к стиранию различий между этими видами юридической деятельности. Кодификация стала восприниматься как стадия законодательного процесса, состоящая в приведении вновь принятых узаконений в соответствие с системой Свода Законов.

Такой подход не только противоречил сути кодификации, но и создавал практические проблемы. Динамически развивающееся законодательство второй половины XIX – начала XX в., созданное на новых началах буржуазного права, не вписывалось в систему Свода Законов. Искусственное включение новых норм, узаконений в Свод, в том числе имевших временный характер, затрудняло применение и толкование российских законов.

Анализ техники кодификационной работы в Государственной Канцелярии показал ее бюрократизацию и формализацию, что не способствовало ее совершенствованию. Накопление опыта проведения кодификации не могло изменить главное в ней, а именно ее взаимосвязь с законодательной политикой абсолютистского по своей природе государства. Появление в таких условиях новых узаконений, связанных с созданием буржуазных правовых и государственных институтов не изменяло ситуацию, а напротив приводило к углублению политического кризиса во взаимоотношениях власти и общества.

С конца XIX века «канцелярская» кодификация, реализуемая путем механического редактирования Свода Законов, стала тормозом развития буржуазных отношений в России, а ее проведение источником общественного недовольства, политических и юридических разногласий, нападок в социал-демократической прессе. Свод Законов перестал соответствовать требованиям

кодифицированного закона. Он стал сборником, несвязанных между собой общим смыслом и даже единой юридической природой узаконений.

Основные законы от 23 апреля 1906 г., юридически оформившие создание законодательных органов власти в лице Государственной Думы и Государственного Совета, не упорядочили законодательный процесс в Российской империи, а напротив прочнее закрепили его двойственность. С одной стороны – законодательный, с другой – чрезвычайно указной путь. Они имели не только разный порядок, но и цели. Юридическим основанием законного пути стали Основные законы 1906 г. Второй путь нормотворчества обеспечивался Сводом Законов. Оба эти пути восходили к верховной власти Императора, без утверждения которого не мог вступать в силу ни один закон.

Канцелярско-редакционная техника продолжения Свода Законов препятствовала развитию законодательного пути. Обновление техники кодификационных работ касалось изменения цели, способов и правил кодификационных работ, широких дискреционных полномочий кодификаторов по изменению законодательства.

Важнейшие вопросы техники кодификации были выработаны юридической наукой, определены ее положительные и отрицательные стороны. Однако сохранение надзаконного нормотворчества в порядке Высочайшего и подчиненного управления, канцелярского подхода к кодификации в Государственном Совете, общеобязательного значения Свода Законов препятствовало формированию единых руководящих начал Свода Законов и тормозило переход к отраслевой кодификации на принципах буржуазного права.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие заключительные выводы. Основным итогом кодификационной деятельности в первой половине XIX в. следует признать создание возможности для перехода от эмпирического к рациональному подходу к формированию системы российского законодательства. Высочайшая установка на сохранение действующего российского права обусловила выбор методики кодификационных работ. Её формирование осуществлялось путем осмысления опыта кодификации в России и западноевропейских государствах в исследовательской парадигме исторической школы права.

Особую роль в деле кодификации сыграло образование Второго отделения. Его устройство за более чем пятидесятилетний период деятельности менялось неоднократно. Во главе отделения с 1826 по 1839 г. стоял Начальник. Эту должность до своей смерти занимал М.А. Балугьянский (фактическим руководителем был М.М. Сперанский). После смерти в 1839 г. М.М. Сперанского Дашков был назначен Главным управляющим Вторым отделением. Возрастание объема работы потребовало в 1864 г. введения должности Товарища Главного управляющего Вторым отделением.

Многие руководители Второго отделения занимали параллельно и другие высшие должности. Так, М.М. Сперанский одновременно с работой во Втором отделении был Председателем Департамента Законов Государственного Совета, князь С.Н. Урусов будучи Главным управляющим Вторым отделением занимал аналогичную должность.

Однако неизменным в положении Второго отделения оставалось его место в системе Высочайшего управления. Общие основания кодифицированных актов лично по докладу Главного управляющего Вторым отделением утверждались Императором. Им определялся состав кодификаторов и очередность разработки кодифицированных актов. По инициативе императоров во второй и третьей четверти XIX в. были

разработаны, обсуждены и одобрены проекты кодифицированных актов, ставшие юридической основой Великих буржуазных реформ.

Свод Законов Российской империи стал главным результатом кодификационной деятельности Второго отделения. Он был первым опытом систематической обработки российского законодательства. Помимо этого, Свод дал целостное понимание системных проблем российского законодательства и юридической доктрины, а также позволил определить пути и способы их устранения. Поэтому составление Свода Законов следует признать необходимым этапом кодификационной деятельности и развития российского законодательства, отечественной теории и истории права.

Свод Законов не только определил строение системы российского законодательства, но и заложил основы техники российской кодификации, а также существенно продвинул уровень законодательной техники в России. В частности, был обеспечен конкретный порядок изменения законов. До принятия Свода Законов каждый новый устав заканчивался словами о том, что все законы не согласные с новым уставом отменяются. Однако, в чем это согласие или несогласие выражалось доискиваться приходилось исполнителям, у которых возникала масса вопросов о действии или отмене прежних постановлений. Поэтому принятие нового закона сопровождалось сомнениями и неизвестностью.

Появление Свода Законов привело к тому, что в каждом новом уставе и положении указывались статьи Свода, к которым они относятся. Кроме того, определялось шесть порядков такой отсылки (в пояснение, в дополнение, в отмену, в перемену, в ограничение, в замену статьи такой-то). Установленный порядок помимо прочего обеспечивал связь нового законодательства с прежним, делая его составной частью целого.

Составление Полного собрания и Свода Законов Российской империи с одной стороны определило строение законодательства и облегчило его практическое использование, с другой стороны открыло путь для проведения отраслевых кодификаций. Высочайшей политической волей был избран

консервативный путь неизменности Свода Законов и сохранения его юридической силы.

Поэтому после вступления в силу Свода Законов Второе отделение продолжило кодификационную деятельность в двух направлениях: развитие Свода Законов для удобства его практической применимости и проведение отраслевых кодификаций. Личное участие Николая I и Александра II в деле кодификации, верный выбор главноуправляющих Вторым отделением, их высокий профессионализм и непосредственное участие в работе по составлению проектов кодифицированных актов способствовали высокой результативности кодификации, осуществленной Вторым отделением. Его постоянная работа с 1826 по 1883 г. привела к формированию корпуса высококвалифицированных юридических кадров, развитию юридического образования и науки, накоплению опыта кодификационных работ и формированию техники кодификационного порядка изменения законодательства.

Ориентированная на решение практических задач кодификация активизировала развитие теории права. Для облегчения работы со Сводом Законов потребовалось очистить его от актов административного происхождения. Для этого было необходимо определить значение понятий закон, устав, учреждения, правила, положения. Однако доработке Свода препятствовало отсутствие разграничения закона и административного распоряжения. Это разграничение было невозможно провести в условиях сохранения абсолютистско-самодержавного строя. Политический и охранительный характер кодификационных работ, их нацеленность на сохранение неизменности Свода Законов ограничивали технику кодификации средствами редактирования законов.

Осуществление кодификации во второй половине XIX в. показало, что цель ее проведения имеет сложный комплексный характер и включает помимо приведения в единообразие, упорядочения и систематизации нормативного материала и другие важные элементы, в частности модернизацию законов в

соответствии с потребностями времени; облегчение доступа, понимания и применения законов на практике; сближение общего законодательства Империи с местными узаконениями; распространение в народе здравых юридических понятий.

Неверное восприятие кодификации как единственного и универсального способа сохранения политического режима или способа «разгрузить» действующее законодательство или метода борьбы с излишним объемом законодательства приводит к разрушению внутренних и внешних связей и препятствует системному построению законодательства.

Изученный опыт кодификации демонстрирует как положительное, так и негативное воздействие кодифицированных законов в случае их социальной невостребованности, концептуальной непродуманности, несогласованности проектируемых изменений, их юридико-техническом несовершенстве, а также слабого научно-технического и информационного обеспечения.

Любая кодификация влечёт системные трансформации не только в отдельной отрасли, но и во всей системе законодательства. Поэтому обеспечение единства и целостности системы путем усложнения её иерархически значимых структурных элементов и их комбинаций может привести к обратным последствиям.

Кодификация как особый вид правообразования включает два процесса: принятие нового кодифицированного акта и приведение иных актов в соответствие с ним. Для этого необходим специфический юридический инструментарий ее осуществления, отличающийся от обычных приёмов законодательной техники. Такой порядок изменения законодательства получил наименование кодификационного. В Российской империи он был сформирован в период с 1826 по 1917 г.

В контексте развития техники кодификации в рамках этого периода выделяются отдельные этапы. С 1826 по 1832 г. техника кодификации формировалась путем составления хронологического Полного собрания и систематического Свода Законов. Содержание техники кодификации

определялось руководствами, рекомендациями, наставлениями, правилами, выработанными М.М. Сперанским.

С 1833 по 1857 г. содержание техники кодификации определялось необходимостью исправления, дополнения и переиздания Свода Законов. Техника кодификации на этом этапе определялись не только рекомендациями, разработанными Вторым отделением, но и правилами для негласной поверки Свода Законов, составленными в Министерстве юстиции, и двумя инструкциями Обер-Прокурору для сенатских канцелярий и Губернским прокурорам. Этими правилами оттачивались приемы изложения законов в Своде для облегчения их применения и выявления пробелов и неточностей в изложении статей.

Отличительной особенностью этого этапа стало активное участие в кодификации практиков (сенатские и министерские чиновники, прокуроры). Они не только осуществляли поверку статей Свода, но и приобретали навык его надлежащего применения и своевременного разрешения возникающих вопросов. Тем самым в рамках кодификационного порядка налаживалась система обратной связи кодификаторов с правоприменителями и определялись механизмы их взаимодействия.

На этапе с 1858 по 1885 г. техника кодификации в основном заключалась в составлении продолжений Свода Законов. Увеличение объема нормативного материала и кодификационная практика второго переиздания Свода Законов в 1857г. показала невозможность переработки действующего права, сводя его в единое целое и исключая из него противоречия на базе Свода Законов. Это объяснялось не только количеством законов, но и разнообразием и противоречиями узаконений, включаемых в Свод. Выработка общих начал на такой разнородной нормативной основе оказалась невозможной.

С 1885 по 1917 г. техника кодификации определялась правилами, закрепленными законом в 1885г. Выведение кодификационного органа из системы Высочайшего управления и встраивание в структуру Государственного Совета потребовало установления на законных основаниях

способов дополнения и переработки Полного собрания и Свода Законов. Данный этап отличается бюрократизацией кодификационного порядка изменения Свода Законов.

Канцелярский подход к кодификации укрепился после передачи этой работы в 1893 г. в ведение Государственной Канцелярии Государственного Совета. Ущербность канцелярской кодификации состояла в том, что механическая эклектика старых и новых узаконений в одном Своде Законов делала его тома, не связанными внутренним единством периодически пополняемыми сборниками действующих отраслевых законов.

Противоречия в Своде Законов стали особенно резкими после принятия 23 апреля 1906г. новых Основных законов. Законодательные полномочия и нормотворческие инициативы органов народного представительства ограничивались «надзаконным» положением императора, закрепленным в Своде Законов. Необходимость последующего включения закона в Свод сдерживало реформу законодательства прежде всего в направлении закрепления юридических обязанностей государства перед населением и прав населения перед государством.

Либерализации судебной системы препятствовало противоречие принципов ее построения и функционирования базовым основаниям Свода Законов, а также неудовлетворительность системы расположения и изложения законов в нем. Развитие юридической науки сдерживалось пониманием необходимости перехода к кодификации-реформе и невозможности ее проведения на базе Свода Законов, закреплявшего существование абсолютистско-монархического государства. Все более усложняющийся механизм использования Свода Законов делал неизбежными ошибки в практике его применения.

Политическое решение о сохранении Свода Законов как системообразующего кодифицированного закона приводило к многоукладности системы российского законодательства. Деление законодательства на до и после реформенное, отличающееся на уровне общих

положений, дополнилось после 1906 г. структурированием узаконений на принятые с участием законодательных органов и созданные в порядке чрезвычайного нормотворчества по ст.87 Основных законов, а также мер Высочайшего управления. Такой вариант кодификационной деятельности высших органов государственной власти перестал удовлетворять общественным потребностям в изменении действующего права.

Анализ законодательства и практики его применения, кодификационных работ по Второй отделении, Кодификационном отделе и Отделении Свода Законов показывает, что в Российской империи с 1826 по 1917 г. сложилось два порядка изменения законодательства – кодификационный и законодательный.

Сочетание в кодификационном порядке правила об обязательном сохранении структуры Свода Законов с широкими дискреционными полномочиями кодификаторов при включении в него новых законов приводило к ряду проблем. С одной стороны в практике кодификации появилось много ошибок в связи с невозможностью механического включения новых буржуазных законов в систему Свода. С другой стороны техника канцелярского редактирования препятствовала закреплению буржуазных начал новых законов в качестве оснований Свода.

Исследованный в работе кодификационный опыт показывает ошибочность понимания кодифицированного закона как разновидности законов, отличающейся от остальных законов размером и большей значимостью. На примере Свода Законов видно, что кодифицированные акты (кодексы, уставы, положения, основы и др.) занимают центральное место в системе законодательства и в конечном счете определяют содержание и форму иных юридических предписаний и норм и их комплексов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативно-правовые акты

1. Высочайше утвержденное Учреждение Коммерческих Судов и Устав их судопроизводства 14 мая 1832 г. // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание второе с 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1833. – Т.VII. – № 5360. – С.268-298.

2. Высочайше утвержденные основные положения преобразования судебной части в России 29 сентября 1862 г. // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание второе с 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1865. – Т.XXXVII. Отделение II. – № 38761. – С.145-174.

3. Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции 12/26 мая 1882 г. Об общем пересмотре действующих гражданских законов и о составлении проекта Гражданского Уложения // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1886. – Т.II. 1882. – С.206-207.

4. Именной указ, данный Сенату 20 ноября 1864 г. – Об учреждении судебных установлений и о Судебных Уставах // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание второе с 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. – Т.XXXIX. Отделение II. – № 41473. – С.179-180.

5. Именной указ, данный Сенату 17 апреля 1884 г. – О новом издании Судебных Уставов 20 ноября 1864 года и о наименовании оных «Судебными Уставами Императора Александра II» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1887. – Т.IV. – № 2153. – С.227.

6. Сенатский, по высочайшему повелению 16 апреля 1866 г. – Об открытии Кассационных Гражданского и Уголовного Департаментов Правительствующего Сената и Общего Собрания сих Департаментов // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание второе с 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1868. – Т.XLI. Отделение I. – № 43198. – С.386-388.

7. Сборник постановлений, изданных в порядке статьи 87 Основных государственных законов, с указанием отношения этих постановлений к правилам действующего Свода законов, 1906 – 1907 гг. Изд.1-4. – СПб., 1907-1917.

8. Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. Издание 1832 года. – СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1832. – Т.X. Свод законов гражданских и межевых. – Ч.I. Законы гражданские. – 754 с.

9. Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. Издание 1832 года. – СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1832. – Т.XV. Свод законов уголовных. – 560 с.

10. Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. Издание 1857 года. – СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. – Т.I. Ч.I. Основные государственные законы. – 64 с.

11. Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. – 1914. Отдел первый. Второе полугодие. – СПб.: Сенат. тип., 1914. – С.2467-3936.

12. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. – 2-е доп. изд. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. – Ч.I. Устав гражданского судопроизводства. – XXXVIII, – 713 с.

Акты судебной практики

13. Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената. за 1880 год №№ 86-245. – 1912. – 492 с.

14. Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1894. – СПб.: Тип. Правит. Сената, 1894. – XX, – 367 с.

15. Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1899. – СПб.: Тип. Правит. Сената, 1899. – 363 с.

16. Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената. 1882. – СПб.: Тип. Правит. Сената, 1883. – 177 с.

Архивные материалы

17. Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Фонд 10 (Разряд Х. Кабинет Екатерины II и его продолжение). Опись 2 (Собственноручные бумаги Екатерины II).

18. Российский государственный исторический архив (далее РГИА):

19. Фонд 733. Опись 194. Дело 285. Дело о командировании действительного статского советника Янкевича в кодификационный отдел при Государственном совете для участия в работах по составлению Свода законов по Министерству народного просвещения 11 декабря 1882 г. – 25 июня 1884 г. – 14 л.

20. Фонд 1155. Опись 1. Дело 457. Журнал совещаний редакторов по проекту нового издания законов о состояниях (объяснительная записка и журналы Совещания по проекту новой редакции Свода законов о состояниях Кодификационного Отдела). – 234 л.

21. Фонд 1251. Опись 1, часть 1. Дело 51-г. Подлинные журналы Совета Комиссии составления законов за 1825-1826 года. – 1825. – 477 л.

22. Фонд 1251. Опись 1 к.1, Дело 161. Бумаги, касающиеся вопросов, какую силу должен иметь составленный Свод законов. – 125 с.

23. Фонд 1251 Оп.1, часть 1. Д.12. Бумаги по ревизии Свода Законов: 1828-1836. – 148 л.

24. Фонд 1251 Оп.1, часть 1, Д.138 Поверка X тома Свода Законов (гражданские законы) обер-секретарями Правительствующего Сената: 1830-1831. – 1830-1831. – 267 л.

25. Фонд 1251. Оп.1, часть 1. Д.119. Дело о Комитетах для обозрения Сводов с Высочайшими резолюциями и пометками Сперанского и его собственноручным всеподданнейшим докладом: 1828-1834 гг. – 1828-1834. – 67 л.

26. Ф.1251. Оп.1, часть 1. Д.198. Оглавление «Свода практических замечаний на уголовные законы обер-прокуроров, председателей палат и т.д.». 1840-1841 гг. – 524 л.

27. Фонд 1251. Опись 1. Д.184. Бумаги, касающиеся Уголовного уложения. 1838-1839.

28. Фонд 1251. Оп.1, ч.1. Дело 165. Замечания разных мест и лиц на первое издание Свода законов. – 673 л.

29. Фонд 1251. Оп.1, ч.1. Дело 198. Оглавление «Свода практических замечаний на уголовные законы обер-прокуроров, председателей палат и т.д.». – 524 л.

30. Фонд 1251. Оп.1, часть 1. Д.131. Бумаги Сперанского по Уголовному Уложению и записка о них, составленная в Министерстве юстиции: 1829-1839, 1844 гг. – 1829-1844. – 147 л.

31. Фонд 1251. Оп.1, ч.1. Дело 166. Записка об улучшении X тома Свода законов. Изменения в томах Свода законов VI, IX, XI, XII и XIV. – 90 л.

32. Фонд 1261. Опись 1. 1842. Дело 15. О доставлении от Российских миссий при иностранных дворах разных кодексов и Собраний законов. – 15 л.

33. Фонд 1162. Опись 1 Дело 8. О полном объединении кодификационной и законодательной частей в ведомстве Государственного Совета (5 марта 1893 – 31 декабря 1893 г. – 173 с.

34. Фонд 1405 опись 542. Дело 733. Письмо и записка прокурора Варшавской судебной палаты о необходимости систематической кодификации местных законоположений в губерниях Царства Польского. – 18 л.

Сборники документов, опубликованные источники

35. Акты, относящиеся до юридического быта Древней Руси. Изданы Археографической комиссией под редакцией Калачева Н.В. Т. I–III. – СПб., 1857-1884.

36. Государственный совет: сборник узаконений и постановлений с разъяснениями / сост.: В. Шеин, Г. Блосфельдт. – издание неофициальное. – СПб.: [б. и.], 1910. – 730 с.

37. Законодательные акты переходного времени 1904-1906 гг.: Сб. законов, манифестов, указов Пр. сенату, рескриптов и положений ком. министров, относящихся к преобразованию гос. строя России, с прил. алф. предм. указ. / Под ред. пр.-доц. Н.И. Лазаревского. – 2-е изд., пересмотр. и доп. по 1 янв. 1907 г. – Санкт-Петербург: Изд. Юрид. кн. скл. «Право», 1907. – 733 с.

38. Законы о состояниях (Св. Зак. Т.IX, изд. 1899 г., по Прод. 1906, 1908 и 1909 г.г.). Изд. неофициальное / Сост. Я.А. Канторович. – Изд. 2-е, значит. доп. – СПб.: Изд. Юрид. кн. склада «ПРАВО», 1911. – 1032 с.

39. Материалы по судебной реформе в России 1864 года: [т.1-74]. – Санкт-Петербург, 1857-1866. [Т.70]: Судебные уставы 20 ноября 1864 года. – 453 с.

40. Наказ Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. Ст.440-443 // Полное собрание законов Российской империи. № 12949.

41. Памятники русского права. Вып. 4. – М., 1956.

42. Российское законодательство X-XX вв.: В 9 т. // Под редакцией О.И. Чистякова. – М., 1984-1992 гг.

43. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.7: Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел. Ч.1. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1871.

44. Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства. Пг., 1917. – 537с.

45. Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Текст, перевод и словарь-комментарии / под ред. К.И. Яблонскиса. – Минск, 1960.

46. Судебники Ивана III и Ивана IV 1497 и 1550 гг. / текст с указ. Напеч. Проф. М. Ключковым. – Харьков: Издание Историко-филологического факультета Императорского Харьковского университета, 1915.

47. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией: Ч.1. – 2 е изд., доп. – Санкт-Петербург, Устав уголовного судопроизводства. – 1867. – 523с.

Монографии и статьи

48. Азаркин Н.М. История юридической мысли России. М.: Юрид. лит., 1999. – 528 с.

49. Азми Д. М. Правовая структуризация и систематика. – М. – Москва: Юстицинформ, 2010. – 318 с.

50. Алексеев Н.Н. Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки. – М.: Моск. науч. изд-во. 1918. – 208с.

51. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М.: Норма, 2001. – 752с.

52. Андреевский И.Е. О значении разработки архивов для успехов кодификации // Наблюдатель. 1882. Июль. – С.16-24.

53. Антонов М.В. О системности права и «системных» понятиях в правоведении // Правоведение. 2014. № 1 (312). – С.24-42.

54. Архипов И. В. Систематизация уголовного законодательства России в 30-70-е годы XIX века; под ред. Ю.М. Понихина. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997. – 142с.

55. Байниязова З.С. Принципы правовой системы России: проблемы теории и практики / Под ред. В.Н. Синюкова. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2006. – 152с.

56. Байтин М.И. Сущность права. 2-е изд. – М.: ООО ИД «Право и государство», 2005. – 544с.

57. Баранов В.М. Классификация в российском законодательстве: (теоретико-прикладное исследование): монография. – Москва: Юрлитинформ, 2014. – 159 с.

58. Баранов В.М., Поленина С.В. Система права, система и систематизация законодательства в правовой системе России. – Н.Новгород, 2002. – 356с.

59. Барсукова В.Н. Основы структурирования кодифицированных актов; под ред. И.Н. Сенякина. – Москва: Статут, 2011. – 204 с.

60. Баршев Я.И. Историческая записка о содействии Второго отделения Собственной его императорского величества канцелярии развитию юридических наук в России. – Санкт-Петербург: тип. 2 отд. Собств. Е.И.В. канцелярии, 1876. – 32 с.

61. Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству. – Санкт-Петербург: тип. 2 отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1841. – 297 с.

62. Берендтс Э.Н. Связь судебной реформы с другими реформами императора Александра II и влияние ее на государственный и общественный быт России. – Пг.: Сенат. тип., 1915. – 202 с.

63. Березкин С.Ф. Сперанский как кодификатор: Речь, читанная С.Ф. Березкиным в заседании Одесского юридического общества 11 февраля 1889 года. – Одесса: Экономическая типография, 1889. – 12 с.

64. Благовещенский Н.А. Сводный статистический сборник хозяйственных сведений по земским подворным переписям. Т.1. – М., 1893. – 264 с.
65. Блинов И.А. Судебный строй и судебные порядки перед реформой 1864 года // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет: в 2 т. – Пг.: Сенат. тип., 1914. – Т.I. – С.3-101.
66. Блосфельдт Г.Э. «Законная сила» Свода законов в свете архивных данных. – М.: Зерцало, 2006. – 268с.
67. Будкевич Ф. П. Гражданское уложение: Система и пл. кодификации законов. – Варшава: тип. Варш. учеб. окр., 1905. – 73 с
68. Богоявленский С.К. Научное наследие: о Москве XVII в. – Москва: Наука, 1980. – 271с.
69. Бочкарев В. Культурные запросы русского общества начала царствования Екатерины II по материалам Законодательной комиссии 1767г. // Русская старина. 1915. Февраль. – С.322-340.
70. Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. – М.: Юрид. лит., 1963. – 196с.
71. Будкевич Ф.П. Гражданское уложение. Система и план кодификации законов. – Варшава: Тип. Варш. учеб. округа, 1905. – 73 с.
72. Буцковский Н. Очерки судебных порядков по Уставам 20 ноября 1864 года. – СПб.: Тип. Скарятин, 1874. – 614 с.
73. Варга Чаба. Загадка права и правового мышления / Пер. с англ.; Сост. и науч. ред. М.В. Антонова. – СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2015. – 395с.
74. Варламова Н.В. Философия права и юридическая догматика (проблема внутренней непротиворечивости правовой теории) // Юриспруденция XXI века: горизонты развития. Очерки. – СПб., 2006. – С.269-300.
75. Васьковский Е.В. Правотворческая деятельность новых судов в сфере процесса и права гражданского // Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. – Пг.: Сенат. тип., 1914. – Т.II. – С.375-413.

76. Великая реформа: устав гражданского судопроизводства: колл. монография / Под ред. Е.А. Борисовой. – М.: Юстицинформ, 2019. – 550 с.
77. Венгеров А.Б., Барабашев И.С. Нормативная система и эффективность общественного производства. – М.: Госюриздат, 1985. – 286 с.
78. Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. – Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1969. – 400 с.
79. Винавер М.М. К вопросу об источниках X тома Свода законов // Журнал Министерства юстиции. – 1895. – № 10. – С.1-68.
80. Винавер М.М. Кодификация и толкование (Историческая параллель) // Вестник права. 1904. Книга вторая. Февраль. – С.95-109.
81. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Издание четвертое с дополнениями. – СПб.: Издание книгопродавца Н.Я. Оглоблина, 1905. – 699 с.
82. Вознесенский Н.А. Петр Великий как законодатель. Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века. – М., Новое литературное обозрение, 2017. – 572 с.
83. Волков Н.Е. Очерк законодательной деятельности в царствование императора Александра III. 1881-1894 гг. – СПб.: Тип. А.Ф. Штольценбурга, 1910. – 372 с.
84. Вопросы кодификации: Сборник науч. статей / [Отв. ред. д-р юрид. наук В.М. Чхиквадзе и канд. юрид. наук А.Н. Иодковский]; Акад. наук СССР. Ин-т права им. А.Я. Вышинского. – Москва: Госюриздат, 1957. – 247 с.
85. Воробьев Ю.К. Латинский язык в России XVI – первой трети XIX в. – Саранск: Издательство Мордовского университета, 2015. – 140 с.
86. Галузо В.Н. Систематизация законодательства в России (1649-1913): Учебное пособие. – М.: Юнити-Дана, 2007. – 111 с.
87. Гессен И.В. Обновленный строй и кодификация // Труды Юридического общества при Петербургском университете. Т.1. Санкт-Петербург, 1910. – С.180-213.

88. Гордиенко П.Ю. Техника систематизации права: теоретические основы и инструментарий: монография. Под научной редакцией М.Л. Давыдовой. – Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2016. – 318 с.

89. Горин А.Г. О кодификации гражданского права России (1882–1917 гг.) // Правоведение. – 1984. – № 4. – С.57-64.

90. Горшенев В.М. Нетипичные нормативные предписания // Советское государство и право. 1978. № 3.

91. Горшенин К. П. Кодификация законодательства о труде: Теорет. вопросы / Всесоюз. науч.-исслед. ин-т советского законодательства. – Москва: Юрид. лит., 1967. – 224 с.

92. Горшенин К.П., Елисейкин П.Ф., Братусь С.Н., Развитие кодификации советского законодательства / Всесоюз. науч.-исслед. ин-т советского законодательства. – Москва: Юрид. лит., 1968. – 247 с.

93. Государственная канцелярия 1810-1910: [исторический очерк] / сост. в Государственной канцелярии. – Санкт-Петербург, 1910. – 466с.

94. Государственный совет. 1801-1901: [Крат. очерк деятельности за сто лет существования]: Сост. в Гос. Канцелярии. – СПб.: Гос. тип., 1901. – 216 с.

95. Графский В.Г. Систематизации законодательства в европейской и российской традиции // Систематизация законодательства в России (историко-правовые, теоретико-методологические и технико-юридические проблемы). К 175-летию Свода законов Российской империи: Материалы Международного круглого стола. Институт государства и права РАН (Москва, 18-19 января 2008 года) / Под ред. проф. В.М. Баранова, В.Г. Графского, С.В. Кодана. – Н.Новгород, 2008. – С.7-23.

96. Грязин И.Н. Текст права. – Таллин, 1983. – 187 с.

97. Давид Р. Основные правовые системы современности. – М., 1988.

98. Добрышевский С.А., Данцева Т.Н. Формальные источники права. – М.: Норма, 2011. – 160с.

99. Дорская А.А., Честнов И.Л. Эволюция системы права в России: теоретический и историко-правовой подходы. – СПб.: Астерион, 2010. – 306 с.

100. Дудырев Ф. Ф. Кодификация уголовного законодательства Российской империи в XVIII – начале XX в. / Ф.Ф. Дудырев. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2011. – 483 с.

101. Дюги Л. Социальное право. Индивидуальное право. Преобразование государства. – СПб., 1909. – 148 с.

102. Желонкина, Екатерина Алексеевна. Законотворческая техника в России XVII – XIX веков: монография. – Москва: Юрлитинформ, 2015. – 173 с.

103. Жинульяк С.О кодификации и ее влиянии на законодательство и на науку права // Журнал Министерства Юстиции. 1876. Кн. 6/7. – С.30-40.

104. Жинульяк Шарль. О кодификации и ее влиянии на законодательство и на науку права. – Москва: Унив. тип. (Катков), 1876. – 69 с.

105. Золотова О.И. Проект новой редакции Устава гражданского судопроизводства, разработанный комиссией Н.В. Муравьева: историко-правовой анализ // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – № 2(7). – С.264-269.

106. Ивановский В.В. Указ и закон по действующему русскому законодательству // Журнал Министерства Юстиции. 1912. № 5. – С.33-44.

107. Иеринг Р. Борьба за право / перевод С.И. Ершова с 13-го немецкого издания. – Издание второе. – М.: Издание М.Н. Прокоповича, 1907. – 96 с.

108. Исаков И. Н. Правовая система общества: теория, практика формирования, перспективы развития: монография / И.Н. Исаков. – Москва: Юрлитинформ, 2016. – 226 с.

109. История суда и правосудия в России: в 9 т. / Отв. ред. В.В. Ершов, В.М. Сырых. – М.: Норма. 2019. – Т.4. Краковский К.П. Судостроительство и судопроизводство в России периода судебных реформ (1864-1881 годы). – 671 с.

110. Кабрияк Р.К. Кодификации / Пер. с фр. Л.В. Головки. – М.: Статут, 2007. – 476 с.

111. Кавелин К.Д. Собрание сочинений К.Д. Кавелина. Этнография и правоведение / с примеч. проф. Д.А. Корсакова. Т.4. Санкт-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1900. – 1348 с.
112. Каминка А.И. Сила свода законов // Право. Еженедельная юридическая газета. – СПб., 1908. – № 1 (6 января). – Стб.6-19.
113. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: Учебное пособие: В 2 т. – Ярославль: Изд-во Яр.ГУ, 2006. – 544 с.
114. Кассо Л.А. К истории Свода законов гражданских. – СПб: Сенатская типография, 1904. – 39 с.
115. Керимов Д.А. Кодификация и законодательная техника. – М.: Госюриздат 1962. – 104с.
116. Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. – М.: Норма, 2020. – 524с.
117. Керимов Д.А. Культура и техника законотворчества. – М.: Юрид. лит., 1991. – 160 с.
118. Керимов Д.А. Философские основания политико-правовых исследований. – М.: Норма, 2021. – 336с.
119. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. – Москва: издание К. Солдатенкова, 1871. – 465 с.
120. Ковалевский М.М. Взаимоотношение свободы и общественной солидарности // Вехи. Интеллигенция в России. Сборник статей 1909-1910 г. – М., 1991. – С.286-294.
121. Ковлер А.И. Антропология права. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА – ИНФРА-М), 2002. – 480 с.
122. Кодан С.В. Несостоявшаяся кодификация гражданского законодательства России. 1800-1825 гг. / С.В. Кодан, Р.С. Тараборин. – Екатеринбург: Зерцало-Урал, 2002. – 199 с.
123. Кодан С.В. Юридическая политика Российского государства в первой половине XIX века: детерминанты, направления, институты // Изв. вузов. Правоведение. 2003. № 2. – С.170-187.

124. Кодан С.В. Юридическая политика Российского государства в 1800-1850-е гг.: деятели, идеи, институты. – Екатеринбург: УрАГС, 2005. – 324 с.

125. Кодификация законодательства: теория, практика, техника: материалы международной научно-практической конференции, (Нижний Новгород, 25-26 сентября 2008 года) / Нижегородская акад. МВД России [и др.; под ред. В.М. Баранова, Д.Г. Краснова]. Нижний Новгород: Графика [и др.], 2009. – 1097 с.

126. Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX в. – Новосибирск, 1974. – 252 с.

127. Корево Н.М. Об изданиях Законов Российской Империи. 1830-1899. Сборник сведений об изданиях Свода Законов и Продолжений к нему, Полного Собрания Законов, Сводов Военных и Морских Постановлений, а также об изданиях местных законов. / – Н. Корево. 1900. – 164 с.

128. Коркунов Н.М. М.А. Балугьянский: Проект судебного устройства 1828 года / Н.М. Коркунов. – Санкт-Петербург: тип. Правительств. сената, 1895. – 8с.

129. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. – СПб., 1914. – 354 с.

130. Коркунов Н.М. Значение свода законов // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. № 9. – С. 95-117.

131. Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – 183 с.

132. Корф М.А. Жизнь графа Сперанского М.М. – СПб., 1861. Т.II. – 283 с.

133. Корф М.А. Император Николай в совещательных собраниях (из современных записок статс-секретаря барона М.А. Корфа) // Сборник Русского исторического общества. Т.98. – СПб., 1896. – С.101-283.

134. Косачевская Е.М. М.А. Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX в. – Л.: Издательство Ленинского университета, 1971. – 271 с.

135. Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских основных законов. – М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1912. – 223 с.

136. Кочаков Б.М. Русский законодательный документ XIX – нач. XX веков // Вспомогательные исторические дисциплины: сборник статей / Академия наук СССР, Институт истории. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937. – С.319-373.

137. Краткое обозрение хода работ и предположений по составлению нового кодекса законов о наказаниях. – Санкт-Петербург: тип. 2 Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1846. – 146 с.

138. Красавчиков О.А. Система права и система законодательства (гражданско-правовой аспект) // Правоведение. 1975. № 2. – С.63-64.

139. Крашенинников П. Времена и право. – М.: Статут, 2016. – 256 с.

140. Кузьмин-Караваев В.Д. Земство и деревня. 1898-1903. Статьи, рефераты, доклады и речи. – СПб., 1904. – 429 с.

141. Латкин В.Н. Законодательные комиссии в России в XVIII столетии. – СПб., 1887. – 595с.

142. Леже Раймон Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход – М.: Волтерес-Клувер, 2009. – 584 с.

143. Летяев В.А. Рецепция римского права в России XIX – начала XX в. (историко-правовой аспект). – Волгоград: Издательство Вол.- ГУ, 2001. – 244 с.

144. Лозина-Лозинский М.А. Кодификация законов по русскому государственному праву. – СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1897. – 113 с.

145. Луман Н. Общество как социальная система. – М., 2004. – 232 с.

146. Лядащева-Ильичёва М.Н. Гражданское законодательство в России в 1649 – октябре 1917 года: формирование и развитие. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 189 с.

147. Майков П.М. Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1826-1882: исторический очерк П.М. Майкова. – Санкт-Петербург: Тип. И.Н. Скороходова, 1906. – 616 с.

148. Майков П.М. О Своде законов Российской империи / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2006. – 293 с.

149. Макаров А.Н. К истории кодификации основных законов / А.Н. Макаров. – Санкт-Петербург: Сенатская тип., 1912. – 59 с.

150. Маковский А.Л. О кодификации гражданского права (1922-2006). – М.: Статут, 2010. – 736 с.

151. Малинин М.И. К вопросу об основных принципах гражданского права и гражданского уложения: Речь, произнес. в торжества. собр. Новорос. ун-та 30 авг. 1882 г. орд. проф. М.И. Малининым/ М.И. Малинин. – Одесса: Тип. П.А. Зеленого (Б.Г. Ульриха), 1882. – 21с.

152. Малиновский И.А. Лекции по истории русского права. – Варшава, 1915. – 488с.

153. Малышев К.И. Курс общего гражданского права России. Т.1. – СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1878. – 356 с.

154. Малышева И. В. Единство правотворчества и систематизации законодательства: монография. – Новокузнецк: Кузбасский ин-т ФСИН России, 2020. – 220 с.

155. Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 800 с.

156. Мамутов В. К. Кодификация: сборник научных трудов. – Киев: Юринком Интер, 2011. – 247 с

157. Маньков А.Г. Использование в России шведского законодательства при составлении проекта Уложения 1720-1725 гг. // Исторические связи Скандинавии и России IX-XX в. – Л., 1970. – С.112-126.

158. Миронов Б.Н. Развитие грамотности в России и СССР за тысячу лет // *Studia Humanistica*. 1996. Исследования по истории и филологии. – СПб., Блиц, 1996. – С.24-47.
159. Мицкевич А.В. Систематизация законов Российской Империи М.М. Сперанским // *Журнал российского права*. – 2001. – № 5. – С.154-160.
160. Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. – Москва: Тип. А.И. Мамонтова и К., 1879. – 250 с.
161. Муромцев С.А. Предстоящее сокращение «кодификационной» разработки текущего законодательства // *Право*. 1907. № 37. Ст.2381.
162. Нерсисянц В.С. Право и правовой закон: становление и развитие / Под ред. В.В. Лапаевой. – М.: Норма, 2009. – 384 с.
163. Нефедьев Е.А. Причины и цель издания Полного Собрания и Свода законов с точки зрения Сперанского – конвалют. изд. – Казань: Типография Губернского Правления, 1889. – 81 с.
164. Новгородцев П.И. Из лекций по общей теории права. Часть методологическая. – М., 1904. – 109 с.
165. Нольде А.Э. Очерки по истории кодификации местных гражданских законов при графе Сперанском. – Санкт-Петербург: Сенатская тип., 1906. – 325 с.
166. Нольдэ Б.Э. Логика правовой системы // *Право: Еженедельная юридическая газета*. – СПб., 1908. № 44. 2 ноября. – 2387-2442 стб.
167. Обзорение исторических сведений о Своде законов. – СПб., 1883. – 453 с.
168. Озерецковский Н.Е. Свод законов уголовных: (Св. зак., т.15, изд. 1885 г., по Прод. 1912 г.): С предметным указателем / Сост. Н. Озерецковский, пом. обер-секр. 2 Деп. Прав. сената. – 2-е изд. Неофиц. – Санкт-Петербург: Юрид. кн. маг. И.И. Зубкова п/ф. "Законоведение", 1915. – 719 с.
169. Омельченко О.А. «Законная монархия Екатерины Второй: Просвещённый абсолютизм в России. – М.: Юрист, 1993 – 428 с.

170. Омельченко О.А. Кодификация права в России в период абсолютной монархии. – М., 1989. – 148 с.

171. Очерки методологии законотворчества = Contributions to the methodology of the creation of written law: материалы первого конгресса Европейской ассоциации содействия законодательству Льеж (Бельгия) 9-11 сентября 1993 г. / Ulrich Karpen, Vladimir Lafitsky (eds.). - Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 1996. – 118 с.

172. Пахарнаев А.И. Обзор действующего Свода Законов Российской Империи. – СПб., 1909. – 96 с.

173. Пахман С.В. История кодификации гражданского права: В 2-х томах. – СПб., 1876.

174. Пахман С.В. О современном движении в науке права: Речь, произнес. в годовом собр. Юрид. о-ва, состоящего при С.-Петербур. ун-те, 14 февр. 1882 г. С.В. Пахманом, заслуж. проф. и почет. чл. ун-тов: С.-Петербур., Казан. и Харьков. – Санкт-Петербург: тип. Правительствующего сената, 1882. – 68 с.

175. Пашерстник А.Е. Теоретические вопросы кодификации общесоюзного законодательства о труде / Акад. наук СССР. Ин-т права им. А.Я. Вышинского. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. – 232 с.

176. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – СПб., 1907. – 662 с.

177. Перетерский И.П. Техника оформления кодексов // Проблемы социалистического права. 1939. № 1. – С.105-115.

178. Победина Е.К. вопросу о юридической силе Свода законов // Журнал министерства юстиции. 1909. № 4. – С.138-150.

179. Поляков А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций. – СПб.: Издательство С.-Петербурга. Гос. Ун-та, 2004. – 832 с.

180. Поляков А.В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации // Правоведение. 2006. № 2. – С.25-34.

181. Попов А.Н. Записка о девятом томе Свода Законов. – СПб, 1867. – 17 с.
182. Проблемы общей теории права и государства: Учебник для вузов / Под общ. ред. В.С. Нерсисянца. – М.: Норма, 2001. – С.337-338.
183. Проблемы системы и систематизации законодательства: сборник статей / Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", Факультет права; [научные редакторы: В.В. Исаков, Е.Н. Салыгин]. – Москва: Юриспруденция, 2018. – 288 с.
184. Радбрух Г. Философия права. – М.: Международные отношения, 2004. – 238 с.
185. Развитие кодификации советского законодательства. – М.: Юрид. лит., 1968. – 247с.
186. Развитие русского права в первой половине XIX века / Отв. ред. Е.А. Скрипилев. – М.: Наука, 1994. – 315 с.
187. Развитие русского права во второй половине XIX – начале XX века / Отв. ред. Е.А. Скрипилев. – М.: Наука, 1997. – 368 с.
188. Рахманина Т.Н. Кодификация законодательства / Т.Н. Рахманина; ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва: Юристъ, 2005. – 141 с.
189. Ренненкампф Н.К. Юридическая энциклопедия. – Киев: Т-во печ. Дела и торговли И.Н. Кушнерев и К, в Москве. Киев. Отд-ние, 1889. – 293 с.
190. Реутов В.П. Функциональная природа системы права. – Пермь, 2002. – 234 с.
191. Романович-Славатинский А.В. Пособие для изучения русского государственного права по методу историко-догматическому. Вып.2. – Киев, 1872. – 111 с.
192. Рулан, Норбер. Историческое введение в право: [учеб. пособие для вузов] [пер. с фр.: А. Б. Воронов и др.]. - Москва: NOTA BENE, 2005. – 667 с.
193. Рыбаков В.А. Способы развития национального права: монография. – Омск: Наука, 2006. – 290 с.

194. Саатчиан А.Л. Свод законов гражданских: (Св. зак. т.10, ч.1, изд. 1900 г. по Прод. 1906 и 1908 гг.): С предм. указ. и с позднейшими узаконениями по день выхода в свет / Сост. А.Л. Саатчиан. Неофиц. изд. – Санкт-Петербург: юрид. кн. маг. И.И. Зубкова п/ф. «Законоведение», 1911. – 575 с.

195. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (Основные правовые системы современности). – М.: Юрист, 2000. – 441 с.

196. Самощенко И.С., Шебанов А.Ф., Явич Л.С. Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства / Под ред. А.Н. Мишутина; Юрид. комис. при Совете Министров СССР. Всесоюз. науч.-исслед. Ин-т советского законодательства. – Москва: Юрид. лит., 1969. – 343 с.

197. Сборник материалов по вопросам систематизации и пропаганды советского законодательства / Прокуратура РСФСР. Отд. систематизации и пропаганды сов. законодательства. – Москва: [б.и.], 1975. – 110 с.

198. Сборник материалов по вопросам систематизации советского законодательства: (Метод. рекомендации) / Сост. В.И. Поздновская; Прокуратура РСФСР. – Москва: б.и., 1979. – 72 с.

199. Сенякин И.Н. Специализация и унификация российского законодательства. – Саратов, 1993. – 371 с.

200. Сергеева Н.В. Закон и указ в структуре актов законодательства Российской империи XIX- начала XX века // Закон и право. 2024. № 6. – С.28-41.

201. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по истории русского права. – СПб., 1883. – 997 с.

202. Середонин С.М. Граф М.М. Сперанский. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1909. – 189 с.

203. Синюков В.Н. Российская правовая система: Введение в общую теорию. монография. - 2-е изд., доп. - Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. – 672с.

204. Систематизация законодательства в Российской Федерации / Под ред. А.С. Пиголкина. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 382 с.

205. Системность права: история, теория, практика: коллективная монография / [М.В. Антонов, Л.И. Глухарева, Л.А. Голубева и др.]; Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей экономики и права. – Санкт-Петербург: СПб ИВЭСЭП, 2016. – 364с.

206. Соловьев А. А. Оценка степени исследованности темы систематизации законодательства: тематический библиографический справочник. – Москва: Ритм, 2011. – 83 с.

207. Соловьев В.С. Мнимая критика (ответ Б.Н. Чичерину) // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева: с 3 портретами и автографом / под ред. и с примеч. С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова. Т.8. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1914. – С.669-716.

208. Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906-1914). – М.: РОССПЭН, 2011. – 511 с.

209. Солодкин И.И. Роль М.М. Сперанского в развитии юридического образования в России // Правоведение. 1962. № 3. – С.146-152.

210. Сорокин В.В. Концепция эволюционного преобразования правовых систем в переходный период. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. – 541 с.

211. Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. – СПб., 1845. – 182 с.

212. Сперанский М.М. Обзорение исторических сведений о Своде законов: составлено из актов, хранящихся во 2-м Отд-нии Собств. Е.И.В. канцелярии. – Санкт-Петербург: Печ. в тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1833. – 200 с.

213. Сперанский М.М. Объяснительная записка содержания и расположения свода законов гражданских // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. 1859, кн.2 (с приложением). – Санкт-Петербург: В Тип. II-го отд-ния собственной Е.И.В. канцелярии, 1858, 1859. – С.2-26.

214. Сперанский М.М. План государственного преобразования графа М.М. Сперанского. - Москва: издание «Русской мысли», 1905 – 359 с.

215. Станиславский А.Г. О ходе законоведения в России и о результатах современного его направления: Речь, произнес. в торжеств. собр. Казан. ун-та, 8 июня 1853 года А. Станиславским, э.-орд. проф., д-ром юрид. наук: С присовокуплением Систематического указателя сочинений юридического содержания, изданных в России с 1830 по 1852 г. включительно. – Санкт-Петербург: тип. Акад. наук, 1853. – 110 с.

216. Становление основ общесоюзного законодательства / Под общ. ред.: Кириченко М.Г., Самощенко И.С.- М.: Юридическая литература, 1972. – 325 с.

217. Столетие Военного министерства: 1802-1902: Кодификационный отдел: исторический очерк. Санкт-Петербург: тип. Т-ва М.О. Вольф, 1902. – 85 с.

218. Структура правовой системы: государственное право и частное право. Париж: Французская организация технического сотрудничества, 1991. – 64 с.

219. Сулейменов М. Право как система. М.: Статут, 2016. – 360 с.

220. Тельберг Г.Г. Участие императора Николая I в кодификационной работе его царствования // Журнал министерства юстиции. 1916. № 1. – С.233-244.

221. Тараборин Р.С. Формирование системы гражданского права Российской империи в эпоху модернизации общества (XVIII – первая треть XIX в.) – Москва: Статут, 2022. – 210 с.

222. Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. – Юрьев: Типография К. Матиссена, 1917. – 534 с.

223. Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / под ред. С.Н. Братуся и И.С. Самощенко. – М., 1962. – 575 с.

224. Теория систематизации законодательства: избранные труды Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: в 2 томах. Т.1. – Репр. изд. – Москва: ИЗиСП: Юриспруденция, 2023. – 576 с.

225. Тиунова Л.Б. Системные связи правовой действительности. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1991. – 132 с.

226. Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII-XX веков. Очерки жизни и творчества: в 2 т. – М.: Зерцало, 2007. – Т.1. – XII, 660 с.; Т.2. – 664 с.

227. Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. – СПб., 1998. – 672 с.

228. Труды Юридического общества при императорском С.-Петербургском университете / под ред. М.М. Винавера [и др.]. Т.1 (1908-1909г.) – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1910. – 528 с.

229. Удинцев В.А. К вопросу о включении в гражданское уложение постановлений о торговых сделках / Вс. А. Удинцев. – Киев: тип. Имп. Ун-та св. Владимира Акц. о-ва печ. и изд. дела Н.Т. Корчак-Новицкого, 1901. – 38 с.

230. Уортман Р. С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России: развитие правового сознания в императорской России. – Москва: Новое лит. обозрение, 2004. – 515 с.

231. Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. – Ярославль: Типография Губернского Правления, 1909. – 452 с.

232. Филиппов А.Н. К вопросу о составе Первого Полного Собрания Законов Российской Империи. – Москва: Печатня А. Снегиревой, 1916. – 138 с.

233. Филиппов А.Н. Учебник истории русского права. Часть 1. – Юрьев: Типография К. Маттисена, 1914. – 824 с.

234. Филиппов М.А. Судебная реформа в России. – СПб., 1871-1875. Т.1. – 640 с.

235. Формирование правовой системы России: проблемы и перспективы: Сб. статей. – Новосибирск: Наука, 1997. – 223 с.

236. Фукс В.Я. Суд и полиция: в двух частях / Виктора Фукса. – Москва: Унив. тип., 1889. – 522 с.
237. Чашин А.Н. Теория государства и права: учебник / А.Н. Чашин. – Москва: Дело и сервис, 2008. – 687 с.
238. Чичерин Б.Н. Мистицизм в науке: [Разбор соч. Владимира Соловьева. "Критика отвлеченных начал"]. – Москва: тип. Мартынова и К^о (б. Грачева и К^о), 1880. – 191 с.
239. Чухвичев Д.В. Законодательная техника. Москва: ЮНИТИ: Закон и право, 2006. – 239 с.
240. Шапсугов Д.Ю. О концепциях научной критики в юриспруденции // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 3. – С.146-156.
241. Шапсугов Д.Ю. Проблемы теории и истории власти, права и государства. – М.: Издательская группа «Юрист», 2003. – 688 с.
242. Шатковская Т.В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX – начала XX века: монография. – Ростов-на-Дону: Издательство АПСН СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. – 576 с.
243. Шатковская Т.В. Техника кодификации М.М. Сперанского: реформа или компиляция? // Журнал российского права. 2022. Т.26. № 5. – С.19-30.
244. Шатковская Т.В. Традиция и модернизация в праве: сравнительно-правовой аспект // Журнал российского права. 2014. № 4. – С.45-56.
245. Шатковская Т.В., Клеветова Е.Ю. Исторические формы техники российской кодификации (на примере Свода законов Российской империи) // Вестник Поволжского института управления. 2024. № 3. – С.44-55.
246. Шебанов А.Ф. Из опыта создания Полного собрания законов и Свода законов в дореволюционной России // Правоведение. 1967. № 2. – С.96-106.
247. Шершеневич Г.Ф. История кодификации гражданского права в России. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1898. – 128с.

248. Шершеневич Г.Ф. Общее учение о праве и государстве. – М., 1908. – 163 с.

249. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. – Рига, 1924. – 805 с.

250. Шимановский М.В. О значении свода законов Российской империи для науки и жизни (Речь тов. Пред. Одес. Юрид. об-ва. М.В. Шимановского, произнесенная в торжественном заседании 11 февраля 1889 г., посвященном памяти М.М. Сперанского). – Одесса: Экон. Тип., 1889. – 91 с.

251. Штаммер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Т.1. – СПб., 1907. – 310с.

252. Явич Л.С. Сущность права. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та 1985. – 207 с.

253. Ящук Т.Ф. Систематизация российского законодательства в советский период: монография. – Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2021. – 413 с.

Диссертации

254. Азнагулова Г.М. Понятийно-категориальный аппарат и структурно-функциональный состав правовой системы России (теоретико-методологическое исследование): диссертация ... доктора юридических наук. 12.00.01. – Москва, 2015. – 420 с.

255. Ачмизов А.А. Государственные крестьяне в России: трансформация правового статуса, управления и сословного самоуправления: XVIII – XIX вв.: историко-правовое исследование: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01. – Ростов-на-Дону, 2015. – 186 с.

256. Борисова Т.Ю. Свод законов Российской империи в 1905-1917 гг.: идейно-политическая борьба вокруг кодификации. 07.00.02: дис. ... кандидата исторических наук. Санкт-Петербург, 2005. – 230 с.

257. Зубарев М.В. Развитие гражданского права в условиях социальной модернизации России во второй половине XIX – начале XX вв.: диссертация ... кандидата юридических наук: 5.1.1. – Екатеринбург, 2023. – 259 с.

258. Йодковский А.Н. Вопросы кодификации законодательства. Дис. кандидата юрид. наук. – М., 1948. – 156 с.
259. Кочеткова И.В. Законодательная деятельность Государственной Думы Российской империи (1906-1917): Юрико-технические аспекты. диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01. – М., 2004. – 176 с.
260. Маркова-Мурашова С.А. Национальная правовая система России и типология правопонимания: диссертация ... доктора юрид. наук. – СПб., 2001. – 481 с.
261. Мелькин А.А. Формирование юридических понятий в российской правовой системе: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Московский университет МВД РФ. – Москва, 2008. – 150 с.
262. Немытина М.В. Суд в России вторая половина XIX – начало XX вв.: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.01. – Москва, 1999. – 403 с.
263. Ружицкая И.В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I: диссертация ... доктора исторических наук. 07.00.02. – Москва, 2011. – 461 с.
264. Сидорчук И.П. Кодификация в советском правотворческом процессе: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Белорус. гос. ун-т им. В.И. Ленина. – Минск, 1989. – 219 с.
265. Слыщенко В.А. Проект Гражданского уложения 1905 г. и его место в истории русского права: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01. – Москва, 2003. – 204с.
266. Туйкина Ю.Р. Историческое соотношение российского гражданского законодательства XVIII – XIX веков и Кодекса Наполеона 1804 года: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01. – Уфа, 2002. – 160 с.
267. Ушаков А.А. Важнейшие кодификационные работы на первой фазе развития советского государства: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01. – Ленинград, 1953. – 145 с.

268. Чашин А.Н. Кодификация в сфере российского законодательства: теория, история и перспективы: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01 – Магадан, 2012. – 231 с.

269. Чинарян Е.О. Становление и развитие законодательной техники в дореволюционной России: историко-теоретическое исследование: дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01. – Москва, 2009. – 174 с.